

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР**

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 1 (19) 2018

**МОСКВА
ИМИ МГИМО
2018**

Главный редактор *А. А. Орлов*

Зам. гл. редактора *М. В. Ларионова*

Международный редакционный и научно-экспертный совет

- А. В. Шестопал* – председатель совета (МГИМО, Российская Федерация)
Н. Е. Аникеева (МГИМО, Российская Федерация)
Е. М. Астахов (МГИМО, Российская Федерация)
Е. В. Астахова (МГИМО, Российская Федерация)
О. В. Волосюк (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Е. Р. Воронин (МГИМО, Российская Федерация)
Р. Гусман Тирадо (Университет Гранады, Испания)
В. М. Давыдов (Институт Латинской Америки РАН, Российская Федерация)
А. Л. Дуффе Монтальбан (Университет Ренн II, Франция)
Н. В. Зененко (Военный университет МО, Российская Федерация)
В. А. Иовенко (МГИМО, Российская Федерация)
Е. М. Кожокин (МГИМО, Российская Федерация)
А. В. Мальгин (МГИМО, Российская Федерация)
Р. дель Мораль (Президент Европейской ассоциации преподавателей испанского языка)
К. дель Прадо Игерас (Университет Король Хуан Карлос, Мадрид, Испания)
Х. де Ойос Пуэнте (Национальный Университет заочного обучения, Испания)
Л. С. Окунева (МГИМО, Российская Федерация)
А. И. Подберезкин (МГИМО, Российская Федерация)
И. В. Попов (МГИМО, Российская Федерация)
Э. Сан Мигель Перес (Университет Король Хуан Карлос, Мадрид, Испания)
Г. С. Романова (МГИМО, Российская Федерация)
А. Санчес-Андрес (Университет Валенсии, Испания)
Н. А. Симония (МГИМО, Российская Федерация)
С. М. Хенкин (МГИМО, Российская Федерация)

Ответственный редактор выпуска *М. В. Ларионова*

Ибероамериканские тетради. Том VI. Вып. 1 (19) / Гл. редактор *А. А. Орлов*, отв. редактор выпуска *М. В. Ларионова*. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2018. – 82 с.

ISSN 2409-3416

В издании представлены статьи российских и европейских авторов, посвящённые исследованиям различных аспектов истории и современности Испании и Латинской Америки. В отдельной рубрике публикуются статьи по вопросам языка и культуры Ибероамериканского мира. Настоящее издание является частью комплексной программы научной деятельности МГИМО МИД России. Издание адресовано как экспертам-международникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами Ибероамерики.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Издание зарегистрировано в каталоге Агентства «Роспечать», [http //www.rospr.ru/](http://www.rospr.ru/).

Подписной индекс: 80603

ISSN 2409-3416 ББК 63.3(70)

© ИМИ МГИМО МИД РОССИИ, 2018

Editor-in-Chief *A. Orlov*

Deputy Editor-in-Chief *M. Larionova*

International Editorial and Scientific-Expert council

- A. Shestopal* – President of the Council (MGIMO-University, Russian Federation)
N. Anikeeva (MGIMO-University, Russian Federation)
Eu. Astakhov (MGIMO-University, Russian Federation)
E. Astakhova (MGIMO-University, Russian Federation)
V. Davidov (Institute of Latin America, Russian Federation)
V. Iovenko (MGIMO-University, Russian Federation)
R. Guzmán Tirado (University of Granada, Spain)
J. de Hoyos Puente (National University of Distant Education, Spain)
S. Khenkin (MGIMO-University, Russian Federation)
E. Kozhokin (MGIMO-University, Russian Federation)
A. Malguin (MGIMO-University, Russian Federation)
R. del Moral (President of the European Association of Professors of Spanish)
L. Okuneva (MGIMO-University, Russian Federation),
C. del Prado Higuera (University King Juan Carlos, Madrid, Spain)
A. Podberezkin (MGIMO-University, Russian Federation)
E. San Miguel Pérez (University King Juan Carlos, Madrid, Spain)
I. Popov (MGIMO-University, Russian Federation)
G. Romanova (MGIMO-University, Russian Federation)
A. Sánchez-Andrés (University of Valencia, Spain)
N. Simonia (MGIMO-University, Russian Federation)
O. Volosiuk (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation),
E. Voronin (MGIMO-University, Russian Federation)
N. Zenenko (Universidad Militar, Russian Federation)
A. Zenkovich (MGIMO-University, Russian Federation)

Executive editor *M. Larionova*

Cuadernos Iberoamericanos. Vol. VI. Issue 1 (19) / Editor-in-Chief *A. Orlov*, executive editor of the issue *M. Larionova*. – M.: Institute of International Investigations, MGIMO University, 2018. – 82 p.

ISSN 2409-3416

The publication presents the papers of the Russian and European authors which deal with various aspects of Spanish history and modernity and actual problems of socio-political and economic development of Latin America. A separate section includes articles on the Spanish language and culture. This edition is a component of the complex program of the MGIMO-University research activities. Present edition is addressed both to experts in international relations and broad audience of readers interested in contemporary problems of Iberoamerica.

*Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the Editorial Board.
Materials are published in author's edition.*

The issue is registered in «Rospechat» Agency catalog: <http://www.rospechat.ru/>.
Subscription index: 80603

ISSN 2409-3416 ББК 63.3(70)

© ИМИ МГИМО МИД РОССИИ, 2018

Раздел I. Ибероамерика в международном контексте: парадигмы истории и модернизации

<i>Орлов А. А.</i> (Россия) Дебаты в ЭТА о её будущем: последний шаг перед роспуском террористического синдиката	7
<i>Аникеева Н. Е.</i> (Россия) Атлантическое направление внешней политики народной партии (2011–2018 гг.).....	13
<i>Jorge de Hoyos Puente</i> (España) El exilio republicano español de 1939 y sus contribuciones al desarrollo de México	19
<i>Strashko Yana</i> (Rusia) Donald Trump y el mundo latino un año después	25

Раздел II. Иberoамериканский мир в пространстве и времени: актуальные вопросы языка и культуры

<i>Aura Luz Duffé Montalván</i> (Francia) Estudio de las imágenes y de las figuras retóricas en la prensa	30
<i>Kotenyátkina Irina</i> (Rusia) Acerca de la educación primaria bilingüe en Guatemala	40
<i>Protsenko Igor</i> (Paraguay) Funciones estilístico-connotativas de los paraguayismos en la novela de Juan Manuel Marcos “El invierno de Gunter”	46
<i>Кудрявцева И. Ю.</i> (Россия) Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, откуда ты: испанская кухня как часть национальной культуры.....	51
<i>Ларикова Ю. А.</i> (Россия) Эмотивные коннотации концепта «большой город» в языке аргентинцев.....	56
<i>Азрба А. А.</i> (Россия) Ретроспективный анализ становления и развития рекламы как социокультурного феномена в Испании	65
<i>Mósina Sofía</i> (Rusia) Ciberdemocracia: un fenómeno nuevo en la política y la sociolingüística de España	71

Раздел III. Научные обзоры, рецензии

<i>Астахова Е. В.</i> (Россия) Путешествие как феномен культуры. Рецензия на монографию К. Р. Буйновой «Русские путешественники в Латинской Америке в XIX — первой трети XX вв.»	76
<i>Sádikov Alexander</i> (Rusia) El saber comunicar en la enseñanza del español como lengua extranjera. Reseña del capítulo “Actos de habla en el contexto de la didáctica de ELE: ¿Cómo enseñar a evitar conflictos comunicativos?” de Marina V. Larionova y Galina S. Romanova.....	80

Section I. Ibero-America in the international context: paradigm of history and modernization

Orlov Alexander (Russia) Debate in ETA about its future:
the last step before the dissolution of the terrorist syndicate. 7

Anikeeva Natalia (Russia) Atlantic direction
of the external policy of the People's Party (2011-2018).....13

Jorge de Hoyos Puente (Spain) The Spanish Republican
exile of 1939 and his contributions to the development of Mexico.19

Strashko Yana (Russia) Donald Trump
and the Latin world one year later 25

Section II. The Ibero-American world in space and time: topical issues of language and culture

Aura Luz Duffé Montalván (France) Study of images and rhetorical
figures in the press 30

Kotenyátkina Irina (Russia) About bilingual primary
education in Guatemala 40

Protsenko Igor (Paraguay) Stylistic-Connotative Functions
of Paraguayism in Juan Manuel Marcos' novel «The Winter of Gunther» 46

Kudriavtseva Irina (Russia) Tell me what you eat,
and I'll tell you where you are from: Spanish cuisine
as part of national culture.51

Larikova Yulia (Russia) Emotive connotations
of the "big city" concept in the language of the Argentines..... 56

Agrba Amina (Russia) Retrospective analysis of the formation
and development of advertising as a socio-cultural phenomenon in Spain65

Mosina Sofia (Russia) Cyberdemocracy: a New Phenomenon
in Politics and Sociological Linguistics in Spain.71

Section III. Scientific reviews

Astakhova Elena (Russia) Travel as a phenomenon of culture.
Review of the monograph by Kristina Buynova
«Russian travellers in Latin America in the XIX- first third XX centuries»76

Sádikov Alexander (Russia) The communicative competence
in the teaching of Spanish as a foreign language. Review
of the chapter «Speech acts in the context of ELE teaching:
How to teach to avoid communicative conflicts? «
by Marina V. Larionova and Galina S. Romanova.80

Раздел 1.

Ибероамерика в международном контексте: парадигмы истории и модернизации

Орлов А. А.

Дебаты в ЭТА о её будущем: последний шаг перед роспуском террористического синдиката

Александр Арсеньевич Орлов,
директор Института международных
исследований МГИМО МИД России,
профессор Кафедры дипломатии, канд. ист. наук.
ORLOV_A@mgimo.ru

Аннотация. После формального «разоружения» в апреле 2017 г. в баскской террористической организации ЭТА, которая исповедует радикально-националистическую идеологию и борется за независимость Страны Басков, начался процесс внутренних дебатов о её будущем. Члены ЭТА, большинство из которых отбывает длительные сроки заключения в испанских тюрьмах, а оставшиеся находятся на нелегальном положении за границами Испании, призваны в ходе голосования по итогам дебатов дать свое согласие на роспуск ЭТА. Тем не менее прекращение существования террористического синдиката не будет означать, что его члены разойдутся по домам. Руководство организации призывает их продолжить борьбу за свои идеалы политическими средствами в рядах легальных баскских левых националистов (т. н. izquierda abertzale). Хотя проблема баскского терроризма в последние годы потеряла былую остроту и не занимает сегодня первого места среди вопросов, волнующих испанское общество, сам по себе уход с политической арены ЭТА – реликта эпохи национально-освободительных движений середины прошлого века, по мнению автора, имеет не просто символическое, а и историческое значение.

Ключевые слова: Страна Басков, Испания, Франция, ЭТА, терроризм, разоружение, вооруженный конфликт, дебаты, голосование, роспуск.

Debate in ETA about its future: the last step before the dissolution of the terrorist syndicate

Abstract. After formal «disarmament» in April 2017, in the Basque terrorist organization ETA, which professes a radical nationalist ideology and fights for the

independence of the Basque Country, the process of internal debate about its future began. The members of the ETA, most of whom serve long prison sentences in Spanish prisons, are called upon to vote in favor of the dissolution of the ETA in a vote on the outcome of the debate. Nevertheless, the termination of the existence of a terrorist syndicate will not mean that its members will disperse to their homes. The leadership of the organization calls on them to continue fighting for their ideals with political means in the ranks of the legal Basque left nationalists (the so-called *izquierda abertzale*). Although the problem of Basque terrorism in recent years has lost its sharpness and does not occupy today the first place among the issues of concern to the Spanish society, the departure from the political arena of the ETA - a relic of the era of national liberation movements of the middle of the last century -, in the opinion of the author, has not only a symbolic, but also historical significance.

Keywords: Basque Country, Spain, France, ETA, terrorism, disarmament, debate, vote, dissolution.

Одной из острейших внутривнутриполитических проблем Испании во второй половине XX — начале XXI вв. был баскский терроризм, в основе которого лежало стремление части басков создать собственное национальное государство на территориях исторического проживания этого народа в Испании и во Франции. Наиболее радикальным выразителем этих идей выступала лево-экстремистская, националистическая организация ЭТА («Страна Басков и свобода»), созданная в 1959 г., без малого 60 лет назад.

За свою продолжительную историю ЭТА прошла в своей деятельности несколько этапов. В годы франкизма она воспринималась определёнными кругами общественности как в Испании, так и на международном уровне в качестве передового отряда борцов против ненавистной диктатуры генералиссимуса Франко и его приспешников. Именно в этот период времени ЭТА приобрела много почитателей, завоевала определённый авторитет и уважение.

Однако быстро ситуация кардинальным образом изменилась. Во второй половине 70-х гг. прошлого века Испания встала на демократические рельсы. Хрупкая и непрочная демократия нуждалась тогда в поддержке всех антифранкистских сил. Но в их рядах не оказалось ЭТА, которая объявила войну уже новой Испании. Акции ЭТА по расшатыванию молодой испанской демократии фактически смыкались с действиями профранкистского «бункера», объединившего самых твердокаменных приверженцев каудильо, ненавидевших демократию и готовых бороться с ней любыми способами [1]. Можно смело утверждать, что именно в этот момент началась идейно-политическая деградация ЭТА, которая постепенно превращалась в шайку убийц («*banda de pistoleros*», как их часто называли в Испании), по-прежнему прикрывавших свою преступную деятельность высокой фразеологией о социалистических ценностях и борьбе за независимость Страны Басков.

На всём протяжении своего существования ЭТА позиционировала себя как авангард левых баскских националистов (т. н. *izquierda abertzale*), соперничая за влияние на баскское общество с умеренной Баскской националистической партией (БНП), из которой она в свое время и выделилась [2; 3]. С наступлением XXI в., однако, стало очевидно, что ЭТА проиграла конкурентную борьбу за лидерство в «баскском мире» не только БНП, но и легальному сегменту баскских левых националистов, которые в разные годы были представлены в политическом пространстве такими партиями или блоками, как «Эрри Батасуна» (Народное единство, *баск. Herri Batasuna*), «Батасуна» (Единство), «Билду» (Единство Страны Басков, *баск. Euskal Herria Bildu*), «Сорту» (Создать, *баск. Sortu*) и т. д. И если прежде в тандеме «подпольная ЭТА/легальная левая националистическая партия» музыку заказывала ЭТА, которая генерировала идеи и фактически определяла политическую линию всего лево-националистического сегмента баскского общества, то в последние годы это соотношение коренным образом изменилось не в пользу террористической организации.

Методы ЭТА, связанные с убийствами, похищениями людей, вымогательством и иными крайними формами произвола, стали фактором дискредитации всех баскских лево-националистических сил, существенно сокращали их возможности по привлечению на свою сторону

баскского электората. Шаг за шагом ЭТА загоняла себя в глубочайшую изоляцию, даже среди своих идейных единомышленников, которые все решительнее отвергали насилие как средство политической борьбы.

В этих условиях историческая обречённость ЭТА стала неизбежной, однако сам процесс её исчезновения с политической арены, учитывая приверженность ЭТА к театральному обрамлению своих действий, растянулся почти на десятилетие.

В октябре 2011 г. ЭТА широковещательно объявила о прекращении вооружённой борьбы. Для международного оформления этого события в Сан-Себастьяне была проведена международная антитеррористическая конференция с участием ряда «статусных» персоналий, включая бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, бывших премьер-министров Ирландии и Норвегии, председателя ирландской партии Шинн Фейн — в прошлом политического крыла пресловутой Ирландской республиканской армии (ИРА) Джерри Адамса, который сыграл важную роль в мирном решении вооруженного конфликта в Северной Ирландии [4; 5].

В апреле 2017 г. состоялась весьма пафосная церемония разоружения ЭТА, в ходе которой представителям французских спецслужб через «гражданских посредников» были переданы координаты местоположения восьми тайников с оружием, расположенных в департаменте Атлантические Пиренеи (баскские земли во Франции), полученные от представителей ЭТА. Затем в Байонне (*фр.* Bayonne), одном из излюбленных этарровцами центров своей политической деятельности, был проведен митинг с участием баскских активистов из Испании и Франции, а также членов т. н. Международной комиссии по проверке — группы общественников, взявшихся содействовать баскскому примирению [6].

Вслед за этим ЭТА объявила себя разоружившейся или безоружной организацией (*organización desarmada*) и сообщила «баскской и международной» общественности, что вскоре начнутся внутренние дебаты, в ходе которых будет принято решение о том, каким путем двигаться дальше (*avanzar*).

После этого ЭТА выдержала «театральную паузу», которая затянулась на несколько месяцев, дав тем самым возможность наблюдателям высказать различные суждения о ее будущем. Затем в сентябре 2017 г. через обычный канал своей коммуникации с общественностью — газету «Gara» — ЭТА проинформировала, что внутренние дебаты начались и «идут полным ходом». В их процессе «организация посмотрит назад, проанализирует свою историю, оценит путь, пройденный с момента изменения стратегии по сегодняшний день». И, отталкиваясь от этого, ЭТА «взглянет в будущее, чтобы принять решение о функции (*función*) и цикле (*ciclo*) ЭТА». В качестве объяснения «отставания» процесса дебатов общественности были предложены две причины: необходимость выполнить работу, связанную с разоружением, и желание «не усложнять другие дебаты, которые ведутся в среде левых баскских националистов (*izquierda abertzale*)». Одновременно в заявлении весьма витиеватым образом подчеркивалось, что итогом дебатов должно стать понимание того, как «должна действовать ЭТА, дабы народный освободительный процесс ... развивался в наиболее благоприятных условиях, чтобы способствовать накоплению сил ради осуществления права на принятие решения (*derecho a decidir*)». То есть права на самоопределение баскского народа.

В целях придания исторического характера дебатам, ЭТА представила общественности новую эмблему своей организации (авторство которой принадлежит Феликсу Ликиниано [Felix Likiniano]), которая заменит обычный символ ЭТА на всех заявлениях и документах организации. (Изображение новой эмблемы ЭТА приводится ниже).

В то же время в заявлении ЭТА содержалось предупреждение о возможности оказания «политико-медийного давления (вероятно, со стороны недругов ЭТА — *прим. авт.*) с тем, чтобы поставить под сомнение последствия и достижения, связанные с развитием дебатов», и в качестве противоядия эвентуальным попыткам «интоксикации» процесса продвигалась мысль о том, что «теперь от членов организации (*militancia*) зависит принятие окончательного решения относительно предложения (сформулированного руководством ЭТА — *прим. авт.*), которое лежит на столе» [7].

Комментируя новое послание ЭТА, влиятельная «Эль Паис» писала, что «руководство банды признало, что находится в шаге от объявления о роспуске ЭТА как террористической организации с тем, чтобы затем стать еще одним звеном шестерёнки в т. н. «народно-освободительном процессе» (“*proceso independentista popular*”). При этом газета предположила, что ЭТА обсуждает формулу структурного преобразования вооружённой банды, что должно позволить ей продолжать играть свою роль в баскской политике [8].

В феврале 2018 г. — снова через газету «Gara» — ЭТА обнародовала своё очередное заявление, которое может стать одним из последних в истории этой террористической организации и которое призвано прекратить всякие спекуляции о будущем ЭТА. Хотя в заявлении не используются термины типа «ропуск», «исчезновение» или «демобилизация», характерные для газетных публикаций, в нем достаточно определённо говорится о намерении поставить последнюю точку (*“punto final”*) в истории ЭТА.

Общественность, наконец, узнала основные элементы трёх документов, составленных ещё в апреле 2017 г. (параллельно с разоружением ЭТА), которые подводят черту под деятельностью баскской террористической организации — одного из последних реликтов бурной эпохи национально-освободительных движений середины — второй половины прошлого века. Первый документ описывает исторический контекст существования ЭТА. Во втором подводится итог деятельности организации с 2009 г. по настоящее время. Но ключевое значение имеет третий документ, содержащий «политические предложения» о будущем ЭТА, который и был вынесен на обсуждение и голосование членов организации.

Составители третьего документа в характерном для ЭТА стиле с претензией на некие теоретические обобщения обосновывают необходимость поставить жирную точку в истории ЭТА тем, что «пришло время положить конец вооружённому конфликту ... ради того, чтобы направить все усилия на развитие политического процесса», подчёркивая при этом, что «единственной возможностью сделать это является взять на себя инициативу, не ожидая ничего и никого». При этом руководители ЭТА акцентируют, что это не предполагает перечеркнуть всю проделанную организацией работу, а ровно наоборот: «Это — предложение для движения вперёд, и в этой связи очень важно, чтобы все силы, созданные под влиянием ЭТА, и их окружение продолжили участие в рядах «левых националистов» (*izquierda abertzale*) в процессе достижения независимости, в народном движении. ... Сейчас не время расходиться по домам. Наоборот, нынешний политический этап нуждается, как никогда прежде, в участии и в порыве всех и каждого».

Голосование по третьему документу осуществляется не по частям, а в целом. Это делается для того, чтобы результаты голосования были недвусмысленными, окончательными и вступили в силу незамедлительно. В случае утверждения членами ЭТА предложенного им руководством организации документа, «об окончании цикла и миссии ЭТА будет сообщено официально». И таким образом организация прекратит свое существование *de facto*. После этого останется проделать определенную работу технического характера (например, предотвратить «возможное использование в злонамеренных целях аббревиатуры ЭТА»), которая уже проводится в последние месяцы [9].

В испанских политических и общественных кругах преобладает мнение, что ЭТА окончательно прекратит свое существование летом 2018 г. Об этом говорил лендакари (глава баскского автономного правительства) Иньиго Уркулья (Iñigo Urkullu), то же самое утверждали представители Социального форума (Foro Social), поддерживающие связь с международным посредником южноафриканским адвокатом Брайаном Каррином (Brian Currin), владеющим инфор-

мацией о настроениях среди членов ЭТА, а также руководители Sare — платформы поддержки этарровцев, отбывающих заключение в испанских тюрьмах.

О каком количестве членов ЭТА, которые должны определить будущее организации, может идти речь? Их сравнительно немного. Согласно опубликованной в прессе информации, на данный момент в испанских тюрьмах находится 302 этарровца, которые составляют большинство фактического членского состава ЭТА. Остальные члены организации — несколько десятков человек — находятся за пределами Испании на нелегальном положении. В их числе ряд лиц, которые прежде играли заметную роль в ЭТА.

Различные источники сообщают, что против роспуска ЭТА высказывается не более 10 % заключенных-этарровцев. Наблюдатели признают, что процесс внутренних дебатов протекает медленно. Однако здесь дело не столько в сопротивлении роспуску организации, сколько в том, что этарровцы разбросаны по разным тюрьмам. По словам создателя Sare Хосебы Аскарраги (Joseba Azkarraga), «заключенные — члены ЭТА распределены по 74 тюрьмам и в этих условиях с ними сложно поддерживать связь. Надо также учитывать, что 50 % заключенных находятся на расстоянии в 1 100 км от Страны Басков, а еще 45 % — в 600 км» [10].

Появление заявления ЭТА вызвало в Испании неоднозначную реакцию. Проанализировавшие его «под лупой» скептики отмечают, что в планы «террористической банды» не входит принести извинения родственникам жертв террора за совершенные преступления, что было бы необходимо сделать, если речь действительно идёт о желании ЭТА подвести черту под эпохой терроризма, которую в этой организации, правда, называют «вооружённой борьбой». Весьма цинично, по их мнению, выглядит то, что ЭТА не выразила желания принять участие в прояснении порядка 300 убийств, совершенных в период её террористической деятельности, авторство которых до сих пор не установлено. Критики подчёркивают, что из текста документа вытекает, что остающиеся на свободе боевики так и не понесут никакого наказания за свои деяния, поскольку им предписано продолжать активно участвовать в достижении независимости Страны Басков, что предполагает их нахождение на свободе. Непримиримые противники ЭТА не верят, что организация раскрыла в процессе разоружения все свои тайники с оружием и взрывчаткой. А с учётом того, что даже нынешнее руководство ЭТА признает возможность существования «диссидентов», которые не захотят признать роспуск организации, наличие потенциальная опасность того, что указанные не учтённые склады могут оказаться в руках тех, кто не намерен складывать оружие и жаждет продолжения «вооружённой борьбы» [11].

В целом новое послание ЭТА не вызвало в Испании особого интереса. На фоне сложных процессов, разворачивающихся в Каталонии, внутренние дебаты в рамках маргинальной баскской организации, пытающейся напомнить о себе и превратить свой роспуск в некое подобие театрального бенефиса, воспринимаются испанской общественностью как второстепенное событие. Тем не менее сам факт предстоящей самоликвидации последнего реликта доисламистской эпохи терроризма в Европе является по своей сути историческим событием.

Завершение «цикла» ЭТА, который затянулся почти на 60 лет, означает для Испании, что страна окончательно избавляется от кошмара (*pesadilla*) баскского «левацкого» терроризма, являвшегося на протяжении целого ряда десятилетий серьёзным внутривнутриполитическим раздражителем [12]. Тем не менее идеи уходящей с политической арены ЭТА не сдаются в архив. Борьба за независимость Страны Басков, которую по-прежнему поддерживает определённая часть баскского народа, продолжается, и бывшие этарровцы, судя по всему, намерены играть в этом процессе весьма активную роль.

Литература / References

1. *Tusell, Javier y Soto, Álvaro*. Historia de la transición (1975–1986). — Madrid, “Alianza Universidad”, 1996.
2. Орлов А. А. Проблема терроризма в Испании: ЭТА — «ударный отряд» баскского национализма. — М.: Русская панорама, 2009. [Orlov A. A. Problema terrorizma v Ispanii: ETA — “udarniy otriad” baskskogo natsionalisma. — М.: Russkaya panorama, 2009.]
3. *Morán, Sagrario*. PNV–ETA: Historia de una relación imposible. — Madrid, Tecnos, 2004.
4. Орлов А. А. Отказ ЭТА от «вооружённой борьбы»: конец терроризма в Испании или новая передышка? // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 6 (21). — С. 86–90. [Orlov A. A. Otkaz ETA ot “vooruzhonnoy borby”: koniets terrorizma v Ispanii ili novaya peredizka? // Vestnik MGIMO-Universiteta. — 2011. — № 6 (21). — С. 86–90].

5. Орлов А. А. Терроризм в Испании: международный аспект // Обозреватель-Observer. — 2009. — № 11 (238). — С. 65–73. [Orlov A. A. Terrorizm v Ispanii: mezhdunarodniy aspekt // Obozrevatel-Obresver. 2009. №11 (238). — S. 65–73].
6. Орлов А. А. Разоружение ЭТА: завершается эпоха баскского терроризма // Ибероамериканские тетради. — 2017. — № 2 (16). — С. 7– 14. [Orlov A. A. Razoruzhenie ETA: zavershaetsia epoja baskskogo terrorizma // Iberoamerikanskiye tetpadi. — 2017. — № 2 (16). — S. 7– 14].
7. ETA anuncia que ha iniciado su proceso de debate interno // URL: https://www.naiz.eus/eu/hemeroteca/gara/editions/2017-09-18/hemeroteca_articles/eta-anuncia-que-ha-iniciado-su-proceso-de-debate-interno
8. ETA abre un debate interno para decidir su “función” cuando de disuelva // URL: https://politica.elpais.com/politica/2017/09/18/actualidad/1505726489_462380.html
9. El debate y la votación para cerrar «el ciclo y la función de ETA», en su recta final // URL: https://www.naiz.eus/eu/hemeroteca/gara/editions/2018-02-22/hemeroteca_articles/el-debate-y-la-votacion-para-cerrar-el-ciclo-y-la-funcion-de-eta-en-su-recta-final
10. ¿Será 2018 el año de la disolución de ETA? // URL: https://politica.elpais.com/politica/2018/01/12/actualidad/1515788227_483550.html?rel=mas
11. ETA debate su disolución sin entregar las armas, pedir perdón a las víctimas y aclarar los crímenes // URL: <https://www.larazon.es/espana/eta-debate-su-disolucion-sin-entregar-las-armas-pedir-perdon-a-las-victimas-y-aclarar-los-crimes-FF17741242>
12. Хенкин С. М., Самсонкина Е. С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. — М.: МГИМО (У) МИД России, 2011. [Khenkin S. M.; Samsonkina E. S. Baskskiy konflikt: istoki, jaracter, metamorfosi. — M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2011].

Аникеева Н. Е.

АТЛАНТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НАРОДНОЙ ПАРТИИ (2011–2018 гг.)

Аникеева Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук,
профессор. Кафедры истории и политики
стран Европы и Америки
МГИМО МИД России.
anikeevan@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечается, что сотрудничество Испании с США в исследуемый период по-прежнему является одним из приоритетных направлений внешней политики Мадрида. Испанские аналитики считали, что двусторонние отношения развиваются в позитивном ключе, несмотря на то, что Испания, вопреки воле США, весной 2004 года приняла решение о выводе своих войск из Ирака. Особое место в двусторонних контактах отводится сотрудничеству в военно-политической сфере и в области экономики. Следует отметить, что после периода заметного спада в испано-американских отношениях, наметившегося в годы президентства Дж. Буша, при администрации Б. Обамы наметилась тенденция к полной нормализации двустороннего сотрудничества между Мадридом и Вашингтоном.

В Мадриде рассматривают НАТО в качестве базисного элемента в схеме евроатлантической безопасности. Испанские воинские контингенты неоднократно участвовали в наповских операциях. При этом Мадрид стремился оставаться одним из лояльных партнеров Североатлантического альянса. Испания присоединилась к системе противоракетной обороны (ПРО) в Европе. В то же время испанское руководство стремилось активно защищать собственные национальные интересы, а также иметь собственное видение вопросов европейской безопасности. Вместе с тем в Мадриде обращали особое внимание на вопросы сотрудничества НАТО со странами Средиземноморья, исходя из того, что основные угрозы для Европы и самой Испании исходят не с Востока, а с Юга (нелегальная миграция, терроризм).

Ключевые слова: США, Испания, Народная партия.

ATLANTIC DIRECTION OF THE EXTERNAL POLICY OF THE PEOPLE'S PARTY (2011-2018)

Abstract. The article notes that the cooperation of Spain with the United States during the study period, remains one of the priority directions of foreign policy of Madrid. Spanish analysts believe that bilateral relations are developing in a positive way, despite the fact that Spain, contrary to the will of the United States, in the spring of 2004 decided to withdraw their troops from Iraq. A special place in bilateral contacts is given to cooperation in the military-political sphere and in Economics. It should be noted that after a period of noticeable recession in the Spanish-American relations emerging in the years of the Bush presidency, when the Obama administration there has been a trend towards full normalization of the bilateral cooperation between Madrid and Washington

NATO is considered in the Madrid basic element in the scheme of Euro-Atlantic security. Spanish military contingents have participated in NATO operations. While

Madrid seeks to remain a loyal partner of the Alliance. Spain joined the anti-missile defence system (NMD) in Europe. At the same time, the Spanish administration has sought to actively defend its own national interests, and to have one's own vision of European security issues. However, Madrid insisted on special attention to the issues of cooperation of NATO with countries of the Mediterranean, on the assumption that the main threats for Europe and Spain do not come from the East and from the South (terrorism, illegal migration).

Keywords: USA, Spain, People's Party.

Испания и североатлантическое сотрудничество в период правления ИСРП: история вопроса

Испания активно принимала участие в деятельности НАТО в период правления ИСРП (2004–2011 гг.), в том числе в миротворческих операциях. При этом Мадрид стремился оставаться одним из лояльных партнеров Североатлантического альянса. Испания присоединилась к системе противоракетной обороны (ПРО) в Европе. В то же время испанское руководство стремилось защищать собственные национальные интересы, а также озвучивать собственное видение вопросов европейской безопасности.

Правительство социалистов во главе с Х. Л. Родригесом Сапатеро поддержало в 2010 г. принятие стратегической концепции НАТО. По мнению руководства ИСРП, этот документ стал сбалансированным отражением стремления адаптироваться к изменившимся глобальным реалиям, возникновению новых угроз и вызовов. В ноябре 2010 г. в результате принятых на саммите НАТО в Лиссабоне решений началась реформа командных структур альянса. К июню 2011 г. стороны согласовали новое расположение реформированных субъектов НАТО. В этой новой командной структуре, подчиненной командованию по проведению операций, был создан центр, который начал решать задачи ПВО на юге Европы. Что касается вооруженных сил Испании, то они в НАТО предоставлены двумя штабами: один размещен на корабле «Кастилья», базирующемся в Роте, а другой, наземный, в Бетере, в Валенсии. Наличие командных структур НАТО в Испании говорит о важности её геостратегического расположения, а также о доверии со стороны других членов военно-политического блока.

Вместе с тем в Мадриде обращали особое внимание на вопросы сотрудничества НАТО со странами Средиземноморья, исходя из того, что основные угрозы для Европы и самой Испании исходят не с Востока, а с Юга (терроризм, нелегальная миграция).

В связи с этим Испания принимала участие в операции НАТО в Средиземном море под названием «Активные усилия». В рамках поставленных задач испанцы борются с контрабандой различных материалов, используемых террористами, а также обеспечивают безопасность транзита энергоресурсов в этом регионе [1, с. 290.].

Руководство ИСРП имело особую точку зрения в отношении планов США разместить противоракетную систему (ПРО) на территории Польши и Чехии. Эта идея первоначально вызывала сомнения у правительства Испании, поскольку это могло отразиться на отношениях ЕС с Россией и арабскими странами. Однако 5 октября 2011 г. Испания все же присоединилась к системе противоракетной обороны в Европе. Для этого в распоряжение США должна была быть предоставлена испанская военно-морская база в Роте, также речь шла о размещении четырех кораблей с противоракетами SM-3 и системой управления ракетным оружием «Иджис». Испания, принимая решение о присоединении к ПРО, постаралась продемонстрировать свою значимость в плане обеспечения европейской безопасности в рамках НАТО и укрепить партнерские отношения с США [2, с. 26–23].

Что касается сотрудничества Испании с США в исследуемый период, то оно по-прежнему оставалось одним из приоритетных направлений внешней политики Мадрида. Испанские аналитики подчеркивали, что двусторонние отношения развиваются в позитивном ключе, несмотря на то что Испания, вопреки воле США, весной 2004 г. приняла решение о выводе своих войск из Ирака. Вместе с тем их позитивной динамике мешал ряд нюансов, связанных с политикой Испании в Латинской Америке. Особое отношение Мадрида к таким латиноамериканским странам, как Куба и Венесуэла, которое, как известно, основано на традиционных связях, общности языка и культуры.

Поддерживая политику США, Испания принимала участие в миротворческих операциях НАТО, в частности испанский контингент миротворцев присутствовал в Афганистане в первой половине 2007 г. и насчитывал 700 солдат и офицеров. Сапатеро подчеркивал, что испанские военнослужащие находятся в Афганистане исключительно с мирной миссией и в соответствии с мандатом ООН.

25 сентября 2007 г. в Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН, состоялась встреча президента США Дж. Буша и премьер-министра Испании Сапатеро. Стороны отметили улучшение испано-американских отношений в политической и экономической областях.

Основой договорно-правовой базы современных двусторонних военно-политических отношений Мадрида и Вашингтона является протокол от 10 апреля 2002 г., который внес поправки в соглашение 1988 г. о сотрудничестве в области обороны и продлил срок использования США военно-воздушной базы в Мороне-де-ла-Фронтера и военно-морской базы в Роте. На 2011 г. Мадрид и Вашингтон запланировали проведение переговоров по продлению срока договора, определив статус американских баз на территории Испании. Испанское правительство было заинтересовано в том, чтобы новое соглашение было более сбалансированным, охватывало различные сферы двустороннего сотрудничества и устанавливало открытый доступ к военным базам для испанских наблюдателей.

Следует отметить, что после периода заметного спада в испано-американских отношениях, наметившегося в годы президентства Буша, при администрации Б. Обамы наметилась тенденция к полной нормализации двустороннего сотрудничества между Мадридом и Вашингтоном [3, с. 138–143].

Испано-американские отношения в период правления Народной партии М. Рахоя

В отношении Соединенных Штатов Америки политика правительства НП в начале правления Мариано Рахоя в 2012 г. была более сдержанная, нежели у его предшественника консерватора Х. М. Аснара [4, с. 237–238]. Это было связано с нежеланием нынешнего лидера Народной партии (НП) подвергаться критике в связи с чрезмерным следованием атлантизму.

Тем не менее продолжение военно-политического сотрудничества с США и НАТО — один из приоритетов внешней политики Испании, который единогласно поддерживают ведущие партии — ИСПП и НП. Как уже отмечалось ранее, согласие на размещение элементов ЕвроПРО в Испании было дано Вашингтону правительством Х. Л. Родригеса Сапатеро в октябре 2011 г. Придя к власти, М. Рахой начал реализовывать двусторонние испано-американские договоренности о военном сотрудничестве, подписанные в 2012 г.

В рамках саммита по ядерной безопасности в Сеуле, который проходил 26–27 марта 2012 г., состоялась встреча М. Рахоя и президента США Б. Обамы. В ходе встречи лидеры двух стран обсудили детали размещения американских противоракетных установок в испанском городе Рота, провинция Кадис [5, с. 112–116].

10 октября 2012 г. в Брюсселе министры обороны Испании и США Педро Моренес и Леон Панетта подписали протокол о внесении поправок в существующее испано-американское Соглашение о сотрудничестве в области обороны (1988 г.) в рамках заседания Совета НАТО в Брюсселе. Речь идет об участии испанской базы ВМФ в Роте (Кадис) в системе ЕвроПРО [6].

В январе 2014 г. Пентагон объявил о том, что на военно-морскую базу Роте в Испании направляется эсминец «Дональд Кук», оборудованный системой «Иджис», который прибыл к месту назначения 11 февраля 2014 г. Этот эсминец стал первым из четырех кораблей, который был дислоцирован в Роте в соответствии с испано-американскими договоренностями в контексте реализации выстраивания европейского сегмента глобальной ПРО.

Кроме того, в марте 2014 г. правительство «Народной партии» разрешило США продлить присутствие американских сил быстрого развертывания и увеличить численность воинского контингента с 500 до 1 100 человек на базе ВВС в Морон-де-ла-Фронтера. Представители общественного мнения Испании в целом позитивно относятся к участию страны в системе ЕвроПРО, поскольку отмечают, что «вклад в систему ПРО» позволит приобщиться к передовым оборонным технологиям. В условиях экономического кризиса, сильно затронувшего юго-запад Испании, испанские эксперты положительно оценивали экономические выгоды, поскольку реализация программы ЕвроПРО должна обеспечить вложения американцев в инфраструктуру базы.

Что касается проблематики глобальной ПРО, то испанская сторона придерживалась аргументации о том, что против России она не направлена и что прийти к договоренности по этой теме можно лишь в диалоге по линии Москва — Вашингтон. Вместе с тем руководство Мадрида отмечало, что выступает за сохранение каналов диалога НАТО с Россией и после нормализации отношений РФ с Западом будет отстаивать возвращение к серьезному обсуждению всего комплекса вопросов совершенствования системы международной безопасности [7, р. 424].

В декабре 2014 г. Вашингтон обратился с просьбой к испанским властям об изменении статуса использования военно-воздушной базы в Мороне с временного на постоянный под предлогом роста исходящих из Северной Африки угроз. В рамках двусторонних испано-американских договоренностей военно-воздушная база в Мороне, где было расположено порядка 1 000 военнослужащих США (создавалась временно в 2013 г. для обеспечения эвакуации американцев из Ливии), использовалась и как перевалочный пункт для служащих Пентагона (до 3 000 человек), задействованных в борьбе с вирусом Эбола в Африке.

Участие Испании в военных операциях в рамках НАТО

В Мадриде рассматривают НАТО в качестве базисного элемента в схеме евроатлантической безопасности. Испанские воинские контингенты неоднократно участвовали в натовских операциях.

Вооруженные силы Испании приняли участие в операции под названием «Юнифайд Протектор» в Ливии в 2011 г. Правительство Народной партии М. Рахоя не раз высказывалось «о четкой приверженности Испании своим союзническим обязательствам в рамках блока, в первую очередь в смысле трансатлантической составляющей, и подтверждали готовность принимать участие в силовых операциях, как, например, в Ливии». Вместе с тем «в качестве обязательного условия, здесь называют наличие соответствующей резолюции СБ ООН».

Другой вехой в истории участия Испании в деятельности НАТО стала операция в Афганистане, начатая в январе 2002 г. С 2012 г. там началось постепенное сокращение числа испанских военнослужащих.

В МССБ (Международных силах содействия безопасности) в Афганистане было задействовано до 1 600 военнослужащих, а в рамках трансформированной с 1 января 2015 г. миссии осталось 485 человек. В декабре 2014 г. большинство НП в испанском парламенте одобрило участие этих солдат и офицеров в новой миссии НАТО в Афганистане под названием «Решительная поддержка». Таким образом, операция МССБ была завершена 28 декабря 2014 г.

Педро Моренес, глава оборонного ведомства Испании, на заседании Совета министров обороны альянса 5 февраля 2015 г. заявил, что на ротационный период 2016 г. Мадрид должен был возглавить Совместные силы повышенной готовности (ССПГ) НАТО, нацеленные на реагирование в отношении угроз с Востока, и предоставить 4-тысячный контингент.

Приверженность атлантической солидарности в рамках НАТО является основным положением внесённого на утверждение в испанский парламент в октябре 2014 г. проекта стратегии внешней политики Испании. Официальный Мадрид рассматривает свое членство в Североатлантическом альянсе как свидетельство привилегированного положения Испании, позволяющего ей пользоваться всеми выгодами союзнических отношений [8].

Испания является борцом с терроризмом в любых его проявлениях. Поэтому осенью 2014 г. она присоединилась к международной коалиции против «Исламского государства». В частности, по решению экс-министра обороны П. Моренеса было выделено 300 испанских военнослужащих для отправки в Ирак [9, с. 63–75].

Как уже отмечалось, испанская сторона предоставляет американцам располагающиеся на юге страны военные базы в Мороне и Роте, в рамках программы ЕвроПРО, что позволяет Вашингтону поддерживать присутствие ВМС США в Средиземном море, а также участвовать в крупномасштабных учениях стран — членов НАТО. Следование подобной линии неизбежно порождает противоречие: с одной стороны, Мадрид ратует за приоритет международного права в решении глобальных вопросов и последовательно отстаивает свою точку зрения, а с другой стороны, будучи членом Альянса, часто поддерживает субъективные решения НАТО и политику двойных стандартов. Оппозиционная партия левого толка «Подemos» во главе с П. Иглесиасом неоднократно осуждала вторжение натовских войск в Ливию. Нарастание американского военного присутствия в Испании по-разному воспринимается общественно-

стью страны. Ряд испанских аналитиков выражает сомнение в оправданности увеличения числа американских военных [10].

На саммите НАТО в Варшаве в 2016 г. Альянс решил разместить в странах Балтии и Польше многонациональные батальоны на основе ротации. Испания отправила в Латвию около 300 военнослужащих, которые должны были войти в состав батальона НАТО. Этой теме была посвящена встреча глав военных ведомств НАТО в Брюсселе в мае 2017 г., на которой присутствовала министр обороны Испании Мария Долорес де Коспедаль. Напомним, что касается совокупного оборонного бюджета НАТО в 2017 г., то Мадрид выделил на оборону 0,92 % от ВВП. Однако выполняя требования США, союзники на саммите в Брюсселе в мае 2017 г. решили составлять ежегодные национальные планы по увеличению вкладов в оборону. В них страны-члены будут указывать, как они намерены поднимать оборонные расходы до 2 % от ВВП, участвовать в операциях НАТО. Первая серия докладов по выполнению этих задач планируется быть изучена министрами обороны стран — членов Альянса в первой половине 2018 г. [11].

Испано-американские отношения в период правления Народной партии (2016–2018 гг.)

Следует напомнить, что длившийся более десяти месяцев политический кризис в Испании был преодолен 3 ноября 2016 г. Правительство Народной партии во главе с М. Рахоем было приведено к присяге. В стране могли быть назначены третьи за год парламентские выборы на декабрь 2016 г. в связи с тем, что ранее, после проведения первых (9 декабря 2015 г.) и вторых (июнь 2016 г.), кандидатура Рахоя дважды не была одобрена в парламенте. Однако в итоге его кандидатура была утверждена и был сформирован новый состав правительства, поэтому необходимость проводить очередные выборы отпала [12, с. 269–270].

Следует отметить, что в 2017 г. одни из первых заявлений правительства НП были связаны с поддержкой позиции Мексики в ситуации обострения отношений этой страны с США после прихода к власти президента США Д. Трампа, в связи с его решением начать строительство стены на границе с Мексикой [13].

В 2017 г. произошло еще одно важное событие для испано-американских отношений. Речь идет о визите М. Рахоя в Вашингтон 26 сентября. В ходе двусторонней встречи главы государств обсудили такие вопросы международного сотрудничества, как борьба с терроризмом, проблемы Северной Кореи и ситуацию в Венесуэле. Сентябрьский визит Рахоя в Вашингтон в 2017 г. имеет большое значение. Как подчеркивают в испанском правительстве, руководители США и Испании, кроме того, несколько раз разговаривали по телефону и встречались на Саммите G 20 в Гамбурге в июле 2017 г. и на специальном саммите НАТО в Брюсселе в мае 2017 г. Напомним, что последняя встреча М. Рахоя с американским президентом Б. Обамой состоялась в 2014 г. [14]. Президент США Д. Трамп выразил поддержку правительству М. Рахоя в связи с каталонскими событиями, подчеркнув, что «выступает за единую и неделимую Испанию». Он также осудил террористические атаки в августе 2017 г. в Каталонии и поддержал решение испанского правительства о высылке посла Северной Кореи. Вместе с тем в связи с решением президента США Д. Трампа в декабре 2017 г. признать Иерусалим столицей Израиля, Испания присоединилась к позиции европейских лидеров. Эту общую точку зрения выразила премьер-министр Великобритании Тереза Мэй, заявив, что «решение Трампа не принесет пользы» [15, с. 48].

Таким образом, во внешней политике правительства Народной партии, как и в предыдущие периоды, важная роль отводится сотрудничеству Испании и США в военно-политической сфере и в области экономики.

Литература / References

1. Ермоленко И. А. Перипетии испано-американских отношений на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 3 (18). — С. 290.; Аникеева Н. Е. Испания в период правления Хосе Луиса Родригеса Сапатеро (2004–2011 гг.). — М.: МГИМО-Университет. — 2013. — С. 56–57.
2. Аникеева Н. Е. Проблемы безопасности в Европе // Обозреватель. — 2011. — № 8. — С. 26–33.
3. Актуальные проблемы Испании // Вестник МГИМО-Университета. — 2014. — № 6 (39). — С. 138–143.
4. Орлов А. А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение «нового лица». — М., 2000. С. 237–238.

5. *Аникеева Н. Е.* Новое во внешней и внутренней политике правительства Мариано Рахоя // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 6 (27). — С.112–116.
6. URL : <http://www.defensa.gob.es/gabinete/notasPrensa/2012/10/DGC-121010-convenio-cooperacion-espanya-eeuu.html>.
7. *García-Margallo J.* Todos los cielos conducen a España. Cartas desde un avión. — Barcelona, 2015. P. 424.
8. Comparecencia del señor ministro de Asuntos Exteriores y de Cooperación, Dastis Quecedo, para informar sobre las líneas generales de la política de su departamento // Diario de Sesiones del Congreso de los Diputados. Comisiones. Sesión no 8. 21.12.2016. P. 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.congreso.es/public_oficiales/L12/CONG/DS/CO/DSCD-12-CO-84.PDF. (дата обращения: 15.01.2017).
9. *Аникеева Н. Е.* Испания против терроризма // Современная Европа. — 2005. — № 3 (23). — С.63–75.
10. Mariano Rajoy asiste a la cumbre de la OTAN los proximos dias 4 y 5 de septiembre. — URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2014/020914-rajoypreviootan.aspx>
11. Военный бюджет НАТО в 2017 году составит \$ 946 млрд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ria.ru. (дата обращения: 29.06.2017).
12. *Аникеева Н. Е.* Внешняя политика Испании в конце XX — начале XXI века. — М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 269–270.
13. Испания поддержала Мексику в ситуации обострения отношений с США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ria.ru>. (дата обращения: 01.02.2017).
14. *Palomares C. C.* La alianza americana. La estrategia antiterrorista espanola y las relaciones hispano-norteamericanas (1996–2004). — Madrid, Catarata. 2016. 285 p.
15. *Джанашия В.* Начнут ли палестинцы третью интифаду // Эксперт. — 2018. — № 1–2 (1058). — С. 48.

Jorge de Hoyos Puente

El exilio republicano español de 1939 y sus contribuciones al desarrollo de México

Jorge de Hoyos Puente,
Doctor en geografía e historia,
Universidad Nacional de Educación a Distancia, España.
dehoyosjorge@gmail.com

Resumen. Este texto realiza un repaso a las contribuciones del exilio republicano en México. En él podemos ver la evolución del exilio republicano en el país de acogida. El artículo estudia las particularidades de un exilio de larga duración que condicionó las relaciones entre España y México durante cuarenta años.

Palabras clave: Exilio, republicano, México, desarrollo.

The Spanish Republican exile of 1939 and his contributions to the development of Mexico

Abstract. This text realizes a revision to the contributions of the Spanish Republican exile in Mexico. We can see the evolution of the Spanish Republican exile in the country of reception. The article studies the particularities of an exile of long duration that determined the relations between Spain and Mexico for forty years.

Keywords: Spanish Exile, Republicans, Mexico, development.

Introducción

El exilio republicano de 1939 representa para las historias de México y España una intercesión de caminos de gran relevancia. Para España supuso la constatación de la pérdida de una guerra cruenta, que ponía fin al proyecto modernizador y democratizador más importante de la España del siglo XX como fue la Segunda República; para México significó la llegada de un amplio contingente humano que contribuiría a la transformación del país en muy distintos órdenes. Sin duda, México demostró una generosidad que desde España todavía no ha sido lo suficientemente reconocida. El México del General Lázaro Cárdenas, sus diplomáticos y sus dirigentes, dieron un ejemplo al mundo en materia de solidaridad y coraje, mostrando con su política una altura de miras digna de formar parte de la historia diplomática universal [1; 2]. Su ejemplo, resulta aleccionador y debe ser recordado en estos tiempos en que nuevas migraciones políticas están viviendo el desprecio internacional ante situaciones de persecución equiparables a las de entonces.

México supo aprovechar y capitalizar la llegada de 25.000 españoles entre 1938 y 1945 [3, p. 76]. El presidente Cárdenas ofreció la nacionalidad mexicana a los exiliados españoles en 1940, que fue aceptada como símbolo de gratitud por el 80% de los que para esa fecha ya habían llegado al país de acogida [3, p. 112]. Pero los gestos por parte de México no acabaron ahí. Durante los cuarenta años que estuvo vigente la dictadura franquista en España, México no mantuvo relaciones diplomáticas con esa España oscura y represora. En agosto de 1945 el presidente Manuel Ávila Camacho permitió que las Cortes republicanas se reunieran en el Zócalo de la Ciudad de México y restableció relaciones diplomáticas con el gobierno republicano en el exilio, hecho que estuvo vigente hasta 1977 [4]. Aunque se tratase de una decisión más simbólica que real, ya que ese gobierno apenas tuvo capacidad de maniobra y experimentó grandes dificultades a lo largo de los años para garantizar su supervivencia, se trató de un gesto singularmente importante que debemos resaltar.

El exilio republicano en México vivió distintas fases, imprescindibles para comprender su evolución. En primer lugar, la llegada, marcada por el desconocimiento del país de acogida, sus códigos y sus cla-

ves. Los exiliados tuvieron que afrontar esta primera fase de adaptación sumidos en una fuerte depresión colectiva por la derrota de su causa en España y al mismo tiempo, esperanzados por conseguir un pronto retorno a la tierra perdida. Había también que explicar a los mexicanos el porqué de su estancia, que no eran otra vez emigrantes que llegaban con ansias de hacerse ricos a costa de los mexicanos. En esa primera etapa de los primeros años cuarenta del siglo pasado surgió lo que hemos denominado “la identidad del refugiado” [5]. Una identidad que germinó como mecanismo de afrontar su nueva condición, de presentarse a la sociedad mexicana y también como elemento cohesionador de grupo. Así se forjaron imágenes y mitos que han quedado fuertemente ligados al imaginario colectivo, en ocasiones generando una fuerte distorsión de la realidad. Ideas como el transtierro, o la percepción de la superioridad ideológica de los derrotados se configuraron en aquellos tiempos. Probablemente el rasgo más significativo de esa identidad es la imagen de representar un exilio de intelectuales. Las investigaciones de Clara E. Lida y Dolores Pla nos demostraron hace ya casi dos décadas que los intelectuales representaban menos del 20 % del total de aquel exilio complejo, donde estaban representados todos los sectores sociales de la España derrotada [6]. Sin embargo, en el imaginario colectivo se sigue reproduciendo esa imagen de un exilio de profesores universitarios, intelectuales y artistas, idea que queda reforzada por la importancia del exilio en esos ámbitos y su proyección posterior. A pesar de esto, el exilio republicano no se circunscribió solo a ese ámbito ilustrado. Su composición heterogénea, que representaba todos los sectores sociales de la España republicana, resulta mucho más amplia y enriquecedora. A día de hoy, son muchos los aspectos desconocidos de ese exilio que, sin poder adscribirse claramente al mundo intelectual, sí poseía una fuerte capacitación técnica.

Existió a partir de mediados de los años cuarenta una segunda fase del exilio que estuvo marcada por la aceptación de la situación. La consolidación de la dictadura franquista tras el final de la Segunda Guerra Mundial, favorecida por el clima de la Guerra Fría, hizo que la mayoría de los exiliados viesen con resignación que México se convertía en un lugar no de tránsito sino de permanencia. La nueva traición de las potencias democráticas hacia España se convertía en un nuevo jarro de agua fría sobre las expectativas de aquellos demócratas que habían puesto sus esperanzas de retorno a España en la derrota del nazifascismo que tantos exiliados españoles combatieron y padecieron en Europa. Para los exiliados en México tocaba la penosa tarea de deshacer maletas, favorecer la integración de las generaciones más jóvenes, pensar poco a poco en asentarse para un periodo largo. Sin duda, esta fue la fase más larga y compleja, donde las contradicciones se manifestaron en muy diversas facetas tanto públicas como privadas y donde no todos contaban con las mismas herramientas para afrontarla. Para los mayores, reinventarse era imposible, para los jóvenes, México era su vida. España quedaba atrás, como parte del recuerdo nostálgico, muchas veces idealizado, pero también como una entelequia sobre la que fabular ensoñaciones de muy diversa índole.

A la altura de 1950 los exiliados españoles representaban el 0,15 % de la población de México, un número muy poco significativo desde un punto de vista cuantitativo y que sin embargo, fueron alcanzando una fuerte relevancia cualitativa en muy diferentes órdenes [3, p. 57]. Muchas de las instituciones creadas en los primeros tiempos para dar acomodo laboral transitorio a los exiliados debieron reformularse para permanecer. La que no pudieron o no supieron, simplemente desaparecieron, como ocurrió con muchas de las empresas creadas por el CTARE y la JARE, los organismos de ayuda de los republicanos [7]. Esa mala gestión contribuyó a alejar aún más a los exiliados de las organizaciones políticas. Si las divisiones durante la Guerra jugaron un papel clave en ese proceso de desafección política, la gestión económica y la pérdida de expectativas de regresar a España fueron elementos clave a la hora de explicar el progresivo distanciamiento de los exiliados con sus dirigentes políticos.

Finalmente, existe una tercera fase fundamental, a partir de los años setenta, en la que los exiliados que sobrevivían debían plantearse la posibilidad del regreso a España. Ese deseo tan anhelado, se convertía en un drama, en la medida en que el tiempo transcurrido había modificado las opciones de un retorno satisfactorio a un país que inevitablemente había cambiado de forma exponencial. España incorporó a exiliados a la manera de iconos representativos, pero tratando de minusvalorar su contenido político, en el marco de una Transición política que miraba hacia el futuro, dejando atrás el pasado traumático de los exiliados y de la represión [8]. Sin duda fue un proceso complejo, donde los españoles del interior llevaron la voz cantante y el exilio en su conjunto jugó un papel marginal. Además, los más jóvenes habían enraizado en el país de acogida, eran mexicanos y su horizonte estaba asociado irreversiblemente a México. El exilio republicano representó una ganancia para México y una pérdida irreparable para España.

Las contribuciones

Resulta bastante difícil realizar una valoración de las aportaciones del exilio republicano en México en unas pocas cuartillas. Los exiliados trataron de devolver la generosidad y hospitalidad recibida por parte

de las instituciones mexicanas con su trabajo, esfuerzo y dedicación, fuese cual fuese el ámbito profesional en que se insertaron. Agrupados al comienzo en los barrios del centro de la ciudad de México, los exiliados hicieron de la calle de López uno de sus principales emplazamientos. Hoy una placa recuerda su importancia en el lugar y todavía quedan lugares míticos como el café Villarías, en la esquina de López y Ayuntamiento.

En aquellos primeros tiempos los exiliados vivían de espaldas a la sociedad de acogida, centrados en sus debates políticos, prolongación inevitable de la guerra española. Allí, socialistas, comunistas, anarquistas y republicanos discutían en los cafés sobre las causas y las consecuencias de la guerra, ensanchando en ocasiones las diferencias que habían arrastrado. En esta primera etapa, fueron las mujeres españolas las que primero comenzaron a explorar la ciudad, buscando en los mercados alimentos que les permitiese cocinar comida española [9], [10]. También fueron ellas en muchas ocasiones las primeras en encontrar la manera de llevar a aquellos precarios hogares los primeros ingresos en pesos mexicanos, desplegando sus habilidades como costureras. Fueron las mujeres las principales sostenedoras de la estructura familiar, las encargadas de educar a los hijos, las exploradoras del entorno, no siempre fácilmente asequible. No podemos olvidar que muchos de aquellos exiliados llegaban con pocos conocimientos del México del momento. El contraste racial supuso también un reto importante para ellos nada acostumbrados a una sociedad multiétnica.

Los hombres fueron progresivamente encontrando acomodo laboral, no sin dificultades por la interinidad de su situación. Al principio en las empresas que los organismos de ayuda a los refugiados, dependientes de las organizaciones políticas españolas, que implementaron no pocas iniciativas, la mayoría de ellas ruinosas, para buscar soluciones a la precariedad de los exiliados. Mediante subsidios y ayudas los exiliados pudieron ir estableciendo también pequeños negocios para salir adelante. También, en ocasiones, recibieron ayuda de los antiguos residentes españoles, que preferían contratar a un español, por razones de paisanaje aunque también raciales.

A todos nos son familiares los nombres de los colegios del exilio, los que continúan existiendo hoy día, como el Instituto Luis Vives, que conmemoró el año pasado su setenta y cinco aniversario, o el Colegio Madrid que lo celebrará en 2016 [11; 12]. Dos instituciones educativas de primer nivel, fundadas por los republicanos españoles, con fondos del exilio y que fueron pensadas para acoger y formar a los más pequeños de aquel exilio multigeneracional. También fueron fundamentales para dar trabajo a muchos de los maestros españoles que llegaban a México, huyendo de la represión franquista que perseguía el pensamiento libre y proclamaba el ¡Muera la inteligencia!. Estos colegios forman hoy a los mexicanos del futuro en las ideas de la Institución Libre de Enseñanza, en principios solidarios e incluyentes. Otros colegios, como la Academia Hispano-Mexicana, el Instituto Hispanomexicano Ruiz de Alarcón o los centros Cervantes, ya no existen pero contribuyeron también, en la medida de sus posibilidades, al enriquecimiento del país. Aquellos colegios que fueron diseñados como centros de formación para los jóvenes exiliados, pronto fueron integrando en sus aulas a estudiantes mexicanos, que pudieron compartir planteamientos pedagógicos novedosos, seguidores de los proyectos auspiciados por la Segunda República española. Sin duda, en su amplio recorrido han ido cambiando las prioridades y los métodos de enseñanza. Al comienzo, los colegios fueron pensados para educar a los jóvenes exiliados como españoles, pensando en facilitar el ansiado regreso al lugar de origen. Con la llegada del desencanto, los colegios fueron adaptándose a la realidad mexicana, procurando establecer una enseñanza incluyente, que permitiese la inserción social de los estudiantes, sin perder de vista el pasado de la Segunda República y su historia, fundamental a la hora de poder comprender las particularidades de aquel colectivo de estudiantes.

Los exiliados que llegaron a México tenían mucho que decir, mucho que escribir. Habían protagonizado uno de los episodios más relevantes de la historia reciente y, aunque derrotados, necesitaban proclamar al mundo sus verdades. Detrás de estas razones está el impulso que imprimieron a la industria editorial, fundando multitud de pequeñas editoriales, realizando importantes tareas de traducción, insertándose en otras ya creadas como el Fondo de Cultura Económica [13]. Los exiliados escribían y publicaban panfletos políticos y libros de gran trascendencia que hoy forman un abultado y valioso acervo desperdigado por el mundo. Una riqueza sin par que todavía hoy podemos rastrear en los maravillosos anaqueles de las librerías repletas del centro de la Ciudad de México. Esta necesidad de contar la experiencia a través de muy diversos formatos en papel, permitió a la sociedad ilustrada mexicana conocer aquella experiencia traumática española que en buena medida ha pasado a formar parte del pasado sentimental de no pocos mexicanos.

Importante fue la inserción de los profesores universitarios en la Universidad Nacional Autónoma de México, el Instituto Politécnico Nacional, recién creado por el presidente Cárdenas, y cómo no El Colegio de México, continuación de La Casa de España, creada en 1938, a instancias de Daniel Cosío Villegas

como un instrumento para salvar a cuantos más académicos españoles mejor [14 – 17]. El Colegio de México también conmemora este año su setenta y cinco aniversario y es hoy una de las instituciones académicas de mayor prestigio de México [18]. En su formación y expansión estuvo presente la influencia de los centros más dinámicos de la España republicana, el Centro de Estudios Históricos y la Institución Libre de Enseñanza. La llegada de los académicos españoles transformó de alguna manera la vida universitaria mexicana, con el establecimiento de profesorado de tiempo completo. Aquellos profesores que llegaban con un amplio bagaje intelectual necesitaban de un salario completo para poder subsistir, hecho que implementó El Colegio de México y que pronto pasó a ser norma en la Universidad Nacional Autónoma de México. Con la profesionalización de los profesores universitarios mexicanos, el país ganó en calidad de investigación y docencia. En la entrada de la biblioteca Daniel Cosío Villegas de El Colegio de México podemos encontrar una placa que recuerda y homenaja a los maestros de la emigración republicana española. La importancia de estas placas conmemorativas, que encontramos en tantos edificios públicos de la ciudad de México es una muestra clara de la relevancia que todavía hoy tiene el exilio republicano en su sociedad. Un hecho que todavía no se da en España, donde apenas hay vestigios que recuerden a esa España peregrina.

Con el paso del tiempo, los exiliados fueron dando forma a espacios de sociabilidad propios entre los que sin duda destacó el Ateneo Español de México. Fundado en 1949 con el padrinazgo de Alfonso Reyes, el Ateneo español de México nació como un espacio de integración, donde quedaban atrás las diferencias políticas [19]. Un lugar de encuentro, donde reproducir el ambiente cultural del Ateneo de Madrid, ocupado por aquellos años por la Falange, desvirtuando todo su sentido original de ser un espacio de encuentro, debate y concordia. Los exiliados se preocuparon de atraer a sus salones a los más destacados intelectuales mexicanos de la época, para hacer de él un lugar de intercambio cultural hispano mexicano. A lo largo de los años, el Ateneo se ha convertido en un lugar importante para la cultura de la ciudad de México y esperamos que lo siga siendo por mucho tiempo, a pesar de que está pasando por graves problemas financieros que ponen en peligro su continuidad.

Junto con el Ateneo, los centros regionales jugaron un papel esencial en esa construcción de una sociabilidad, no siempre abierta a la sociedad mexicana, aunque sí permitió visibilizar al exilio como una comunidad dinámica. El Orfeó Català que ya existía antes de la llegada de los exiliados, pronto fue colonizado por estos y convertidos en un centro de afirmación nacionalista y republicano. Otros centros como la Casa Regional Valenciana, el Centro Vasco, la Casa de Andalucía o el Centro Aragonés fueron ganando fuerza, abriendo sus locales y permitiendo la creación de lugares de encuentro.

Con toda seguridad, las aportaciones culturales del exilio republicano en México son las más celebradas y aplaudidas, también las más conocidas. La importancia que los científicos, filósofos, maestros, poetas y artistas tuvieron en México ha sido estudiada de forma minuciosa. Su reivindicación y su importancia están fuera de toda duda, aunque en ocasiones, sus logros han sido ensalzados de forma poco generosa con el país de acogida. Existe una tendencia a minusvalorar la importancia de México en permitir ese desarrollo, lo cual siempre me ha parecido muy injusto. México tomó decisiones trascendentales que lo hicieron posible, como fue favorecer el cambio de modelo en el profesorado universitario, creando los profesores a tiempo completo, figura antes inexistente en las universidades mexicanas. Tampoco es cierto, como se sostiene en ocasiones, que el despegue de México fuese la consecuencia de la llegada de los republicanos españoles. Los factores de su crecimiento y desarrollo en las décadas centrales del siglo XX obedecieron a factores internos en los cuales los exiliados pudieron integrarse plenamente y beneficiarse de ellos.

Esa situación permitió también una más que satisfactoria integración de aquellos que provenían de sectores menos ilustrados, trabajadores manuales, profesionales de menor capacitación, empleados públicos e incluso campesinos que, progresivamente fueron encontrando la manera de establecer pequeños negocios familiares con los que salir adelante. Los españoles tardaron en adaptarse a algunas dinámicas mexicanas, al funcionamiento del mercado laboral. Sin embargo, también existieron excepciones, que consiguieron alcanzar pronto un notable éxito profesional y un rápido ascenso social. Casos como el de Eulalio Ferrer, joven socialista montañés que consiguió alcanzar una importante fortuna con el desarrollo de la publicidad y la mercadotecnia en el México de Miguel Alemán. Desde un punto de vista técnico, los exiliados abrieron nuevos espacios de negocio, encontrando nuevos nichos de desarrollo en muy diferentes ámbitos laborales.

Fue a partir de los años cincuenta, cuando los exiliados fueron progresivamente abandonando el centro de la ciudad, encontrando acomodo en otros lugares, más confortables, donde ir construyendo hogares más estables. Aquello dispersó al colectivo que, sin embargo, mantuvo un fuerte sentimiento comunitario. Los republicanos españoles no siempre se integraron del todo en la sociedad de acogida. Mantuvieron sus particularidades que fueron pasando de padres a hijos, siendo todavía hoy una comunidad con un fuerte

componente autorreferencial. A diferencia de otros países donde los exiliados españoles encontraron acomodo, México permitió a los derrotados por el franquismo mantener sus señas de identidad, favoreció la existencia de espacios de sociabilidad propios y contribuyó a construir un discurso autojustificativo de su presencia en el país.

En lo que sí colaboró el exilio republicano es en la normalización de las relaciones de la sociedad ilustrada mexicana con su propio pasado. Con la llegada de los exiliados, los mexicanos pudieron comprender que existía también una España diferente, alejada de los viejos estereotipos de la conquista. Una España republicana, laica y moderna con la que poder relacionarse, intercambiar proyectos y mantener relaciones de igual a igual. Este hecho, poco explorado todavía por los investigadores, tiene una importancia capital a la hora de entender las bases sobre las que se construyeron las relaciones culturales de las que hoy en día somos deudores. El exilio contribuyó a acabar con una parte de la hispanofobia que caracterizaba a la sociedad mexicana de la posrevolución, gracias a un mejor conocimiento de la existencia de múltiples diferencias entre españoles [20].

Otra de las contribuciones fundamentales para la época fue la defensa internacional de la causa republicana que permitió asentar una política diplomática de prestigio. Los diplomáticos mexicanos encontraron en esa defensa un elemento de crecimiento, una posibilidad de prestigiar su labor, reconocida ampliamente [21]. México se convirtió así en un símbolo singular, alejado de la política de bloques propia de la Guerra Fría, inaugurando una tradición que continuó vigente en los años setenta con la recepción de los exiliados sudamericanos, perseguidos por las dictaduras conosureñas.

Las sociedades y los gobernantes que muestran solidaridad con los que sufren persecución política mejoran sustancialmente, se enriquecen y fortalecen. Esa fue sin duda la principal aportación que los exiliados dieron a la sociedad mexicana en su conjunto. De esa lección debemos aprender todos, para procurar que aquel México del presidente Cárdenas no sea solo un grato recuerdo del pasado, sino también un estímulo para demostrar al mundo que el derecho de asilo no es un riesgo, sino una fortaleza, un enriquecimiento cuando se hace de forma desinteresada. Conocer mejor al otro, nos permite a fin de cuenta, conocernos y aprender de nosotros mismos.

El exilio republicano, ese contingente humano singular, que luchó por la defensa de una sociedad más justa y equitativa para España, fue un importante nutriente para el México postrevolucionario. México ganó lo que España perdió, pero permitió también su desarrollo y su crecimiento en un ambiente propicio. Los exiliados españoles encontraron en México una segunda oportunidad.

Literatura

1. MATESANZ, J. A. (2000): *Las raíces del exilio. México ante la guerra civil española 1936–1939*. México D. F., El Colegio de México y la Universidad Nacional Autónoma de México.
2. ORTUÑO MARTÍNEZ, M. ed. (2007): *Diplomáticos de Cárdenas. Una trinchera mexicana en la Guerra Civil (1936–1940)*. Madrid, Trama.
3. LIDA, C. E. (1997): *Inmigración y exilio. Reflexiones sobre el caso español*. México, Siglo XXI-Colegio de México.
4. HOYOS PUENTE, J. (2012a): *La utopía del regreso. Proyectos de Estado y sueños de nación en el exilio republicano en México*. México, El Colegio de México.
5. HOYOS PUENTE, J. (2012b): «La formación de la identidad del refugiado: los republicanos españoles en México, discursos, prácticas y horizontes de futuro», *Laberintos: revista de estudios sobre los exilios culturales españoles*, 14, 49–68.
6. PLA BRUGAT, D. (1994): «Características del exilio en México en 1939», en C. E. LIDA (comp.), *Una inmigración privilegiada: comerciantes, empresarios y profesionales españoles en México en los siglos XIX y XX*, (218–231). México, El Colegio de México.
7. HERRERÍN LÓPEZ, A. (2007): *El dinero del exilio. Indalecio Prieto y las pugnas de posguerra (1939–1947)*. Madrid, Siglo XXI.
8. BALIBREA, M^a. P. (2007): *Tiempo de exilio: una mirada crítica a la modernidad española desde el pensamiento republicano en el exilio*. Barcelona, Montesinos.
9. DOMINGUEZ PRATS, P. (1994): *Voces del exilio: mujeres españolas en México (1939–1950)*. Madrid, Dirección General de la Mujer.
10. CAPELLA, M^a. L. (1995): «Identidad y arraigo de los exiliados españoles (Un ejemplo: Mujeres valencianas exiliadas)», en A. GIRONA ALBUIXECH y M^a. F. MANCEBO (coord.), *El exilio valenciano en América: obra y memoria*, (53–68), Valencia, Instituto Alicantino Juan Gil-Albert.
11. CRUZ OROZCO, J. I. (1995): «Los colegios del exilio: La obra educativa de los maestros y profesores valencianos»,

- en A. GIRONA ALBUIXEC y M^a. F. MANCEBO (coord.), *El exilio valenciano en América: obra y memoria*, (95-110), Valencia, Instituto Alicantino Juan Gil-Albert.
12. TUÑÓN, J. (2014): *Educación y exilio español en México. El Instituto Luis Vives, 1939–2010*. México, Instituto Nacional de Antropología e Historia.
13. GARCIADIEGO, J. (2015): *Autores, editoriales, instituciones y libros. Estudios de historia intelectual*. México, El Colegio de México.
14. COSÍO VILLEGAS, D. (1976): *Memorias*. México, Joaquín Mortiz.
15. LIDA, C. E. (1988): *La Casa de España en México*. México D.F., El Colegio de México.
16. LIDA, C. E. y MATESANZ, J. A. (1990): *El Colegio de México: una hazaña cultural 1940–1962*, México, El Colegio de México.
17. GARCÍA BERNAL, S. M. (2012): *Los maestros del exilio español en el Instituto Politécnico Nacional*, México, Instituto Politécnico Nacional.
18. VALERO PIE, A. (ed.) (2015): *Los empeños de una casa. Actores y redes en los inicios de El Colegio de México 1940–1950*. México, El Colegio de México.
19. LÓPEZ SÁNCHEZ, J. M^a. (2009): «El Ateneo Español de México y el exilio intelectual republicano», *Arbor: Ciencia, pensamiento y cultura*, 735: 41–55.
20. PÉREZ VEJO, T. (2001): «España en el Imaginario Mexicano el choque del exilio» (23-94). En A. SÁNCHEZ ANDRÉS y S. FIGUEROA ZAMUDIO, (coords.): *De Madrid a México. El exilio español y su impacto sobre el pensamiento, la ciencia y el sistema educativo mexicano*. Madrid-Morelia, Comunidad de Madrid, Universidad Michoacana.
21. LAJOUS VARGAS, R. (2012): *Historia mínima de las relaciones exteriores de México (1821–2000)*. México, El Colegio de México.

Strashko Yana

DONALD TRUMP Y EL MUNDO LATINO UN AÑO DESPUÉS

Strashko Yana Igorevna

Vice directora del Centro de Formación Preuniversitaria de la MGIMO,
Doctoranda del Depto. De Historia y Política
de los países de Europa y América,
Vicedirectora del Centro de la Formación preuniversitaria
de la Universidad MGIMO, Rusia.
yana.strashko@gmail.com

Resumen. El artículo está dedicado a las transformaciones importantes en la política exterior de Estados Unidos y, en concreto, a los cambios del rumbo económico y político norteamericano que Estados Unidos aplica en América Latina un año después de que Donald Trump llegó a la presidencia. Se analiza la postura presidencial, tal y como la reflejan sus discursos programáticos, antes y después de las elecciones, dedicados a tales cuestiones, como cooperación con los países de América Latina, desarrollo de las relaciones bilaterales con Cuba, migración latinoamericana a Estados Unidos.

Palabras claves: América Latina, los Estados Unidos, política exterior, Cuba, México, Venezuela, China, MERCOSUR, la Alianza del Pacífico, NAFTA.

Donald Trump and the Latin world one year later

Abstract. The article is dedicated to the important transformations in the foreign policy of the United States and the economic and political course towards Latin America after Donald Trump's first year in White House. The position of D. Trump is shown at the moment of participation in the election campaign and after his victory. The author draws special attention to the cooperation of the USA with Latin American countries, the development of relations with Cuba and to the migration problem.

Keywords: Latin America, the United States, foreign policy, Cuba, Mexico, Venezuela, Southern Common Market, The Pacific Alliance, NAFTA.

Дональд Трамп и латиноамериканский мир год спустя

Аннотация. Статья посвящена важным изменениям, которые произошли во внешней политике США после прихода к власти Д. Трампа, и тому, как данный фактор отразился на экономической и политической ситуации в странах Латинской Америки. Показана позиция Д. Трампа на момент участия в предвыборной кампании и после его победы на выборах. Особое внимание автор обращает на внешнеполитические отношения с латиноамериканскими странами, развитие отношений с Кубой, миграционную проблему.

Ключевые слова: Латинская Америка, США, внешняя политика, Куба, Мексика, Венесуэла, Китай, МЕРКОСУР, Тихоокеанский альянс, НАФТА.

El primer año de la presidencia de Donald Trump, actual mandatario estadounidense, evidencia que América Latina no figura como prioridad en su agenda política. Para comparar, constamos que su antecesor B.Obama en 2009, su primer año en la Casa Blanca, emprendió tres visitas a América Latina, mientras que Trump, ninguno.

Las elecciones norteamericanas de 2016 eran potencialmente importantes para América Latina. La economía de EE UU experimentaba dificultades y existía una gran necesidad de que ganara un candidato fuerte y de gran experiencia emprendedora que fuera capaz de resolver estos problemas de elevada importancia no solo para EE UU, sino también para América Latina y el resto del mundo. Además, para los habitantes de la mayoría de los países latinoamericanos — México, estados centroamericanos y los del Caribe, así como algunos países andinos — las remesas de sus compatriotas desde EE UU siempre constituían una importante fuente de ingresos de divisas, lo que a nivel de la región latinoamericana alcanza aproximadamente el importe de 40 mil millones de dólares estadounidenses. En este sentido, la declaración de Donald Trump sobre su intento de obligar al gobierno mexicano a no aceptar las transferencias de dinero desde Estados Unidos, causó profundo descontento tanto entre los migrantes mexicanos en Estados Unidos, como entre la población mexicana que reside en México.

El presidente mexicano Enrique Peña Nieto criticó muchas veces el programa electoral de Trump. Frente a la idea del futuro presidente norteamericano de separar México y EE UU, construyendo un muro en la frontera, declaró que México no financiaría aquel proyecto.

Otra afirmación de D. Trump-candidato de que México enviaba a EE.UU. mayoritariamente personas que se dedicaban a las actividades criminales [1], faltó gravemente al mandatario mexicano. Entre otras iniciativas electorales de D. Trump figuraban sus intenciones de salir del Acuerdo Transpacífico (TTP) y del TLCAN por ser dichos tratados, según él, poco favorables y hasta dañinos a los intereses nacionales de EE.UU.

En cuanto a Cuba, durante su campaña electoral Donald Trump inicialmente afirmaba que apoyaba la decisión del presidente Barack Obama de iniciar un diálogo constructivo con este país, aunque consideraba que los acuerdos bilaterales alcanzados no correspondían plenamente a los intereses de EE UU: “50 años son suficientes. Yo pienso que es bueno, pero nosotros deberíamos haber concluido un acuerdo más favorable” [2].

Moisés Naím, exministro de Fomento (Comercio e Industria) de Venezuela, exdirector del Banco Central de Venezuela y exdirector ejecutivo del Banco Mundial, que colabora actualmente como columnista de “EL PAÍS”, calificó el programa electoral de Trump como populista, dejando notar, sin embargo, que el populismo “nunca desaparecerá de América Latina” [3].

Ha pasado un año desde que Donald Trump fue elegido presidente de EE UU y tomó posesión del cargo presidencial. Analicemos de forma más detallada los pasos emprendidos por el presidente norteamericano en la esfera de la dirección latinoamericana de su política exterior.

“El desinterés por la región como región no tiene precedentes” (Michael Shifter)

México

En diciembre de 2016, a raíz de las elecciones presidenciales en EE UU, más del 70 % de los mexicanos calificaron como “muy mala” noticia el triunfo electoral de Donald Trump como presidente de EE UU, según el Centro de Estudios Sociales y de Opinión Pública de la Cámara de Diputados.

La idea de Trump de construir un muro antimigración en la frontera con México y cobrar su coste al vecino del sur, motivó al presidente mexicano, Enrique Peña Nieto, a que cancelara la visita que tenía programada emprender a Washington el 31 de enero de 2017.

A pesar de pasar un año de la presidencia de Trump, su discurso dirigido a México sigue igual y las amenazas preelectorales se repiten. En enero de 2018 tocando las relaciones bilaterales con México, Trump insistió que “sin muro no hay acuerdo” [4], afirmación hecha en referencia al Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLCAN) que se negociaba en Montreal, Canadá, hasta el 28 de enero.

En octubre de 2017 en EE UU se presentaron ocho proyectos análogos referentes a la construcción del muro fronterizo. El presidente norteamericano logró convertir la amenaza de su construcción en un factor de negociación en los temas migratorios con México. Sin embargo, aún no hay muro, mientras los expertos predicen que de ninguna manera su construcción sería una solución al problema de la migración ni el narcotráfico.

El presidente Enrique Peña Nieto ha asegurado la protección de los intereses del país frente a las amenazas estadounidenses, pero no ha ido más lejos.

Entre las posibles consecuencias del dicho escenario, se puede esperar, en primer lugar, un giro a la izquierda de la situación política en México ya en el 2018 entrante, año de elecciones presidenciales en este país. Por lo menos, actualmente, el líder de centroizquierda López Obrador se posiciona entre los favoritos de la carrera presidencial.

En segundo lugar, [...] los Estados Unidos son parte de los tratados de libre comercio con 14 estados latinoamericanos, incluyendo los de Centroamérica. El principio proteccionista que aplica D. Trump puede conllevar a la revisión de estos tratados y complicar significativamente las relaciones interamericanas [5, p. 54].

Hablando del estado actual de cosas, se puede constatar que ambos países han reaccionado mucho a nivel de declaraciones en los medios, pero EE UU y México siguen siendo socios comerciales fundamentales, conservan profundos vínculos, teniendo una extensa historia en común.

Cuba

Hasta el pasado 20 de enero, día de la toma de posesión de Trump, Cuba y EE.UU. alcanzaron 22 acuerdos bilaterales en diferentes áreas de interés común. Tras el restablecimiento oficial de las relaciones diplomáticas bilaterales y la reinauguración de las Embajadas de dos países, se desarrollan los intercambios en tales áreas, como cultura, educación, ciencia. Crece el número de visitantes estadounidenses a la Isla de la Libertad en el marco del intercambio turístico.

No obstante, el 3 de febrero de 2017 Trump, descontento por los logros de la administración anterior, ordenó revisar la política nacional respecto a Cuba. Lo que condujo a la congelación de la mayor parte de los intercambios oficiales y los mecanismos de cooperación establecidos.

A pesar de todo lo hecho por B. Obama y su equipo para normalizar las relaciones con Cuba, Trump firmó el Memorando Presidencial de Seguridad Nacional sobre el fortalecimiento de la política de los EE.UU. hacia Cuba. Este documento muestra futuras restricciones a los viajes de los norteamericanos a la Isla y más impedimentos para las transacciones financieras, comerciales e económicas entre los dos países. Estas limitaciones quedaron aclaradas el 9 de noviembre de 2017, cuando los Departamentos de Estado, Comercio y el Tesoro anunciaron que inician la aplicación de “acciones coordinadas” para limitar el comercio y los viajes entre EE UU y Cuba. Los viajes sólo están permitidos para 12 categorías determinadas en el documento, además se eliminan las visitas educativas individuales sin carácter académico. Nadie gana con esta nueva política restrictiva. “Daña a estadounidenses y cubanos por igual” [6], señaló en noviembre la congresista demócrata Bárbara Lee.

El gobierno cubano, por su parte, se niega a contribuir a la inestabilidad del clima bilateral y repitió su deseo de proseguir con el diálogo respetuoso.

Peru, Colombia, Argentina

Durante la campaña electoral estadounidense los presidentes de Colombia, Juan Manuel Santos, Argentina, Mauricio Macri, Perú, Pedro Pablo Kuczynski, expresaron su preferencia por la candidata demócrata Hillary Clinton. Pero después de triunfar electoralmente y llegar al poder el multimillonario republicano, dichos presidentes cambiaron de actitud y optaron por mantener relaciones cordiales con el último, unidos por la antipatía hacia el gobierno venezolano.

Venezuela

En lo que se refiere a Venezuela, D. Trump, hasta mediados de 2017 se limitaba a críticas duras del régimen de Nicolás Maduro, acusando al gobierno venezolano de violar los derechos humanos de los ciudadanos y socavar las garantías de la democracia en el país.

La postura parecida la ocupaba la administración de Barak Obama que prefería aplicar así llamado “poder blando” en la situación en que entonces permanecía Venezuela, pero nunca amenazaba con bloquear las compras del petróleo a este país.

El julio de 2017 Donald Trump hizo declaraciones más firmes, amenazando al régimen de Nicolás Maduro con suspender las importaciones de petróleo en caso de realizarse en el país el referéndum que desde Norteamérica calificaban como anticonstitucional, dirigido a reformar la constitución venezolana. De momento las amenazas no son más que amenazas, sin embargo, la situación interior en Venezuela y graves enfrentamientos con las fuerzas de oposición en víspera de elecciones presidenciales agudizan mucho el diálogo bilateral.

Cabe señalar que EE.UU. aplicó sanciones contra Venezuela y prohibió la entrada al país a decenas de funcionarios venezolanos culpados de corrupción y represión, también en esta lista figura el presidente

Nicolás Maduro, el líder más indeseable (junto con el presidente de Siria, Bachar el Assad y el líder norcoreano, Kim Jong-un).

A principios de agosto el presidente norteamericano avisó que su gobierno no descartaba la idea militar, en caso de necesidad, para restablecer el orden democrático en Venezuela. La amenaza de una intervención armada norteamericana a Venezuela hizo reaccionar a los aliados del país, tales como Cuba, Nicaragua, Bolivia y también a los gobiernos conservadores de Brasil, Colombia, Perú, Argentina y Paraguay.

“Es uno de nuestros grandes aportes al mundo. Prometer lo que sabe que no puede cumplir y distribuir lo que no tiene.” (Moisés Naím)

En cuanto a la política comercial aplicada por Donald Trump, uno de sus primeros pasos fue abandonar el Acuerdo Transpacífico de cooperación económica (TPP) con los países de América Latina y de Asia. “Se ha comentado que a Washington no le importa América Latina, y eso es cierto, pero ahora es dramáticamente peor” [7], sostiene Michael Shifter, presidente del Diálogo Interamericano, centro de análisis regional basado en Washington.

Las consecuencias de la política malpensada de EE UU en la región latinoamericana se hacen cada día más notables y se proyectan, en particular, en un desplome de la imagen de EE.UU. en América Latina y una creciente influencia de China en la región.

Por otro lado, hace falta tomar en cuenta los pasos que la administración norteamericana intenta dar para estrechar los lazos con América Latina. Como ejemplo puede servir la cena que Trump ofreció a los presidentes de Colombia, Panamá, Brasil y a la vicepresidenta de Argentina durante la Asamblea General de la ONU en Nueva York en septiembre 2017 y que evaluaron como gesto de acercamiento de Donald Trump hacia América Latina. Pero, desgraciadamente, el evento no tuvo gran efecto.

Según mencionamos arriba, D. Trump amplió las sanciones económicas y financieras contra los funcionarios de Venezuela. No obstante, EE UU no aplicó el embargo petrolero a Venezuela, como lo propuso el secretario general de la Organización de Estados Americanos (OEA), apoyado por el presidente argentino Mauricio Macri.

“El gobierno estadounidense no es visto como un socio confiable en Latinoamérica” [8], afirma Oliver Stuenkel, profesor de Relaciones Internacionales de la Fundación Getúlio Vargas, una universidad de élite en São Paulo, Brasil.

El vicepresidente de Estados Unidos Mike Pence visitó varios países de América Latina, por su parte, Donald Trump continúa sin hacerlo y, en opinión de expertos, podrá dar otro gesto de indiferencia, al faltar a la cumbre de las Américas que tendrá lugar en abril 2018 en Perú. Rex Tillerson, Secretario de Estado de EE UU hasta el 13 de marzo de 2018, no tomó parte en la Asamblea General de la OEA, celebrada en junio de 2017 en Cancún, México, cuyo tema principal era la crisis en Venezuela.

Por otro lado, China demuestra un creciente interés por esta región. Desde 2013 el presidente Xi Jinping efectuó tres visitas al continente latinoamericano. Ahora China se encuentra entre los primeros aliados comerciales de varias naciones latinoamericanas, su peso relativo en las importaciones creció muchísimo desde el año 2000, mientras que el comercio con Norteamérica va reduciéndose. Las inversiones y los préstamos chinos son una parte importante de la economía de los países de América Latina [9].

Es probable que las relaciones entre Estados Unidos y América Latina se congelen durante la presidencia de Donald Trump, tomando en cuenta el cambio de la postura del presidente norteamericano en relación a NAFTA y el comienzo de la deportación de cientos de miles de inmigrantes latinos en los últimos meses [9].

Por más paradójico que suene, pero la falta de atención al resto de la región puede tener también su lado positivo por “dejar en paz” en cierto sentido el desarrollo de los procesos integracionistas, los cuales fueron objeto de la intervención activa de B. Obama con su “poder blando” en aras de corregirlos y a veces simplemente destruirlos [5, p. 57].

Referencias

1. “Miss Universe turns ugly for Trump as US TV network cut ties with presidential candidate 30/06/15”. Disponible en: URL: <https://www.vidivodo.com/miss-universe-turns-for-trump-as-us-tv-network-cut-ties> (Consultado el 20.02.2018).
2. 2016 PBS Democratic primary debate in Miami, March 9, 2016. Disponible en: URL: http://www.ontheissues.org/2016_PBS_Dems_FL.htm (Consultado el 20.04.2018).

3. Лафунте Х. “ В Латинской Америке повеяло ветром перемен” 31.01.2016. [*Lafuente J.* “V Latinskoy Amerike poveyalo vetrom peremen” [Aires de cambio para el fin de fiesta de América Latina] // Disponible en: URL: <http://inosmi.ru/politic/20160202/235245392.html> (Consultado el 10.02.2018).
4. “Trump acrecienta la presión sobre los demócratas en inmigración”. Disponible en: URL <https://www.pressreader.com/spain/la-vanguardia/20180207/281698320198706> (Consultado el 23.02.2018).
- 5.V. P. Sudarev. Nueva geopolítica en el hemisferio occidental. Iberoaméric. № 4, 2017, pp. 48–62.
6. “Rechazan en Cuba y Estados Unidos las nuevas limitaciones de Washington a los viajes y el comercio”. Disponible en: URL: <http://www.granma.cu/cuba/2017-11-10/rechazan-en-cuba-y-estados-unidos-las-nuevas-limitaciones-de-washington-a-los-viajes-y-el-comercio-10-11-2017-00-11-12> (Consultado el 19.02.2018).
7. “Rusia tiene tentáculos”: ¿Por qué Tillerson usa la “rusofobia” en su visita a México?” Disponible en: URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/261847-rusia-tiene-tentaculos-tillerson-eeuu-m%C3%A9xico> (Consultado el 10.03.2018).
8. ¿Quién gana y quién pierde con la reapertura del gobierno de EE.UU.? Disponible en: URL: <http://naij.info/cnnspanish/2018/01/page/24/> (Consultado el 01.03.2018).
9. Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. — М.; ИЛА РАН, 2017. — 208 с.

Раздел II. Ибероамериканский мир в пространстве и времени: актуальные вопросы языка и культуры

Aura Luz Duffé Montalván

Estudio de las imágenes y de las figuras retóricas en la prensa

Aura Luz Duffé Montalván, Doctora en Estudios Hispánicos,
docente investigadora y profesora titular de Español,
Université Rennes 2, Francia. aura-luz.duffe@uhb.fr

Resumen. Dado que una de las funciones de la prensa es informarnos sobre hechos y acontecimientos, en este estudio, nos proponemos dilucidar algunos recursos estilísticos e imágenes que más utiliza con el fin de realzar, rechazar o denigrar algunas de sus informaciones.

A través del estudio de las imágenes y figuras retóricas, nos acercaremos al pensamiento intrínseco del autor; observaremos que, en la prensa, la comunicación se da de forma unilateral: el emisor (autor del artículo) presenta siempre su mensaje al receptor (el lector) y esto permite prever la reacción que pretende suscitar en el receptor.

Así, este estudio focaliza, más que el contenido, la forma en la que se presentan los hechos y acontecimientos en la prensa.

Palabras clave: figuras retóricas, imágenes, prensa, recursos estilísticos, acontecimientos, hechos

Study of images and rhetorical figures in the press

Abstract. Given that one of the functions of the press is to inform us about facts and events, in this study we intend to explain some of the stylistic resources and images most widely used in the press in order to heighten, reject or denigrate some of the information presented.

Through the study of images and rhetorical figures, we will approach the intrinsic thought of the author. We will observe that in the press communication occurs unilaterally: the sender (author of the article) always presents his or her message to the receiver (the reader) and this allows us to foresee the reaction that he or she

intends to produce in the receiver.

Thus, this study focuses on the way in which facts and events are presented in the press, rather than on the content.

Keywords: rhetorical figures, images, press, stylistic resources, events, facts

1. Definición de hechos y acontecimientos en la prensa

Kais Marzouk El-Ouariachi (s. d.), investigador en sociología y autor de numerosas obras en español, francés y árabe, ha realizado una síntesis sobre la definición de *hechos* y *acontecimientos* en la prensa.

Su reflexión toma en cuenta, primero, la definición dada por Pierre Nora, historiador de renombre en Francia y en el mundo. Siguiendo sus ideas, *los acontecimientos* y *los hechos*, se definen bajo la posición o lugar que ocupan en la prensa, es decir, en las diferentes rúbricas. En esta definición, se toma en cuenta los criterios históricos, políticos, sociales, literarios y científicos. Así, *los hechos* se relacionarían con informaciones de carácter pictórico, raro y anodino, y *los acontecimientos* corresponderían a las informaciones de índole ejemplar y significativo [1, p. 1, 2].

Frente a esta definición, tomada de Pierre Nora, K. M. El-Ouariachi manifiesta su desacuerdo. Para él, *los hechos*, a pesar de su *trivialidad*, tienen mucha importancia desde el punto de vista sociológico. Efectivamente, para este autor, el hecho más insignificante de la vida está ligado muy estrechamente con la vida diaria y se trata solamente de una focalización local de la política y de lo que se considera como sorprendente. De esta manera, este autor propone una definición operacional de *los hechos* y *acontecimientos*. Estos corresponden a “*la irrupción de nuevos significantes dentro de un proceso; constituye una fisura que juega el papel de una antifunción momentánea de un sistema*” [2, Ibid., p. 2].

Se identifican los *acontecimientos* o *hechos* por sus agentes, representantes o instituciones, los cuales reconstruyen los hechos con el objetivo de poder comunicarlos.

Siguiendo esta definición, nuestro estudio pretende identificar algunas particularidades del discurso periodístico a través del análisis de las imágenes y estructuras sintácticas y retóricas.

2. Fundamentos teóricos del discurso

Según Bernard Pottier (1992), toda comunicación lingüística es un texto. Para este autor, el texto forma parte de una secuencia del discurso que proviene de la voluntad del locutor. Reconoce en este acto dos tipos de procesos :

- El *onomasiológico* que se refiere al proceso de la construcción del discurso.
- El *semasiológico* que se ocupa de la deconstrucción del discurso [3, p. 16–18].

En el primer caso, el emisor presenta la realidad que percibe a través de sus sentidos (el referente real) o de su imaginación (el referente imaginario). En el segundo caso, el receptor podrá efectuar una observación cualitativa de esta realidad o de esta misma realidad modelada por un contexto particular y percibida por el emisor [4, Ibid., p. 13–15].

Para Norma Díaz y al. (2002), el discurso como acción social encierra una intención comunicativa [5, p. 389]. En este sentido, en la construcción del discurso, existe una influencia del contexto social: se elegirán las expresiones en función de las normas sociales reconocidas por los miembros de una comunidad. Xavier Dordor (1993) reconoce que, en el discurso de prensa, los textos son el resultado de un proceso de selección y argumentación inherente a la producción de la información, hecha por individuos con posiciones ideológicas, creencias y objetivos diferentes de comunicación [6, p. 205.]. Así, una de las funciones que se atribuye normalmente a los periodistas es la de clasificar los acontecimientos y hechos, los temas importantes y darles un sentido y una representación en el discurso.

Según Jean Agnès y Josiane Savino (1999), las informaciones en la prensa presentan una cierta regularidad en la producción del discurso. Esta se manifiesta por aserciones, promesas, pedidos y denuncias bajo un discurso indirecto. Por su técnica de redacción y por el soporte utilizado, se lo denomina *discurso de prensa* o *discurso periodístico* [7, p. 31–37].

Yvès Agnès y Jean-Michel Croissandeau (1979) explican cómo el discurso periodístico se modifica por la política de la editorial: se revisa y modifica varias veces lo que se debe decir y transmitir al público,

precisando las fuentes de información y los portavoces de las instituciones. Así, existen diferentes posiciones ideológicas que tendrán una gran influencia en la construcción del discurso, en la presentación y jerarquía de los aspectos considerados como más interesantes y notorios [8, p. 46–48].

Por su parte, Daniel Cornu (2008) observa que existe, en la presentación de las informaciones, una recurrencia en legitimar o desacreditar hechos o acontecimientos. Para que esto se lleve a cabo, el discurso periodístico tendrá cuidado de realzar una imagen, un hecho; o al contrario, culpabilizar, acusar, delatando al mismo tiempo los aspectos positivos o negativos (9, p. 25–71]. El lector en su deconstrucción de la información podría percibir estos hechos gracias al estudio de los significantes de los enunciados (representación mental de los conceptos en su lectura).

3. La retórica en las imágenes y en los textos escritos

Las investigaciones de Teun Van Dijk (2001) demuestran que el lenguaje de prensa utiliza la retórica, debido a que su objetivo es crear un fuerte impacto en los lectores. Para esto, recurren a imágenes o a una formulación específica, con el fin de provocar una reacción específica, tanto en la construcción del discurso (un mensaje simple puede modificarse usando figuras retóricas), como en el momento de la deconstrucción (el receptor recibe el mensaje en un sentido figurado y restituye la proposición en su propio lenguaje) [10, p. 352–371].

Ruth Amossy (2006) afirma que

“[...] le terme de rhétorique est souvent réservé à un art de séduction aux vertus manipulatrices, alors que l’argumentation désigne les tentatives raisonnées de convaincre l’auditoire par des arguments valides” [11, p. 2].

Así, el empleo de figuras retóricas supone la modificación de una norma del lenguaje y explica las libertades que se toman los narradores en relación con el discurso y la imagen presentados en la prensa.

Jean-Michel Adam y Marc Bonhomme (1997) citan la clasificación hecha por Umberto Eco de los códigos visuales en los cuales se reconoce la utilización de figuras retóricas. Por ejemplo, sobre una realidad física como la de una fotografía, se puede poner de relieve las operaciones de cambios, adjunción, supresión o sustitución que se han efectuado en las imágenes. Se efectúan hipérboles, litotes, antítesis, metáforas, etc. [12, p. 180, 181].

Asimismo, en el discurso escrito, se destacan relaciones de identidad, similitud, oposición y diferencia entre los elementos de las proposiciones que pertenecen a un paradigma común o a paradigmas diferentes. Entonces, encontramos, como en el caso de las imágenes, operaciones de supresión, adjunción, sustitución, permutación en la construcción de los enunciados [13, Idem].

En nuestro estudio destacaremos, en lo que se refiere a las imágenes y los textos escritos, más que el contenido de sus mensajes, la forma en la cual han sido presentados.

3.1. Análisis de la imagen

Yves Agnès y Jean-Michel Croissandeau (1979) nos previenen de algo importante al lector cuando se observa una imagen:

“L’image prouve apparemment tangible de la réalité, est bien souvent trompeuse. On peut lui faire dire facilement le contraire de la vérité fixée sur la pellicule, au moment de la prise de vue (qui est déjà un choix, une limitation). Le traitement de la photographie va rendre multiples les significations possibles d’un même document” [14, p. 49]

Además, las diferentes técnicas utilizadas (el marco, los retoques, la leyenda) pueden mostrar una realidad fragmentada y, en ciertos casos, opuestas al original.

Ahora bien, sin tomar en cuenta la manipulación que pudiera existir en la transmisión de las imágenes y sus respectivos mensajes, examinaremos, más abajo, algunos casos tomados de una misma fuente periodística para observar hasta qué punto es recurrente el uso de las figuras retóricas en las imágenes de un mismo periódico.

Primer caso

El periódico El País editado el 25 de julio de 2008 [15, p. 2] muestra, en la segunda página de la rúbrica *Internacional*, una fotografía de *Barack Obama*, Presidente de los Estados Unidos entre enero 2009 y enero 2017. La foto fue tomada en Berlín durante su visita en ese país. Las informaciones en la prensa presentaron este hecho como un acontecimiento muy importante a nivel mundial : los diversos titulares lo anunciaban como algo espectacular. Por ejemplo, en la imagen presentada más abajo, cuyo título es “*Obama conquista el corazón de Europa*”, se observa, a primera vista, que el nombre de este Presidente se lo relaciona con un continente (*Obama / Europa*) ; la foto puesta más abajo muestra muy bien este enlace al mostrar el monumento de la ciudad de Berlín y la imagen de Obama.

Observando la foto de abajo hacia arriba, vemos, a la izquierda, el monumento de Berlín y, a su derecha, al Presidente Obama tan imponente por su talla como la del monumento. Esta toma fotográfica pretendería mostrar la homologación en la altura de ambas imágenes y, con esto, se estaría enfatizando sus respectivos poderes. También, detrás, y en un segundo plano, se ve a personas que, en comparación con la imagen de Obama, parecen minúsculas, dejando entender, para nosotros, que existe una diferencia notoria entre el pueblo y el Presidente.

Así, desde el punto de vista retórico, observamos claramente el uso de una hipérbole en lo que concierne el aspecto físico de Obama. Se ponen de relieve (de abajo hacia arriba) los pies, el cuerpo, la cabeza y la mano derecha [16, *Ibid.*, p.2].

Segundo caso

En el mismo ejemplar, en la página 2 de la rúbrica *Sociedad*, encontramos una caricatura que forma parte del artículo de Joan B. Culla i Clarà, titulado “*El congreso y el funambulista*”. La imagen de la caricatura representa, al que era el jefe de gobierno de España, entre 2004 y 2011, *José Luis Rodríguez Zapatero*. A este personaje, se lo muestra sobre una cuerda floja llevando una rosa en la mano; esta posición simularía el estado en el que se encontraría este Presidente dentro de los acontecimientos ocurridos en España durante la época en la que cumplía la función de jefe de estado.

En nuestra opinión, el artículo de J. B. Culla i Clarà corresponde a una crítica sobre la política llevada por el gobierno español. En otros términos, se le acusa a *José Luis Rodríguez Zapatero* de gustarle proclamar discursos triviales, llenos de promesas y eufemismos, sobre todo, cuando afirma que no hay *crisis*, sino *desaceleración* [17, p. 2].

Esta afirmación se vincula con la caricatura realizada, puesto que el *discurso trivial* podría representarse en la posición de equilibrista con la que se identifica a J. L. Rodríguez Zapatero. La cuerda floja y la búsqueda de equilibrio vendrían entonces a sustituir al *discurso trivial*, nada firme o seguro del personaje en cuestión. Así, para nosotros, la caricatura es una metáfora del enunciado *discurso trivial* y en la cual existe una sustitución completa e incluso exagerada del significado. Por otra parte, la rosa que lleva el personaje en la mano izquierda -símbolo del partido socialista- corresponde a la designación del significado (partido socialista) por otro significante (la rosa). De este modo, tenemos una relación establecida entre el símbolo y su referente, lo que es propio del uso de una metonimia [18, p. 2].

Tercer caso

Esta vez, en la rúbrica *Opinión*, encontramos otra caricatura que lleva por título “*Telepopulismo en horario estelar*”. En este caso, la imagen deja entrever el mensaje que se quiere transmitir.

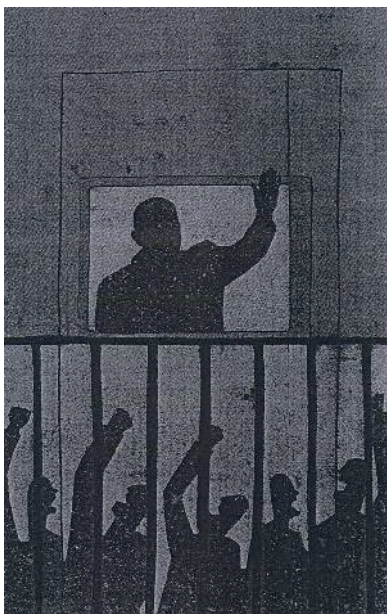
Se destaca la sombra de un hombre dentro del marco de una televisión, levantando la mano para saludar al público. Por debajo de este medio de difusión (la televisión), se nota a personas levantando igualmente la mano y simbolizando su aceptación al personaje. Así, *Ibsen Martínez*, escritor periodista venezolano y autor de esta caricatura y del artículo que acompaña la imagen, se propone realizar una

crítica al populismo en América latina, tras el medio de difusión más utilizado en esa época: la televisión.

Por otra parte, la caricatura muestra, por debajo de la televisión, la multiplicación de personas en estado de euforia que están probablemente cantando o gritando, lo que simbolizaría el apoyo que manifestaría la población a su líder. La repetición de imágenes corresponde de hecho a una epífora, cuya función, en el caso de esta caricatura, es mostrar la simbiosis que existe entre el líder y la población y entre el medio utilizado para comunicar: la televisión y la población [19, Ibid., p. 27].

3.2. Análisis de textos escritos

Desde el punto de vista lingüístico, L. Molero y Galbán A. (2002) precisan que una de las estrategias del discurso de la prensa consiste en escoger con mucho cuidado el verbo más apropiado que tenga una relación con la significación de los lexemas [20, p. 107–123]. En este sentido, se tendrá que tomar en cuenta el régimen verbal y su sintaxis. Esto se observa en titulares como este

(1) “*Se publicarán los nombres sancionados por corrupción* [21, <http://www.elcomercio.com.pe/>]”.

En este caso, el narrador otorga una connotación neutra al *agente* del discurso (a la persona o institución encargada de realizar la acción – *Se publicarán*) y se pone más bien de relieve al complemento de objeto directo (*los nombres sancionados*).

Por otro lado, se identifican tres niveles del discurso a través:

- ▶ del modo y del tiempo verbal,
- ▶ del empleo de las preposiciones,
- ▶ del uso de pronombres o de una categoría nominal y verbal.

De esta forma, se sabe si se trata de un evento que perdura en el tiempo, gracias, en este caso, al uso de preposiciones (ej.: “*El problema existe desde...*”), o si se trata de un acontecimiento que ha sufrido una evolución de su estado original (ej.: “*Ha cesado la guerra de...*”). Por último, se destaca la causa de esta evolución poniendo de relieve al *agente* y *paciente* del discurso (ej.: “*La crisis [agente – causa] nos [paciente – efecto] mantiene sin dinero*”).

Las investigaciones de Teun A. Van Dijk (1983) [22, p. 77–105], así como la nuestra [23, p. 33–44], constatan que el narrador hace una selección de nombres y voces verbales. Se utiliza, ya sea la voz activa, pasiva y/o la nominalización. Asimismo, se efectúan operaciones de juxtaposición, coordinación o subordinación. Todo esto, con el objetivo de dar sentido y coherencia al discurso. Las estrategias discursivas focalizan ideas, resaltan toponimios, realizan reducciones y neutralizan a los *agentes* al escoger la conjugación de verbos impersonales.

Así, el discurso de la prensa destaca elementos como:

- *el agente,*
- *el paciente,*
- *el objetivo,*
- *la localización del hecho o acontecimiento,*
- *las circunstancias anteriores y posteriores.*

En cuanto a las estrategias retóricas, las más utilizadas consisten en hacer inversiones, elipsis. Por ejemplo, se cambian el orden de los acontecimientos o se omiten algunas palabras con el fin de darle un toque más espectacular al discurso. Por ejemplo, en este titular,

(2) “*Cuidados necesarios*” [24, p. <http://www.elcomercio.com.pe/>],

se suprimiría el artículo los para que el sustantivo *Cuidados* sea más preciso y atraiga la atención del lector.

Ahora bien, en nuestro análisis, nos limitaremos a destacar las diferentes expresiones en las cuales se

- substituye un significado/significante por otra palabra (identificación de las metáforas)
- suprime una o varias palabras (elipsis)
- realiza una generalización (metonimia, eufemismo), etc.

Primer texto

El título de este primer texto, “*Condena mundial a Corea del Norte por ensayo nuclear*” [25, <http://www.elcomercio.com.pe/>], está en negritas, con lo que se quiera probablemente, desde el aspecto tipográfico, captivar el interés del lector.

Su estructura discursiva deja entrever, primero, muchas nominalizaciones:

(3) *condena, Norte, ensayo*

En el caso del primer sustantivo (*condena*), deducimos que el narrador habría podido utilizarlo para que lector lo asimilara a la acción intrínseca de *condenar*. Con esta nominalización, la denotación del término sería puesta de relieve. Por otra parte, el adjetivo *mundial* completa la denotación del sustantivo *condena* identificando, de este modo, al *agente* del enunciado (*condena mundial*).

En otros titulares de la prensa:

(4) *Confirmada la tercera víctima de la gripe A en EEUU* [26, elpais.com, 10 de mayo de 2009],

se suprime completamente al *agente* (no se sabe quien confirma el hecho) con el objetivo de dar más impacto a la información.

Volviendo a nuestro primer titular, después de la nominalización *Condena mundial*, se identifica al *paciente* del acontecimiento, *Corea del norte*. Luego, el uso de la proposición, *por ensayo nuclear*, precisa un estado de anterioridad que señala *la causa* del evento. Así, existen cuatro estados actanciales muy bien delimitados: *el evento* (la condenación mundial), *la causa* (ensayo nuclear), *el paciente* (Corea del Norte) y *el agente* (países del mundo contra Corea del Norte). Es decir, se encuentran enlaces en relación con las finalidades o posterioridad del evento.

Ahora bien, en lo que concierne los modos y los tiempos verbales, se destacan tres niveles de los cuales ya se hizo mención más arriba. Efectivamente, el discurso comienza afirmando que:

(5) “*la bomba atómica subterránea probada el lunes fue mucho más potente que la del 2006*” [27, <http://www.elcomercio.com.pe/>].

El verbo se conjuga al indefinido del indicativo (*fue*), seguido por el adjetivo *potente* y por la conjunción *que*. Esta última tiene como función mostrar la evolución del evento entre dos épocas (la actual y la de 2006).

En el seguimiento del discurso, utilizando esta vez un discurso indirecto, lo que es propio del lenguaje de prensa, el autor emplea siempre el indefinido y esto cada vez que menciona las diferentes posiciones tomadas por diversos países con respecto a diferentes acontecimientos ocurridos:

(6) “*Barack Obama dijo que...*”, “*China aseguró que se oponía...*”, “*Otan exortó a Corea del Norte...*” [28, Idem].

Por otra parte, se nota una preferencia del uso de la voz activa, la que es en realidad la voz gramatical más utilizada si la comparamos con la voz pasiva:

- (7) “Corea del Norte realizó ayer un segundo ensayo”,
 “La comunidad internacional considera que el Gobierno Norcoreano”,
 “El vecino y benefactor de Pyongyang, China, aseguró que se oponía firmemente a la prueba” [29, Idem].

En lo que concierne las lexías, considerando el título, las palabras *amenaza* y *condena* se repiten muchas veces en todo el texto: cuatro veces respectivamente para *amenaza* y *condena*. Otras palabras tales como *rechazo*, *violación*, *oponerse* vienen a completar y reforzar la denotación de esos términos.

Según sus denotaciones y el contexto en el cual aparecen esos términos, se observa de forma implícita una gran oposición ideológica con respecto a los hechos y acontecimientos ocurridos. Esto se observa en las estructuras lingüísticas utilizadas cuando se identifica al agente y paciente en las frases:

- (8) “El Gobierno del Perú [agente, somos nosotros los que lo señalamos] también expresó su condena ante el ensayo nuclear, porque ‘constituye una amenaza a la paz y seguridad internacionales y agrava las tensiones en la península coreana y en el Pacífico Noroccidental [paciente, somos nosotros los que lo señalamos]” [30, Idem]

Asimismo, la recurrencia y jerarquía de las denotaciones de los lexemas legitima o discredita muchas veces el acontecimiento. Por ejemplo, este texto identifica a instituciones o países opuestos a los ensayos nucleares y a Corea del Norte como el país que produce esa oposición:

- (9) “[...] la comunidad internacional considera que el Gobierno Norcoreano ha violado la Resolución 1.718 de la ONU.” [31, Idem]

En relación con las estructuras sintácticas y semánticas, existe una ausencia del uso de pronombres personales, aunque se identifican claramente a los agentes:

- (10) “También expresó que sería equivalente a 20 veces más que la prueba realizada por Corea del Norte en el 2006.” [32, Idem]

Igualmente, en el encabezado textual, se observa la supresión de los artículos cuando se dice:

- (11) “Bomba atómica subterránea probada el lunes fue mucho más potente”,
 “Consejo de seguridad de la ONU expresó su rechazo unánime” [33, Idem]

Esto confirma que, en el discurso de prensa, los títulos y los encabezados textuales recurren al uso de las elipsis para que la palabra sea resaltada tipográficamente y, con ella, la idea principal del texto. No cabe duda que esto podría captivar la atención de los lectores. Por último, las primeras frases del discurso presentan una metáfora cuando el autor afirma que

- (12) “Corea del Norte ... desató una condena generalizada....” [34, Idem].

Esto se explica porque, por lo general, el verbo *desatar*, lleva como complemento directo sustantivos concretos, tales como *cinturones*, *cuerda*. En el caso este enunciado, se trata de una idea abstracta (*una condena generalizada*), que habría de ser interpretada en su sentido figurado.

Segundo texto

Este texto trata sobre los acontecimientos deportivos. Por lo general, en este tipo de textos, el discurso del narrador muestra sin ambigüidades su posición frente a un equipo, a un personaje o una institución. El narrador explica los hechos realzando al héroe. Para ello, cuida que su sintaxis muestre un espectáculo social y, de este modo, pueda llamar la atención del lector.

A través del discurso, se observa que el narrador se implica completamente en los acontecimientos, mostrando su subjetividad de análisis. El uso de extranjerismos, pronombres posesivos, personales,

adjetivos, giros verbales, jergas, entre otras categorías gramaticales, rompen las normas académicas y así nos encontramos frente a un discurso unilateral donde se conjugan apreciaciones, denuncias, elogios sobre hechos o acontecimientos. Veamos un ejemplo concreto con el siguiente texto.

El artículo de Daniel Peredo del 10 de mayo de 2009, escrito en el periódico *El comercio* y que lleva como título “*Le falta conquistar Perú*”, menciona a *Claudio Pizarro*, un futbolista peruano muy reconocido por sus destrezas deportivas en el extranjero en la primera década del año 2000. En el segundo párrafo tenemos este enunciado:

(13) “*Ha repartido goles como caramelos*” [35, <http://www.elcomercio.com.pe/>].

En esta frase existe una sustitución de los verbos *meter/hacer* (estos se emplean normalmente para nombrar el acto de hacer *goles*) por el verbo *repartir*. Para nosotros, el narrador optó por este último verbo siguiendo la norma de uso que es utilizar el verbo *repartir* cuando se trata de *dar o distribuir caramelos*. Así, la representación mental que resultaría, de esta sustitución y comparación a la vez, sería la de imaginarse la dulzura, el placer y la alegría que pudiera tener el héroe en su acción de *meter goles*.

En cuanto al título *Le falta conquistar Perú*, el verbo *conquistar* establece una sustitución evidente entre el nombre del futbolista *Pizarro* y el conquistador español, *Francisco Pizarro*. Sin ambigüedad alguna, la población peruana podría interpretar fácilmente este enunciado por la historia de ese conquistador en ese país (Perú).

En el tercer y cuarto párrafos se encuentran estas frases:

(14) “*A la madurez de los 30 años la está rompiendo*”,
“*En el Bremen se siente importante pero no le tiran toda la presión, aunque cuando el equipo lo necesita en momentos decisivos no ha tenido problemas en tirársela encima*” [36, Idem].

Estos enunciados encierran *jergas* que sólo pueden ser comprendidas por las personas que han vivido o conocen el contexto social en el cual se crearon esas *jergas*. Así, en el caso de: *estar rompiendo*, se da a entender que el personaje en cuestión se encuentra *en sus mejores momentos profesionales*, y los enunciados *no tirar toda la presión y tirársela encima*, indican respectivamente *no darle mucho trabajo* a alguien (al futbolista Pizarro) y *hacerle llamar* (también al futbolista Pizarro).

Así, este discurso contiene metáforas, comparaciones, jergas, toda una amalgama de figuras retóricas que dificultan muchas veces su comprensión cuando el lector desconoce tanto el contexto del acontecimiento como la significación de las figuras retóricas utilizadas.

Tercer texto

La victoria de Barcelona en copa de Europa en Manchester en 2009 ocupó uno de los primeros lugares en los titulares. Así, el periódico El País publicó un artículo titulado *En la cima del mundo* [37, <http://www.elpais.com/articulo/deportes/cima/mundo/elppor/20090527elpepudep_11/Tes>].

En el primer párrafo, se encuentran adjetivos y comparaciones que sirven para realzar la imagen del héroe del acontecimiento:

(15) “*Valiente y hermoso como el mejor de los príncipes del fútbol, el Barcelona alcanzó anoche la cima del mundo en el Olímpico de Roma*” [38, Idem].

Además, en este primer párrafo, se empieza la frase con la conjugación de un verbo en lugar de emplear el sujeto, lo que es habitual de un discurso directo.

(16) “*Tuvo el equipo azulgrana el punto de fiebre y de fútbol necesarios para conquistar la Copa de Europa (...)*” [39, Idem].

Esa opción otorga una cierta sonoridad a la lectura y constituye una estrategia discursiva cuyo objetivo sería destacar más el proceso que al sujeto que ejecuta la acción.

Más tarde, frente a un circunloquio del narrador, se observa sus marcas de agua frente al acontecimiento:

(17) “*Ni siquiera el Manchester pudo convencerle de que no tenía nada que decir en la final de Roma, el mejor de los escenarios posibles después de triunfar en Londres y París. Ni por viejo ni por diablo hay campeón que repita en la Champions, y menos ante el precioso Barcelona de Pep Guardiola*” [40, Idem].

Con estas frases se comprende que el periodista estaba convencido, incluso antes de que el partido se jugara, de que el equipo de Barcelona iba a ganar la copa (*Ni siquiera el Manchester pudo convencerle...*, “*Ni por viejo ni por diablo hay campeón que repita en la Champions*”).

Por último, el adjetivo precioso que califica de manera muy positiva al equipo de Barcelona, y con éste a su entrenador, muestra toda la subjetividad del narrador en su análisis sobre el resultado de ese encuentro deportivo.

4. Conclusión

Después de haber realizado el estudio de ciertos textos de prensa, observamos que tanto las imágenes como los textos escritos contienen muchas figuras retóricas. En ambos casos encontramos hipérboles, metáforas, metonimias, etc. En el caso de los textos escritos, los títulos se nominalizan con mucha recurrencia y se identifican tres estados de percepción de los hechos o acontecimientos:

- su estado,
- su evolución,
- su causa.

Probablemente, el primer y tercer de los estados se utilicen para captivar la atención del lector.

Al identificar al agente, paciente y a la acción en el discurso, se observa hasta qué punto estos legitiman o descreditan los hechos o acontecimientos.

Los textos deportivos se singularizan por el hecho de transgredir muy frecuentemente las normas discursivas, haciendo y utilizando elipsis, metáforas, jergas, todo un conjunto de figuras retóricas que nos revelan el pensamiento del narrador.

Referencias bibliográficas :

- 1.Kais Marzouk El-Ouariachi, “Acontecimiento”, in : www.ucm.es/info/eurotheo/diccionario/A/acontecimiento.pdf, 3p.
- 2.Ibid., p. 2.
- 3.Bernard Pottier (1992). *Théorie et analyse en linguistique*. Paris : Hachette, 240 p.
- 4.Ibid., p.13–15.
- 5.Norma Díaz, Ralph Ludwig, Stefan Pfänder (2002). “Procesos lingüísticos en situaciones de contacto. Parámetros y perspectivas”, in: *La Romania americana. Procesos lingüísticos en situaciones de contacto*. Madrid/ Frankfurt am Main: Iberoamericana/ Vervuert, 446 p.
- 6.Xavier Dordor (1993). *La presse Pro. Mieux la connaître pour mieux l'utiliser*. Paris : Dunod, 281p.
- 7.Jean Agnès, Josiane Savino (1999). *Apprendre avec la presse*. Paris : Retz, 142 p.
- 8.Yves Agnès, Jean-Michel Croissandeau (1979). *Lire le journal. Pour comprendre et expliquer les mécanismes de la presse écrite avec 110 fiches pratiques*. France, Saint-Julien-du-Sault : F.R. LOBIES, 264 p.
- 9.Daniel Cornu (2008). *Médias mode d'emploi. Le journaliste face à son public*. Genève : Labor, 201 p.
- 10.Teun Van Dick (2001). “Critical Discours Analysis”, in: *Handbook of discourse Analysis*: Oxford: Blackwell, D. Tannen, D. Schiffrin & H. Hamilton (Eds), p. 352–371.
- 11.Ruth Amossy (2006). *L'argumentation dans le discours*. Paris : Armand Colin, 275 p.
- 12.Jean-Michel Adam, Marc Bonhomme (1997). *L'argumentation publicitaire. Rhétorique de l'éloge et de la persuasion*. Paris : Nathan, 238 p.
- 13.Idem.
- 14.Yves Agnès, Jean-Michel Croissandeau (1979), *Lire le journal. Pour comprendre et expliquer les mecanismes de la presse écrite avec 110 fiches pratiques*. France, Saint-Julien-du-Sault : F. R. Lobies, 264 p.
- 15.Ver la versión completa en : *El País*, viernes 25 de julio de 2008, Año XXXIII, n° 11.364, p. 2.

16. Ibid., p. 2.
17. Ibid., rúbrica “Sociedad”, p. 2.
18. Idem.
19. Ibid., rúbrica “Opinión”, p. 27.
20. Molero, L, Galbán, A. (2002). “Estrategias discursivas de la oposición en el discurso político electoral venezolano”, in: El discurso político en las ciencias humanas y sociales, Venezuela, Caracas: Fonacit, p. 107–123.
21. <<http://www.elcomercio.com.pe/>>, 10 de mayo de 2009.
22. Teun A. Van Dijk (1983). “Estructuras textuales de las noticias de prensa”, traduction: Núria Roig, in: Anàlisi Quaderns de comunicació i cultura, 7/8, Març, p. 77–105.
23. Aura Luz Duffé Montalván (2004). “Reflexiones psicolingüísticas y didácticas sobre el estudio de metáforas y modismos”, in: Didáctica (Lengua y Literatura), Madrid: Servicio de publicaciones de la Universidad Complutense de Madrid, 2004, vol. 16, p. 33–44.
24. <<http://www.elcomercio.com.pe/>>, 10 de mayo de 2009.
25. Ver la versión completa en: <<http://www.elcomercio.com.pe/>>, 26 de mayo 2009.
26. <elpais.com>, 10 de mayo de 2009>.
27. <<http://www.elcomercio.com.pe/>>, 26 de mayo 2009.
- 28–34. Idem.
35. <<http://www.elcomercio.com.pe/>>, 10 de mayo 2009.
36. Idem.
37. Ver la versión completa en: <http://www.elpais.com/articulo/deportes/cima/mundo/elppor/20090527elpepudep_11/Tes> 38–40. Idem.

Kotenyátkina Irina

Acerca de la educación primaria bilingüe en Guatemala

Irina Borísovna Kotenyátkina,
PhD, Profesora titular,
Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos
koteniatkina@gmail.com

Resumen. En la sociedad del conocimiento la educación es la fuente principal del desarrollo económico. Guatemala es un país multilingüe y multicultural donde la educación bilingüe es de mucha importancia ya que además del español están en uso idiomas indígenas. Es necesaria una reforma educativa para realizar la educación bilingüe con eficacia que ayude a los pueblos indígenas a lograr el pleno desarrollo de su potencial, participar en la vida social y política, mantener su cultura y alcanzar una verdadera convivencia intercultural.

Palabras clave: educación primaria, educación bilingüe intercultural, Guatemala, pueblos indígenas, equidad de género

К вопросу о двуязычном начальном образовании в Гватемале

Аннотация. В обществе знания образование – основной источник экономического роста. Гватемала – многоязычная, многокультурная страна, где, помимо испанского, используются индейские языки, поэтому билингвальное обучение имеет большое значение. В этой связи возникла необходимость в образовательной реформе с целью реализации качественного билингвального обучения, которое помогло бы индейскому населению раскрыть в полной мере свой потенциал, участвовать в общественной и политической жизни, сохранить свою культуру и достичь гармоничного межкультурного сосуществования.

Ключевые слова: начальное образование, межкультурное двуязычное обучение, Гватемала, индейские народы, гендерное равенство.

About bilingual primary education in Guatemala

Abstract. In a knowledge-based society, education is seen as the main source of economic growth. Guatemala is a multilingual country where bilingual education plays an important role because indigenous languages as well as Spanish are in use. In this regard, an educational reform is required to promote bilingual education in order to help indigenous peoples reveal their potential, participate in social and political life, maintain their culture and achieve intercultural coexistence.

Keywords: primary education, intercultural bilingual education, Guatemala, indigenous peoples, gender equality.

La globalización ha generado cambios económicos, políticos, culturales y educativos del mundo moderno. Vivimos en la época de la transición de la sociedad industrial a un nuevo orden público, que ha recibido varios nombres, como “sociedad postindustrial”, “siglo de la información”, “nueva economía”. El término más usado es “sociedad del conocimiento”. En la sociedad del conocimiento la educación es la fuente principal del desarrollo económico del país. En países multilingües tiene mucha importancia la educación bilingüe debido a que el bilingüismo favorece la economía del país, contribuye a la integración en el espacio sociocultural y educativo internacional.

Guatemala es un país multiétnico, pluricultural y multilingüe con una población de 15.460.732 personas. El 60,1 % de la población son mestizos y europeos, el 39,3% son indígenas maya, el 0,15 % son xinca y garífuna, otros pueblos constituyen el 0,5 % [1].

Según el Ministerio de Educación, el español es hablado por un 70,5 % de la población en general; y un 69 % de la población entre 4 y 12 años, es decir, un 31 % de los niños habla un idioma materno indígena. Al mismo tiempo solo el 34,2 % de los niños indígenas desarrolla su aprendizaje en un idioma indígena [2, p.13–14].

Cabe notar que la educación bilingüe intercultural tiene mucha importancia en este país, ya que están en uso 21 lenguas mayas, xinca y garífuna además del español. La equidad de los idiomas indígenas con el español a nivel legislativo ayudaría a eliminar racismo, discriminación y segregación. Los pueblos indígenas apoyados por el Estado no se sentirían excluidos de la vida política, económica y social del país, crecería su autoestima.

Nuestra investigación se realiza con el enfoque de la comunicación intercultural centrada en las peculiaridades de la cultura, modo de vivir de un pueblo que se revelan en su idioma.

La principal fuente de los datos estadísticos e información sobre los cambios del sistema educativo, sus causas y obstáculos de la promoción de la educación bilingüe intercultural son informes de varias instituciones nacionales guatemaltecas e internacionales, como el Ministerio de Educación de Guatemala, ONU, PNUD, UNICEF, CIA, World Economic Forum. También analizamos artículos publicados en algunos periódicos nacionales (“Prensa Libre”, “El Periódico”) durante los últimos 15 años para revelar rasgos peculiares de la educación primaria bilingüe y descubrir tendencias en esta área.

Antes de abordar el tema del sistema educativo bilingüe de Guatemala, es necesario examinar el contexto político, económico, social y cultural.

La Constitución de Guatemala garantiza derechos iguales a todos los guatemaltecos y el acceso a la educación a todos los niños. Se subraya la multiculturalidad y el multilingüismo del país pero al mismo tiempo solo el español es lengua oficial mientras que las lenguas y cultura mayas se consideran un legado cultural lo que provoca muchos problemas en el espacio político, sociocultural y educativo.

En el Acuerdo de Identidad y Derechos de los Pueblos Indígenas [3] se resalta la importancia de poner fin a la discriminación y marginación social a las que pueblos indígenas han sido sometidos a lo largo de 500 años. La educación debe convertirse en la herramienta principal para la promoción de la cultura. La educación bilingüe intercultural (EBI) debe ayudar a luchar contra el racismo y la xenofobia, establecer vínculos entre las tradiciones y la modernidad que no deberían ser una imposición sino un diálogo intercultural.

La mayor parte de la población guatemalteca vive en condiciones de pobreza cuya tasa ha incrementado: en 2006 el 51 % vivió en pobreza, el 15,2 % en extrema pobreza [4, p.11], en 2014 el 59,29 % vivió en pobreza, el 23,4 % en extrema pobreza. Más del 80 % de la población indígena vive en condiciones de la pobreza multidimensional. La situación es peor en la zona rural donde vive el 47,5 % de la población. Este hecho afecta mucho a las mujeres que constituyen el 51 % de la población y más de la mitad de ellas viven en zonas rurales donde las tasas de alfabetización y asistencia escolar son más bajas lo que demuestra que las guatemaltecas tienen limitadas oportunidades para mejorar sus condiciones de la vida.

Debido a la influencia de la educación en el desarrollo económico del país, un nivel educativo más alto podría disminuir la pobreza extrema.

En 2017 la tasa de alfabetización fue el 81,5 % frente al 74,81 % en 2005 lo que nos indica que ha tenido lugar un cambio positivo. Cabe notar que el 56,2 % de la población es menor de 19 años de edad [4, p.10].

Se considera que la educación bilingüe intercultural (EBI) puede reducir la posibilidad de involucrarse niños y adolescentes en actividades ilegales y mejorar la seguridad en Guatemala [5, p.17], asegurar la equidad social y reducir la brecha urbano-rural, étnica y de género.

La desigualdad de género es un problema grave en Guatemala cuya puntuación es 110 (de 144 países) según el informe de la brecha global de género de World Economic Forum [6]. En la sociedad guatemalteca se considera natural la posición desequilibrada de las mujeres. A causa de la estratificación económica no todas las mujeres tienen acceso a los recursos y servicios lo que se convierte en un obstáculo más, sobre todo para las mujeres rurales. La desigualdad impide el desarrollo social y personal de las mujeres y de esta manera impide el desarrollo del país.

Al firmar acuerdos de paz y la Convención sobre la eliminación de todas las formas de discriminación contra la mujer, el Gobierno de Guatemala se comprometió a garantizar a los niños de edad escolar el acceso a la educación primaria, ampliar la cobertura de alfabetización a las áreas lejanas, integrar principios, valores y prácticas en el sistema educativo que reconocieran, valoraran y promovieran la participación activa equitativa de niñas y mujeres, promover la interculturalidad y reconocimiento del aporte femenino

a la literatura, ciencias, artes, deporte en la actualidad y a lo largo de la historia del Estado [7, p. 5].

Los esfuerzos de las mujeres guatemaltecas para cambiar la situación con la equidad de género en el país han producido ciertos efectos. Fueron elaborados la Política Nacional de Promoción y Desarrollo de las Mujeres Guatemaltecas y Plan de Equidad de Oportunidades 2001–2006, más tarde la Política Nacional de Promoción y Desarrollo Integral de las Mujeres y Plan de Equidad de Oportunidades 2008–2023 con las metas siguientes:

1. Garantizar la integración y aplicación del principio de equidad entre mujeres y hombres mayas, garífunas, xincas y mestizos, en los fundamentos de la filosofía, principios, valores y prácticas de la Educación.
2. Garantizar el ingreso, permanencia y cobertura educativa de las niñas, adolescentes, jóvenes y mujeres mayas, garífunas, xincas y mestizas en todos los niveles del sistema de educación nacional priorizando a mujeres sobrevivientes del conflicto armado interno.
3. Garantizar la eliminación del analfabetismo de las niñas, adolescentes, jóvenes y mujeres mayas, garífunas, xincas y mestizas.
4. Garantizar el acceso de las mujeres mayas, garífunas, xincas y mestizas a programas de formación, profesional, científica y tecnológica.
5. Asegurar la participación equitativa de mujeres en los distintos niveles de la dirección y administración del sistema educativo comunitario, municipal, departamental y nacional.
6. Garantizar la integración y aplicación del principio de equidad entre mujeres de diversas identidades étnicas culturales y económicas, en el sistema educativo.
7. Garantizar la educación sexual en todos los niveles del sistema educativo con pertinencia cultural, científica y humanística” [8, p. 32].

La desigualdad de género impide el acceso a la educación mientras que la igualdad de género impulsa la economía del país y la economía global internacional. Zeid Ra'ad Al Hussein, Alto Comisionado de la ONU, indica que un tercio de los países en desarrollo no ha logrado la equidad de género en la educación primaria [9].

Según datos del Ministerio de Educación de Guatemala, la idea de la educación bilingüe en Guatemala surgió en los años 60 como un enfoque alternativo de aprendizaje para los niños indígenas mayahablantes. Para que la integración de la población indígena en la sociedad guatemalteca fuera más rápida y eficiente, el Gobierno empezó a promover el programa de la castellanización que era atendido por “promotores educativos bilingües” que no eran docentes, sino personas con cierto grado de educación (mínimo 6º grado de primaria). Por las mañanas se les enseñaba a los niños y por las noches se les alfabetizaba a los adultos.

En los años 80, el programa de la castellanización se convierte en el Programa Nacional de Educación Bilingüe Bicultural (PRONEBI), con atención a los niños de las áreas lingüísticas K'iche', Kaqchikel, Q'eqchi' y Mam. Las metas establecidas para el período entre 1985 y 1990 eran tener 400 escuelas completas (de preprimaria a cuarto grado de primaria) y 400 escuelas incompletas (escuelas que tuvieran solo preprimaria), con atención de docentes bilingües, mobiliario escolar y materiales educativos — especialmente libros de textos — elaborados en los idiomas mayas respectivos. A partir de 1995, PRONEBI adquiere la categoría de Dirección General de Educación Bilingüe Intercultural (DIGEBI) que se dedica no solo a la educación bilingüe de los niños mayas sino a la educación bilingüe intercultural de los niños mayas, xincas, garífunas y mestizos.

La EBI debe proporcionar las herramientas necesarias para que los pueblos maya, xinca, garífuna y mestizo tengan mayores oportunidades para el desarrollo de su potencial en la vida política, social y cultural en el marco de la convivencia intercultural [10].

En 2005 una de las metas declaradas por el Ministerio de Educación de Guatemala era convertir el español en segunda lengua en escuelas bilingües, los niños indígenas deberían estudiar en su lengua materna durante tres años de la primaria porque muchos de ellos no dominaban el español sobre todo en áreas rurales lejanas.

Las metas para el desarrollo de las políticas de la educación bilingüe intercultural se definen en diferentes convenios internacionales y nacionales guatemaltecos. Citamos algunas: ampliar la cobertura escolar en las comunidades mayas, que tienen mayor número de hablantes, k'iche', kaqchikel, mam y q'eqchi' de preprimaria a 6º grado de primaria; elaborar libros de texto de comunicación y lenguaje de los 4 idiomas mayoritarios de los grados 4º, 5º y 6º; revisar e implementar los libros de textos de matemática para los cuatro idiomas mayoritarios; capacitar a todos los docentes bilingües para el uso adecuado de los textos; ampliar la cobertura escolar de preprimaria a tercer grado en las comunidades xinca, garífuna, q'anjob'al, ixil, tz'utujil, poqomchi', achi', akateko, awakatejo, chuj, popti', mopan; capacitar docentes

con nombramiento monolingüe (siendo bilingües) para el desarrollo de la interculturalidad en las escuelas no bilingües ubicadas en población escolar indígena; elaborar y distribuir textos bilingües con enfoques de interculturalidad para las escuelas no bilingües ubicadas en población escolar indígena.

Para el período 2008–2021 el Gobierno estableció siguientes objetivos basados en propuestas nacionales e internacionales: universalizar la educación, mejorar su calidad en todos los niveles, construir la ciudadanía, contribuir al reconocimiento de una nación multiétnica, multicultural y multilingüe, promover la equidad de género en la enseñanza [5, p. 29–30].

El plan “Estrategia 2016–2019 para la Atención de Infraestructura Escolar en los niveles Preprimario, Primario y Medio” supone invertir en la infraestructura en todo el país en todos los niveles de educación (reconstrucción de escuelas, equipamiento de mobiliario y equipo, instalación de aulas modulares para primaria y preprimaria etc.) utilizando fondos nacionales, préstamos y donaciones [11].

En Guatemala la educación escolar comprende varios niveles: Preprimario (4–6 años), Primario (7–12 años), Secundario (Básico 13–15 años, Diversificado 16–18 años). La educación en las escuelas públicas es gratuita.

En 2016 se inscribieron en las escuelas primarias del sector público el 57,62 % de los niños mestizos y el 42,38 % de los niños indígenas, en el sector privado el 89,49 % de los niños mestizos y el 10,51 % de los niños indígenas [12]. El perfil de una escuela depende del tipo y nivel de bilingüismo y perfil sociocultural de las comunidades. Podemos destacar comunidades monolingües en su idioma materno (maya, garífuna, xinca y ladina) que constituyen la mayoría, comunidades con bilingüismo idiomático aditivo (un idioma indígena y el español), comunidades indígenas con tendencia al monolingüismo español, comunidades pluriétnicas y multilingües [13, p. 60].

Cabe indicar que una de las mayores dificultades que enfrentan los pueblos indígenas es el acceso a una educación de calidad en su propio idioma, con pertinencia lingüística y cultural.

Niños y sobre todo niñas indígenas enfrentan muchos problemas para acceder a la escuela y permanecer en ella por “factores socioeconómicos, falta de servicios públicos y seguridad social, así como el lugar de residencia, algunos patrones culturales, el sistema patriarcal y el machismo” [14, p. 30].

La discriminación racial en Guatemala es una realidad cotidiana causada por estereotipos e intolerancia y afecta a las niñas y mujeres indígenas que representan el sector más vulnerable de la sociedad. Se considera que “una niña indígena nacida en alguna zona rural del país, con desnutrición y sin oportunidad de acudir a la escuela es el mejor ejemplo para graficar la desigualdad y exclusión en este país” [15].

Las niñas indígenas viven en un sistema patriarcal en que la mujer ocupa el segundo lugar y desde el seno familiar comienzan a tener limitaciones para su desarrollo integral. En familias indígenas se cree que labores domésticos le corresponden a la mujer, y el hombre es educado para otras tareas. Desde la infancia a las niñas se les inculca la obediencia y la sumisión, se considera que en vez de asistir a la escuela deben estar en casa para ayudar con las tareas domésticas. Sus responsabilidades dependen de tales factores como las condiciones económicas de su familia y su posición entre sus hermanos. La hija mayor tiene más responsabilidades que la menor. “Es por ello que la niña indígena primogénita es quien muchas veces no asiste a la escuela o si lo hace, apenas alcanza el segundo o el tercer grado de educación primaria” [14, p. 22]. Según UNICEF, de cada 10 niñas solo 6 terminan la primaria, 2 la secundaria.

Las condiciones de pobreza en que vive la mayor parte de la población de Guatemala obliga a trabajar a muchos niños y niñas para ayudar a sus familias. Este trabajo les impide estudiar y perjudica su salud. Cabe notar que a causa de las condiciones económicas en muchas familias indígenas faltan recursos para comprar cuadernos, lápices y otros útiles escolares, adquirir una refacción escolar lo que se convierte en otro obstáculo de la educación de los niños.

A pesar de algunos avances en materia educativa, como un incremento de la inscripción de las niñas al primer grado de primaria, una reducción de la brecha de género en primaria (del 8 % al 4 %), cierta expansión de la educación primaria, “las tasas de deserción y de repitencia escolar hacen que el país se encuentre lejos de alcanzar la tercera meta de los Objetivos del Milenio: “velar porque todos los niños y niñas puedan terminar un ciclo completo de enseñanza primaria” [14, p. 31].

Según UNICEF, entre los problemas que afrontan los niños guatemaltecos, sobre todo las niñas indígenas, para ingresar a la escuela y permanecer en ella hasta culminar sus estudios, están la inasistencia y repitencia relacionadas con la adaptación de los niños indígenas a una escuela en donde se habla un idioma diferente al suyo. Los niños mayahablantes, xincas y garífunas enfrentan una realidad traumática en la escuela, cuando sus maestros no hablan su idioma indígena o cuando lo hablan pero imparten sus clases en español. Estos niños tienen una doble dificultad: deben aprender a leer y escribir, pero además deben hacerlo en un idioma que no es el suyo. Otro problema es la calidad educativa y la pertinencia cultural porque durante muchos años los programas educativos y el currículo fueron elaborados por personal

docente no indígena, sin tomar en cuenta los conocimientos y aportes de la cultura maya, garífuna y xinca.

La Agencia de Estados Unidos para el Desarrollo Internacional (USAID) subraya que en Guatemala “dos tercios de los alumnos mayas de primer grado tienen a maestros que no comprenden ni hablan la lengua materna de los niños, mientras que sólo 19 por ciento de los alumnos de escuelas primaria tienen acceso a una educación bilingüe intercultural” [14, p. 36, 41].

Por otra parte, algunos padres prefieren que en la escuela se enseñe solo el español y el inglés creyendo que la enseñanza del idioma maya no les deja “salir del atraso”. En un informe sobre la promoción de la EBI se indica que lamentablemente “No se concibe el idioma maya como el canal mediante el cual se pueden generar conocimientos científicos, tecnológicos y culturales a partir de la cosmovisión de cada pueblo sea este maya, garífuna o xinca”... En las escuelas la interculturalidad se reduce a realizar presentaciones de bailes y/o a dramatizar algunas representaciones solemnes de los pueblos maya, garífuna y xinca. Sin embargo, estas actividades nunca trascienden a la reflexión, el análisis y el debate de ideas acerca su importancia y cómo la cultura ladina puede aplicar en su cotidianidad dichas prácticas. Desde esta perspectiva entonces la interculturalidad se reduce a actividades folclóricas” [16, p. 8–9].

Lo más importante de la EBI, es que se base en la premisa de que los niños aprenden mejor en su propia cultura, lo cual incluye como punto clave, el idioma. La enseñanza que valora y respeta su cultura desde el inicio, puede incrementar su permanencia estudiantil y reducir la deserción escolar.

Se ha comprobado que para las niñas indígenas la adquisición de las habilidades básicas (comprensión, habla, lectura y escritura) es más rápida y eficaz cuando se inicia con el idioma materno para después hacerlo en un segundo idioma. “Esto también contribuye a la adquisición de desarrollo cognitivo, a la autoestima positiva y una mayor identidad cultural/lingüística” [14, p. 45].

A modo de conclusión podemos señalar que el modelo de la EBI propuesto por el Gobierno no es efectivo y se trata más bien de la educación monolingüe. Los alumnos de la primaria no utilizan su lengua materna para recibir conocimientos, tampoco logran aprender el idioma oficial con el mismo objetivo.

Debido a la falta de recursos y maestros bilingües no se ha realizado la enseñanza bilingüe efectiva para los niños que hablan idiomas mayas, xinca, garífuna. Aunque existen algunos avances en la elaboración de materiales didácticos para el primero, el segundo y el tercer grado de primaria en margen de la EBI, es necesario seguir promoviendo este programa también para otros grados, ampliar la cobertura escolar, invertir más en la infraestructura y la capacitación de docentes, proveer becas y créditos educativos, construir más escuelas en el área rural.

Los niños deben tener más oportunidades para estudiar su lengua materna y la cultura de sus pueblos para lo que es indispensable una didáctica que considere sus necesidades lingüísticas y culturales. También se requiere más interés y participación por parte de los padres en la educación bilingüe intercultural.

La educación es una parte de la cultura y una herramienta de su socialización. La educación basada en la comunicación intercultural favorece la formación del individuo y su desarrollo integral, ayuda a los bilingües a integrarse en la sociedad multicultural sin perder su identidad.

Referencias bibliográficas

1. Central Intelligence Agency. The World Factbook, 2017. Disponible en: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gt.html>.
2. Peñate, M. Cobertura educativa y EBI. Vice EBI y DIGEBI 2016–2020. Disponible en: <http://www.prodessa.net/sites/default/files/5%20Cobertura%20EBI%20MINEDUC.pdf>
3. Azmitia, O. Aula Intercultural, La Educación Bilingüe Intercultural en Guatemala. Disponible en: <http://aulaintercultural.org/2005/12/30/la-educacion-bilingue-intercultural-en-guatemala/>.
4. UNICEF. Más inversión. Hemos avanzado, pero la niñez y adolescencia necesitan más inversión social. Guatemala: 2017. Disponible en: https://www.unicef.org/guatemala/spanish/01_documento_mas_inversion.pdf
5. ICEFI, USAID-AED. Más y mejor educación en Guatemala (2008–2021) ¿Cuánto nos cuesta? Disponible en: <http://icefi.org/publicaciones/mas-y-mejor-educacion-en-guatemala-2008-2021-cuanto-nos-cuesta>
6. World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2017. Disponible en: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017>
7. Barrios Hernández, M. Implementación del programa Educación para la vida en la Asociación Nacional de Desarrollo Integral Fuerza Humanitaria – ANDIFUH. Guatemala, 2009. – 64 p.
8. Gobierno de la República de Guatemala, Secretaría Presidencial de la Mujer, Política Nacional de Promoción y Desarrollo Integral de las Mujeres – PNPDIM – y Plan de Equidad de Oportunidades – PEO – 2008–2023. Guatemala: Dirección de comunicación social y R.R.P.P., 2009. – 200 p.

9. Un tercio de los países todavía no ha logrado la paridad en la educación primaria. Disponible en: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/es/2015/06/un-tercio-de-los-paises-todavia-no-ha-logrado-la-paridad-en-la-educacion-primaria/>
10. Antecedentes de la Educación Bilingüe en Guatemala. Disponible en: <http://www.mineduc.gob.gt/DIGEBI/>
11. Gobierno de la República de Guatemala, Ministerio de Educación. Estrategia 2016-2019 para la Atención de Infraestructura Escolar en los Niveles Preprimario, Primario y Medio. Disponible en: http://www.mineduc.gob.gt/portal/documents/estrategias/ESTRATEGIA_INFRAESTRUCTURA_ESCOLAR.pdf.
12. Estadísticas educativas. Disponible en: http://estadistica.mineduc.gob.gt/anuario/2016/data/index_cifra.html
13. Ministerio de Educación de Guatemala. Modelo educativo bilingüe e intercultural. Guatemala, 2009. — 148 p.
14. UNICEF. Mírame. Situación de la niña indígena en Guatemala. Guatemala: Magna Terra, 2007. — 99 p.
15. Montepeque, F. Exclusión y desigualdad estancan el desarrollo de Guatemala. Disponible en: <https://elperiodico.com.gt/nacion/2017/03/22/nota-1-28/>
16. PRODESSA. Congreso Nacional de Educación Bilingüe Intercultural “Juntando caminos”, 26 y 27 de octubre 2016. Disponible en: <http://www.prodessa.net/sites/default/files/5%20Cobertura%20EBI%20ICEFI.pdf>

Protsenko Igor

FUNCIONES ESTILÍSTICO-CONNOTATIVAS DE LOS PARAGUAYISMOS EN LA NOVELA DE JUAN MANUEL MARCOS "EL INVIERNO DE GUNTER"

Dr. **Igor Protsenko** (PhD)
Facultad de Estudios de Postgrado
de la Universidad del Norte
Asunción, Paraguay.
protsent2002@mail.ru

Resumen. En el artículo se plantean los temas de la situación lingüística en el Paraguay, se concreta la denominación "Paraguayismo". El autor ofrece la clasificación de los paraguayismos, resalta que son paraguayismos fonéticos, gramaticales, léxicos y los modismos paraguayos. Demuestra las funciones de dicho léxico en la novela "El invierno de Gunter", que es un ejemplo más destacado de la corriente literaria actual en América Latina - post-boom. En la base de los ejemplos obtenidos en la novela se explican las funciones de los paraguayismos que utilizaban los escritores paraguayos durante los años 80 del siglo pasado: función denotativa, connotativa, estilística, etc. El análisis del léxico de la lengua del Paraguay puede ser útil para los maestros, profesores, estudiantes y alumnos durante las clases de Civilización, Lexicología, la Teoría y Práctica de la Traducción (sin saber las peculiaridades de la vida cotidiana y el lenguaje del Paraguay no se puede traducir correctamente las obras de los maestros de literatura de este país).

Palabras clave: paraguayismo, función denotativa, función connotativa, estilística, fonética, gramática, léxico, modismo, "El invierno de Gunter".

Stylistic-Connotative Functions of Paraguayism in Juan Manuel Marcos' novel «The Winter of Gunther»

Summary. The article is about the peculiarities of the linguistic units, typical for Paraguay, together with its forms of speech and its use in literature. A description and general classification of the paraguayisms from several points of view is made: formal classification (phonetic *paraguayisms*; grammatical (morphosyntactic); lexical (including idioms and turns of speech); as well as its semantic classification. The sociolinguistic aspect in the use of *paraguayisms* in the daily life of the Paraguayans and in the literature of the country is underlined. The maximum attention in the article is paid to the lexical units.

It is mentioned that the peculiarities of the language of Paraguay can be explained by considering the fact that Paraguay is a bilingual country where both Spanish and Guaraní are spoken alike. In this regard, Paraguay is the only country in the world where the aboriginal language is officially enacted as the national language in accordance with the Paraguayan Constitution.

Another aim of this article is to pay attention to the functions of *paraguayisms*, that emerge in the novel entitled *Gunter's winter* by Juan Manuel Marcos. This novel is a striking example of the new *Postboom* Latin American literary movement, and has been considered by notorious specialists as the main Paraguayan novel of the

last four decades, as well as one of the ten most important books in the history of Paraguay, and it has been translated into more than 40 languages.

Keywords: *paraguayisms*; phonetic, grammatical, lexical *paraguayisms*; connotations; Guaraní functions of *paraguayisms*; Jopará; *Gunter's winter*.

Стилистическо-коннотативные функции парагвайизмов в романе Хуана Мануэля Маркоса «Зима Гюнтера»

Аннотация. В статье речь идёт об общей лингвистической ситуации в Парагвае. Дается определение термина “парагвайизм”. Автор предлагает формальную классификацию парагвайизмов: фонетические, грамматические, лексические, включающие в себя парагвайские модизмы. Указано, что Парагвай – страна билингвизма и это приводит к тому, что языком реального общения является джопара, испанизированный гуарани, на котором общаются все жители и который в метафорическом смысле называют третьим языком страны. Показаны функции парагвайизмов в романе “Зима Гюнтера”, одном из самых ярких примеров нового направления литературы современной Латинской Америки – пост-бум. Роман назван одним из самых важных культурных ценностей Парагвая за последние 40 лет и рекомендован к изучению в учебных заведениях разных уровней. На примерах романа показано, что парагвайизмы используются для выполнения нейтральных, номинативных, и коннотативных функций и могут иметь определённую стилистическую окраску в зависимости от ситуации и контекста. Подчёркивается, что использование этого пласта лексики присуще всем писателям восьмидесятых годов прошлого столетия.

Ключевые слова: парагвайизмы, деннотативная функция, коннотативная функция, фонетика, грамматика, лексика, модизмы, джопара, “Зима Гюнтера”.

El español, tal como hoy lo conocemos, es fruto de un proceso de decantación de más de un milenio, a lo largo del cual diversas lenguas de los habitantes de la Península Ibérica se fueron modificando por la influencia de los invasores romanos, godos, árabes, etc. hacía el final del siglo XV, con la unión de los reinos de Castilla y Aragón, que extendieron su dominio sobre la mayor parte de la península, la lengua de Castilla (castellano) se fue imponiendo sobre otros idiomas y dialectos y cruzó el Atlántico a lomos de los descubridores, conquistadores y misioneros, y debido a su propagación por América, es, con diferencia, la lengua romance que ha logrado mayor difusión.

El contacto del español con las lenguas de los aborígenes, peculiaridades históricas, etnográficas, migratorias, socio-políticas, etc. influyeron en la diferenciación del español dependiendo de la zona del uso en el continente americano donde la heterogeneidad del español no se restringe con su división en dialectos y hablas (que existen, por supuesto). En él se distingue otra variedad – variantes nacionales. Es lo que dice en este sentido el autor del Diccionario de Lunfardo argentino Athos Ricardo Espíndola: “Podrá decirse que en Argentina se habla la lengua española. Incierto. Los argentinos tenemos idioma propio... Quinientos años de historia han servido para que en nuestro país se modelara un lenguaje singular, distinto, vivo, y pujante, en crecimiento incesante y evolutivo, de permanente enriquecimiento...” [1, p. 7–8].

La categoría principal en dicha clasificación son variantismos, es decir, unidades de la lengua, típicas de uno de los países de habla española, es decir, la variante de la lengua siempre tiene el carácter nacional: *tereré* ‘bebida hecha con la infusión en agua fría de la hierba mate’ en Paraguay [2]; *panizo* ‘persona de la se obtiene o se piensa obtener provecho’ en Chile [2]; *panelito* ‘vehículo, automóvil cubierto más pequeño que el camión’ en Cuba [3].

Objeto de nuestro estudio son paraguayismos, las unidades lingüísticas, típicas para Paraguay. El análisis de lo que se considera como “paraguayismo” está representado en los trabajos científicos de Leni Pane [4], Isabel Baca de Espínola y Ebelio Espínola Benítez [5], Hedy Penner, Soledad Acosta y Malvina Segovia [6], etc.

La finalidad de nuestro artículo es revelar las peculiaridades connotativas y estilísticas de los paraguayismos en la novela “El invierno de Gunter” del escritor moderno paraguayo Juan Manuel Marcos.

Al paraguayismo gramatical se refiere el fenómeno de voseo. “A diferencia con otros países, ésta modalidad no constituye una irreverencia o una confianza tomada en exceso por encima de lo que correspondiere en las circunstancias” [7, p.17]. Hay que mencionar que la forma de usted en Paraguay existe, sin duda, pero su tratamiento tiene ciertas connotaciones. Una de ellas es “otorgar o demostrar respeto para con el interlocutor de turno (sin dejar de ser amigable o de vinculación cercana como en caso del voseo)” [7, p.17].

Cito ejemplos de voseo en la novela de Juan Manuel Marcos “El invierno de Gunter” [8].

El uso de vos en lugar de tú en el lenguaje de los jóvenes:

Me imagino que vos te bañarás en un saque— dice Verónica a Chipi [8, p. 92]. Verónica y Chipi son los protagonistas jóvenes de la novela; Yo ya estuve, mintió uno, ahora te toca a vos [8, p. 99] — charla de los amigos de Alberto, son todos personajes jóvenes.

En la novela hay un episodio muy interesante en el que el voseo, rasgo típico para el español paraguayo, se compara con el tuteo de español de España:

... *No, solo tenía tres líneas:*

A ti te cantaron los poetas.

Añado yo este verso:

Ahora eres nosotros.

Mmm..., no está mal, Si no fuera por el “tú”, muy español, no estaría nada mal [8, p.142].

Voseo es el rasgo típico del lenguaje de la gente del “Paraguay profundo”, la gente que no tiene en la conducta y en la forma de comunicarse ninguna capa del brillo: *Vos no vas a poder estudiar luego* — dice el personaje que se llama Atilio. Lo consideramos como del “Paraguay profundo” porque él mismo dice: *Yo soy de Cerro*¹.

La gente que pertenece a la clase culta, a la clase elitista evita usar las formas “populares”: Usted debe ser el doctor Roberto Asuaga — dice Monseñor Simón Cáceres [8, p. 115]; *Cuando yo tenía tu edad, solo pensaba en mis estudios... Comprendo que debes buscar tus...expansiones. ¿Has conocido a alguna chica que te gusta?* [8, p. 115] — dice tuteando a su hijo el protagonista, que representa la gente de la clase alta, educada, doctor Evaristo Sariá-Quiroga. Qué desea beber el doctor — preguntó Larrian... *Usted se refiere a ese espantoso combinado que llaman “la Cuba libre”* [8, p. 187] — Larrian es militar del nivel alto, es el general de brigada.

Así el autor subraya la diferencia que existía en aquel entonces en la sociedad paraguaya.

Los **paraguayismos lexicales** son estilísticamente diferentes. Destacan las palabras:

a) con las connotaciones nulas (que cumplen las funciones denotativas): *morocha* ‘más oscura que morena’ [8, p. 196]; *bombilla* ‘un tubo por el cual el mate se sorbe’ [8, p. 298]; *durazno* ‘melocotón’ [8, p. 268]; *costanera* ‘territorio a lo largo del río que se usa como la zona del descanso, playa’ [8, p. 151], etc.;

b) con los matices connotativos (el uso de los cuales es característico para las determinadas capas sociales o para subrayar el estado emocional del protagonista): *no es tema* — en la jerga juvenil de la época de escribir la novela, lleva el sentido de ‘no es significativo’ [8, p.159]; *cuarto flaco* y *alargado como el padre Marcellin* [8, p. 210]; *caficho* — argot. ‘proxeneta’, ‘chulo’ [8, p. 222]; *es que los perros somos picho dulce* — en la jerga de Atilio, perros se refiere al ‘círculo de amigos con quienes uno sale para divertirse’. *Picho dulce* se refiere a ‘los que tienen éxito amoroso’, a los ‘seductores o mujeriegos’ [8, p. 280]; *guacho* — argot. ‘bastardo, hijo de puta’ [8, p. 299]; *mersas* ‘vulgares’ [8, p. 299]; *boludo* ‘tonto, lerdo’ [8, p. 300], etc.

La mayoría de las palabras en este sentido tendríamos que considerar como préstamos de guaraní. Y este es el rasgo más importante del español de Paraguay. Al ser la lengua oficial guaraní junto con español forman bilingüismo muy notable en la situación de habla de Paraguay.

Léxico y las formas sintácticas de guaraní en la función denotativa en “El invierno de Gunter”

Nombre de las etnias de guaraní: *Tupí-Guaraní* — familia de etnias y lenguas que dominaba partes centrales y orientales de la América del Sur en los siglos antes de la llegada de los europeos, en las décadas posteriores y viven hasta hoy día [8, p. 44]; *nivaklé* — etnia indígena del Chaco [8, p. 310]; *ka’aigüá* — etnia guaraní conocida en tiempos coloniales por su resistencia a la asimilación hispana [8, p. 365]; *gualachí* —

¹ Soy de Cerro: como club de fútbol, Cerro naturalmente no tiene afiliación política oficial, pero la mente popular le atribuye por lo menos alguna tendencia obrera y anti-establecimentaria (Marcos, 2013: 281).

rama de la etnia de *ka'aguá* que habitaba lo que es hoy la provincia argentina Misiones, y posteriormente, la región paraguaya del Guairá [8, p. 366].

Las palabras del uso cotidiano: *kuña* ‘mujer’ [8, p. 360]; *kuñata'i* ‘chica’ [8, p. 296]; *pa'i* ‘padre, sacerdote’ [8, p. 209]; *panambí* ‘mariposa’ [8, p. 109], etc.

Las palabras que se refieren al léxico mitológico, mágico, folclore: *karaí* [8, p. 40]; *pombero* [8, p. 79]— significado de estas dos palabras ver más arriba; *payé* ‘magia o practicante de magia’ [8, p. 44]; *pora* ‘fantasma que recorre el campo y asusta a los caminantes solitarios, apareciendo de noche como una masa blanca y diáfana’ [8, p. 82], etc.

En el nivel sintáctico también observamos peculiaridades del lenguaje de Paraguay:

La mezcla del léxico de guaraní con el español en las combinaciones de las palabras (en su mayoría en las formulas verbo + sustantivo): *¿Domicilio? — E mo'i Corrientes 'ponga Corrientes'* [8, p. 247, etc.];

El verbo español en forma de vos y una partícula de guaraní: *Vos no vas a poder estudiar luego y, además. ¿qué calienta? Nadie puede quitarte lo bailado. Pero usá que condón* [8, p. 273] — al mandato de *vos usá* se le añade la partícula guaraní que (ke en la ortografía estandarizada de guaraní), pospuesta a los imperativos² [8, p. 280].

Uso de la partícula de guaraní *-ko'*, frecuente en las oraciones declarativas: *Esta ko'* — es una ciudad enorme... [8, p. 273].

Uso intacto de la sintaxis de guaraní: *Lope tiempo* ‘tiempo de López’ [8, p. 339].

Léxico y las formas sintácticas de guaraní en la función connotativa en “El invierno de Gunter”

Las formas sintácticas de guaraní se usan para añadir más colorido a las frases emocionantes para reflejar más fuerza a las palabras afectivas. Por ejemplo:

— *La atmósfera se aligera. Ya va a amanecer. Otra noche de insomnio. — Aña rakò peguarè, le meto o qué otro — truena, gutural* [8, p. 73]; *Aña rakò peguarè* ‘por el coño del diablo’ [8, p. 79];

— *Es un libro mbore — dice Eliza* (Marcos, 2013: 90): *mbore* ‘de mala calidad’, ‘sin valor’ [8, p. 94];

— *Aquel el pyragüí. No tiene más oficio que estar allí parado como la tos de un perro...* [8, p. 141]; *pyragüí* en guaraní ‘piel peludo’ — nombre que se daba a los espías asalariados que el régimen de Stroessner usaba para vigilar a la población paraguaya [8, p. 147]. Como el eco de esta palabra en guaraní se usa también en español de Paraguay la combinación de las palabras *pies-mudos* [8, p. 360]. El significado es igual que en guaraní *pyragüí*.

— *Esta ko' es una ciudad enorme... como Buenos Aires, pero sin demasiados curepí... Casi nadie habla inglés, tampoco guaraní, así que maneja en castellano* [8, p. 275]: la primera frase *esta ko'* ya hemos analizado más arriba. *Curepí* — nombre despectivo para los argentinos y en la lengua de origen, en guaraní, significa ‘piel de chanco’ (*chanco* — así en Paraguay se llama ‘cerdo’) [8, p. 94]. El verbo manejar se usa en la forma típica paraguaya, mandato de vos en Imperativo Afirmativo y en este caso tiene sentido ‘habla’;

— *¡Filántropa, filántropa! No hacés más que soñar, como tu viejo. ¡Qué tipo era Sanabria! Comunista tuyá de la gran puta* [8, p. 274]. La palabra castellana *viejo* se usa en función del sustantivo y significa ‘padre’. La palabra de guaraní *tuyá* también significa ‘viejo’ pero en esta frase se usa como adjetivo y para esforzar la frase grosera que sigue esta palabra;

— *Espera un rato, lo voy a echar a ese kambá de mierda, como es veterano de Vietnam, negro grandote, cree que puede emborracharse gratis donde le canta* [8, p. 276]. *Kambá* ‘morochó, mulato, persona de piel oscura, negro, quemado al sol’ [9, p. 45].

Guaraní se usa para subrayar la importancia de una persona:

— *Usted es presidente del Colegio, tiene fama del hombre activo y justo, de ser muy diligente con los presos políticos. Algunos sacerdotes, amigos de mi hermana, y también todas las Madres de la Plaza de Mayo³ le dijeron: El Mitá Karaí, la única esperanza* [8, p. 306]. *Mitá Karaí* es apodo compuesto de dos palabras del guaraní: *mitã* ‘joven de corta edad, niño, chico, compañero, amigo’ [9, p. 63], y *karaí* ‘bendecido, bautizado, sagrado’ [9, p. 46].

3. En un caso observamos la palabra de guaraní en la función metafórica. Es el título de un periódico: *Kavichu'i* ‘variedad de avispa’ [9, p. 47]. Así se llamaba un periódico que promulgaba la causa paraguaya durante la Guerra de la Triple Alianza [8, p. 348].

² Después de tantos años de vivir en Nueva York, protagonista de la novela “El invierno de Gunter”, tío Atilio habla un castellano de marcada influencia de guaraní.

³ Madres de la Plaza de Mayo — organización argentina que aboga por los detenidos, y por la revelación del paradero de los desaparecidos (Tr. 310).

Para resumir, subrayamos que el uso de los paraguayismos en la novela de Juan Manuel Marcos “El invierno de Gunter” se determina por varias razones.

Primeramente, el autor tiene derecho (y la necesidad) de manejar el lenguaje de su país, lenguaje que caracteriza la época de la creación de la novela. Es lo que permite transmitir los rasgos de carácter de los paraguayos, demostrar a través de la lengua la exfoliación de la sociedad: los que pertenecen a la altura de la sociedad suprime, dominan la lengua clásica (lo que nosotros consideramos como la variante peninsular, variante de España), los que pertenecen a la clase medibaja – usan el lenguaje más sencillo con la influencia enorme de guaraní. Aparte se encuentran los jóvenes (que siempre se diferencian de la gente madura y se destacan de los adultos por su manera de hablar) – ellos saben usar como español clásico, tanto el lenguaje “de la calle”, como un buen número de palabras de guaraní, dependiendo de la situación.

A través de la lengua, el autor de la novela “El invierno de Gunter” Juan Manuel Marcos nos muestra, a los lectores, la historia, las tradiciones, las costumbres y la mitología del Paraguay.

“El invierno de Gunter” describe el comportamiento de la gente de Paraguay de varios niveles en varias situaciones durante la dictadura de Stroessner y la guerra en las islas Malvinas. En las páginas de la novela los lectores se enfrentan con algo que ya poco entendido o ya olvidado para los ciudadanos de América del Sur y, en su mayoría, desconocido, para los europeos. A través de la lengua de los personajes los lectores tienen la posibilidad de descubrir el mundo en el que vivía la gente durante las últimas décadas del siglo pasado en Paraguay, entender en lo que pensaban, por qué pensaban así y compartir (o no) con ellos sus ideas, excusar (o reprobar) sus acciones, testarudeces, proezas...

El uso de los paraguayismos y demostración del bilingüismo paraguayo (español-guaraní) subraya expresión individual de cada uno de los personajes (eso se nota sobre todo en los diálogos) y los objetos que les rodean en la vida cotidiana.

Las palabras que nombran a los representantes de la fauna, la comida, los objetos de la vida cotidiana – es decoración del escenario en el que actúan los protagonistas de la novela. Léxico mitológico revela el alma y explica los hechos de los actores del espectáculo que se llama la vida de los paraguayos durante la dictadura de Stroessner. Y el guaraní suena como la música, envolviendo toda la acción con su magia, acariciando el oído de los protagonistas y de los lectores.

El autor demostrando dichas peculiaridades nos permite disfrutar el lenguaje que incluso hoy día se oye en las aulas de las Universidades, en las calles, por la tele, por la radio, en los teatros, en el Parlamento. Así se crea el colorido propio de la vida real de Paraguay, de aquel entonces, del período de la creación de la novela, los años 70-80 del siglo XX, y de hoy.

En las investigaciones posteriores vamos a profundizar el tema del funcionamiento de los paraguayismos en este país, intentaremos explicar las procedencias de las formas gramaticales, fonética o lexicales de habla de Paraguay con la finalidad general de crear el diccionario de los paraguayismos que puede ser útil como para la gente hispanohablante (de los países de América), tanto para los nativos de otras lenguas que estudian español y sus peculiaridades en varias formas.

REFERENCIAS

1. *Espíndola A.* (2003): Diccionario de Lunfardo / A. Espíndola. – Buenos Aires: Planeta, 2003. – 526 p.
2. *Moliner María* (2007): Diccionario de uso del español (ed. en DVD) / María Moliner. – Madrid: Gredos. – 2007.
3. Diccionario de americanismos de Asociación de Academias de la Lengua Española / página en Internet: <http://www.asale.org/recursos/diccionarios/damer>
4. *Pane L.* Los Paraguayismos II / Leni Pane. – Asunción: Criterio Ediciones, 2014. – 197 p.
5. *Baca de Espínola I., Espínola Benítez E.* Glosario de paraguayismos en Hijo de Hombre de Augusto Roa Bastos / Isabel Baca de Espínola, Ebelio Espínola Benítez. – Asunción: CEADUC, 2011. – 167 p.
6. *Penner Hedy.* El descubrimiento del castellano paraguayo a través del guaraní / Hedy Penner, Soledad Acosta, Malvina Segovia. – Asunción.: Centro de Estudios Antropológicos de la Universidad Católica (CEADUC). – 2012. – 478 p.
7. *Rubinsztein N.* Modismos paraguayos. Glosario Natalio y vos. / Natalio Rubinsztein. – Asunción: Criterio Ediciones, 2013. – 152 p.
8. *Marcos J. M.* (2013): El invierno de Gunter. Edición crítica por Tracy K. Lewis [texto] / J.M. Marcos. – Asunción: Servilibro, 2013. – 449 p.
9. *Krivoshein de Canese N., Acosta Alcaraz F.* Ñe' rryu. Avañe' karaiñe'. Karaiñe' -Avañe'. Diccionario guaraní-español, español-guaraní / Natalia Krivoshein de Canese, Feliciano Acosta Alcaraz. – Asunción.: Instituto Superior de Lenguas Universidad Nacional de Asunción, 2014. – 294 p.

Кудрявцева И. Ю.

Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, откуда ты: испанская кухня как часть национальной культуры

Ирина Юрьевна Кудрявцева,
ст. преподаватель Кафедры испанского языка.
МГИМО МИД России.
victorian182@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются особенности национальной кухни, которая составляет часть культурного, исторического и общественного наследия Испании. По данным ЮНЕСКО, средиземноморская диета, которая является основой испанской гастрономии, была внесена в список мировых нематериальных достояний человечества. Особое внимание уделяется традиционным блюдам различных автономных сообществ, в которых сохраняются свои традиции и обычаи. В статье перечислены основные блюда национальной кухни, которые широко известны далеко за пределами Испании, и объясняется происхождение их названий. Знание традиций национальной кухни – это проявление уважения к стране и её народу, стремление лучше изучить его историю и понять особенности национального характера.

Ключевые слова: Испания, национальная культура, испанская национальная кухня, средиземноморская диета

Tell me what you eat, and I'll tell you where you are from: Spanish cuisine as part of national culture

Abstract. The article deals with the peculiarities of national cuisine, which is a part of the cultural, historical and public heritage of Spain. According to UNESCO, the Mediterranean diet, which is the basis of Spanish gastronomy, was listed in the world's intangible heritage of mankind. Special attention is paid to traditional dishes of various autonomous communities, in which their traditions and customs are preserved. The article lists the main dishes of national cuisine, which are widely known far beyond Spain, and explains the origin of their names. Knowledge of the traditions of the national cuisine is a manifestation of respect for the country and its people, the desire to better study its history and understand the features of the national character.

Keywords: Spain, national culture, Spanish national cuisine, Mediterranean diet

Когда речь заходит об Испании, пожалуй, одна из первых ассоциаций, которая возникает у иностранцев, связана с ключевыми концептами, традиционно ассоциируемыми с этой страной: фиеста, коррида, солнце, любовь, фламенко [1; 2]. Однако в статье нам бы хотелось остановиться подробнее на особенностях испанской кухни, поскольку гастрономия является неотъемлемой частью национальной культуры и яркой характеристикой менталитета испанцев.

Национальная кухня включает в себе определённую систему коллективных представлений о пищевых традициях страны, в которую входят основные блюда, с которыми ассоциируется кухня государства, иными словами, блюда-репрезентативы, а также продукты, специфические для конкретной местности. Особенности национального характера можно до конца понять, только узнав, что и как едят местные жители. Жители Испании очень любят покушать и знают толк в хорошей еде. Напомним знаменитую цитату из бессмертного произведения Сервантеса:

«В некотором селе Ламанчском, которого названия у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идалго, чьё имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Оля, чаще с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевица по пятницам, голубь в виде добавочного блюда по воскресеньям, — все это поглощало три четверти его доходов...» [3, с. 8].

Так начинается повествование о Рыцаре Печального Образа. Автор в первых же строках своего романа раскрывает традиционный рацион Дон Кихота Ламанчского, небогатого дворянина, жившего в XVII столетии, который, несмотря на свою худобу и пустой кошелёк, любил покушать. Подчеркнём, что со времён Сервантеса привычки потомков Дон Кихота изменились не столь значительно, а культ еды поддерживается так же тщательно, что и во времена Сервантеса.

Испания, государство 17 автономий, на территории которого люди говорят на четырёх литературных языках, отличается большим разнообразием как в географическом, так и в этно-национальном аспекте. Испания разделена на более чем десяток регионов, отличающихся традициями, культурой, обычаями и языком. Эти различия распространяются и на кухню. Но независимо от этого испанскую национальную гастрономию характеризуют три неперменных условия: чтобы было вкусно, чтобы было много и чтобы было разнообразно [4].

В силу исторических особенностей формирования и развития испанского государства — Испания пережила несколько крупнейших завоеваний: римское, вестготское и арабское — испанская кухня неоднократно была подвержена чужому влиянию. Набор продуктов изменялся и пополнялся не только с приходом различных завоевателей, но и после открытия Нового Света Христофором Колумбом в 1492 г., что сделало испанские кулинарные традиции ещё более богатыми. От древних римлян Испания «унаследовала», к примеру, традицию выращивания олив и производства оливкового масла, а от арабских народов, которые проживали на территории страны в период 711— 1492 гг. множество новых продуктов: рис, цитрусовые, артишоки, миндаль, арахис и различные пряности и специи: тмин, душицу, розмарин, паприку, гвоздику и, конечно, шафран, который считается королевой всех специй. Слово «шафран» произошло от арабского *azafrán* что переводится как «жёлтый». Использование этой пряности придаёт блюду неповторимый яркий оттенок.

Благодаря Христофору Колумбу, рацион испанцев, а с их помощью и остальных европейцев пополнился помидорами, бобами, кабачками, картофелем, чесноком, шоколадом, табаком.

В Андалусии, находящейся по соседству с африканским континентом, очень велико арабское влияние: ведь именно в Андалусии арабы задержались на долгие восемь веков. Самое знаменитое блюдо юга Испании — гаспачо. (исп. *gazpacho*). Гаспачо — это холодный суп из помидоров с добавлением овощей, пряностей и оливкового масла. Когда-то гаспачо на столе испанца было признаком беспросветной бедности — его ели те, кто в прямом смысле перебивался с хлеба на воду. Если к этому добавить ещё помидоры, которыми щедро одарена местная земля, — вот вам и гаспачо. А теперь это блюдо входит в меню лучших ресторанов. Слово *gazpacho* в испанской разговорной речи является синонимом таких слов, как *mezcolanza*, *batiborrillo*, *revoltijo* — «мешанина, беспорядок, путаница». Ведь в миске, в которой готовят гаспачо, происходит то же самое: протёртые овощи перемешиваются и заправляются оливковым маслом. Иногда в него добавляют хлебные гренки и посыпают мелко нарубленным яйцом. В Малаге в гаспачо добавляют грецкие орехи. Использование орехов в блюдах — это чисто арабская традиция, которую переняли жители южной Испании. Есть версия, что слово *gazpacho* — это изменённое мосарабами (мосарабы — христиане, проживающие на территории мусульманских государств в Испании) древнеримское слово, обозначающее «перхоть, струпья, остатки». Особенно вкусен гаспачо летом — в жару в него добавляют кубики льда, и это блюдо хорошо утоляет жажду.

Визитная карточка исторической области Астурия — фабада (исп. *fabada*) — густой суп из белой фасоли с ветчиной и колбасой. В испанской кухне использование бобовых — фасоли, гороха и особенно чечевицы — является очень распространённым. Название блюда — фабада — произошло от астурийского слова *fabes*, обозначающего фасоль. Особого внимания заслуживают превосходные сыры и сидр, эмпанадас (исп. *empanadas*) — пирожки с фасолью и мясом. Многие предпочитают рыбу по-астурийски (треска или навага, вымоченные в белом вине и приправленные тёртым шоколадом, шампиньонами, молотой гвоздикой, корицей, солью и перцем).

Разнообразна по ассортименту кулинария севера Испании. В Галисии, окружённой с трёх сторон морями и океаном, готовят блюда из рыбы и морепродуктов. Это и лангусты, и морские ежи, и пульпа (осьминог), и сардины, которые нанизывают на тонкие палочки и коптят на обду-

ваемом ветром бревнышке. Редкий обед обходится без рыбного супа, который галисийцы называют «морским аквариумом» (исп. *pecera marítima*), подразумевая при этом разнообразие даров моря на тарелке. Морепродукты из Галисии известны не только во всей Испании, но и в мире.

Самой изысканной региональной кухней Испании принято считать кухню Страны Басков. Это и не удивительно — ведь в ней сочетаются испанские и французские кулинарные традиции. Эта кухня славится такими оригинальными блюдами, как мармитакко (исп. *marmitaco*) (густой суп из тунца с картофелем); чангурро (исп. *changurro*) (моллюски с крабами); каракатица в чернильном соусе (исп. *chipirones en su tinta*). Особой известность пользуется треска в чесночном соусе (исп. *bacalao al pil-pil*); плавники морской щуки (исп. *Kokotxas*); приготовленные особым способом морские улитки (исп. *caracolillos* или *karakelas*); огромные котлеты из говядины на гриле (исп. *chuletones de buey*) и вкуснейшие мальки угря (исп. *angulas*) с чесноком и перцем чили. Баски — в большинстве своём крестьяне-скотоводы — признанные мастера изготовления высококачественной ветчины и овечьего сыра.

Для испанской кухни привычно мешать все вместе в одном горшке, потому что раньше основное население Испании жило довольно бедно. Об этом говорит тот факт, что очень популярным было и остаётся блюдо, которое так и называется: «в одном горшке» (исп. *en una olla*) — пища крестьянского происхождения, одновременно являющаяся первым и вторым блюдом.

Каталония с давних пор имеет тесные связи с Южной Францией и Италией, поэтому фантазия каталонских поваров не имеет границ. Основу многих главных блюд составляет один из четырех соусов: софрито (исп. *sofrito*) из чеснока, томатов лука, перца и зелени; самфаина (исп. *samfaina*) из томатов, перца и баклажанов; пикада (исп. *picada*) из чеснока, зелени и жареного миндаля; али-оли (исп. *ali-oli*) из чеснока с оливковым маслом. Любимое блюдо каталонцев — жаркое (исп. *cazuela*). Популярны в Каталонии и ароматная уха из морского черта (кат. *suquet de peix*), и рагу из свиной головы и свиных ножек (кат. *cap-i-pota*).

Валенсия — это территория знаменитых блюд из риса. Именно здесь валенсийцы готовят известную на весь мир паэлью (исп. *paella*), которую считают символом своего региона и, пожалуй, всей испанской кухни. Это блюдо из риса, подкрашенного шафраном, с добавлением морепродуктов, овощей, курицы, колбасы, оливкового масла и т. д. Паэлья — каталонское слово, которое происходит из старого французского слова “*paelle*”, которое в свою очередь восходит к латинскому “*patella*”, что значит «сковорода». Валенсийцы используют слово паэлья для названия не только самого блюда, но и для всех видов кастрюль. Однако в большей части Испании и в странах Латинской Америки посуду для приготовления паэльи называют “*paellera*”. Королевская Испанская Академия, которая следит за соблюдением норм испанского языка и его чистотой, допускает применение обоих слов.

Существует популярная, но не точная гипотеза о том, что слово паэлья происходит из арабского слова “*baqiyah*” — «остатки», потому что среди арабских моряков было принято не выбрасывать еду, а объединять и перемешивать все, что осталось от предыдущей трапезы.

Есть и другие легенды, объясняющие появление паэльи на восточном побережье Средиземного моря, в так называемом Леванте, в XVIII в. Одна из них, например, гласит, что паэлью «изобрела» бедность. Небогатый испанский рыбак, поджидая в гости свою возлюбленную, собрал все продукты, которые нашлись в доме: рис, шафран, чеснок и то, что принёс невод, — и потушил все вместе. Так появилось изысканное блюдо «для неё» (исп. *para ella*) или паэлья.

Ещё одно блюдо, которое готовится в специальном горшке и название которого переводится как «варево», — это косидо (исп. *cocido*). Это густой суп из турецкого гороха с овощами, мясом и копчёностями. По сути, это два блюда в одном — первое и второе. Почти в каждой области Испании имеется свой рецепт косидо, однако наиболее распространён и известен мадридский вариант (исп. *cocido madrileño*).

Типичный мадридский завтрак — это чуррос (исп. *churros*). Название *churros* пошло от *churra* — «грубая шерсть, испанская порода овец с грубой шерстью». Дело в том, что этот десерт придумали испанские пастухи, которые холодными ночами хотели чего-нибудь горячего и сладкого. К тому же чуррос было легко жарить в сковородке на открытом огне. Чуррос — это жареные колечки из заварного теста. Это традиционное блюдо, которое подают к завтраку в любом кафе, готовят дома.

Испанский туррон (исп. *turrón*) — нуга с орехами — неперенное блюдо рождественского и новогоднего стола, изысканная сладость, секрет производства которой достался испанцам от арабов. Это ещё один шедевр, прославивший национальную кухню. Практически все рецепты приготовления пирожных с миндалём и марципаном заимствованы у марокканцев. Традици-

онный испанский туррон производится из продуктов самого высокого качества — мёда, яичного белка и большого количества душистых орехов. Ассортимент туррона значительно расширяется — появляются новые виды этой сладости с шоколадом, сухофруктами и воздушным рисом. Вкус туррона — это сладкое предвкушение счастья и радости в рождественскую ночь, желание приоткрыть дверь в волшебную сказку с ванильными снами и сахарными надеждами.

Говоря об испанских кулинарных традициях, особо хочется отметить знаменитый обычай делить с друзьями за разговорами, перемещаясь из одного бара в другой, «тапас» (исп. *tapas*) — традиционные разнообразные лёгкие закуски, которые подают к вину или пиву. Во многих испанских барах тапас приносят бесплатно клиентам, которые заказали напиток. Одна из самых популярных закусок — кусочки баклажана, обжаренного в мёде. Это типично арабское блюдо. Мёд начали употреблять задолго до появления сахара, и начало его использования теряется в далёком прошлом.

Существует не одна версия появления традиции «тапас»: раньше стаканы с вином и пивом накрывали маленькими тарелочками (по другой версии кусочками хлеба или ветчины) для защиты от мух, затем в тарелочки начали бесплатно накладывать острые закуски, вызывающие жажду, чтобы народ заказывал ещё напитки. И постепенно «тапас» превратились в неотъемлемую часть испанского образа жизни. Во всех кафе и ресторанчиках можно увидеть большое разнообразие этих закусок — колбасок, сыров, ветчины, салатов, оливок. Выражение «*ir de tapas*» означает не столько перекусить, сколько пообщаться с друзьями, хорошо провести время и обменяться последними новостями.

Но, пожалуй, главная кулинарная «визитная карточка» Испании — знаменитый мясной деликатес хамон (исп. *jamón*) — сыровяленый целиком свиной окорок. Производится он по особой технологии практически во всех испанских регионах, исключая побережье. Сначала свиньи живут на специальных выгонах, где питаются исключительно зеленью и желудями. После убоя свиньи её задние ноги два-три дня вымачиваются в солёном растворе, далее под прессом выжимается вся жидкость, а затем будущий окорок выдерживается в сухом прохладном месте, по возможности в отрогах гор, от одного года до трёх лет. При всём разнообразии сортов хамона их принято делить на два вида: более распространённый и доступный — хамон серрано (исп. *jamón serrano*) и более редкий и дорогой — хамон иберико (исп. *jamón ibérico*). Хамон подают нарезанными тончайшими полупрозрачными ломтиками в качестве тапас. Вкус и аромат хамона неподражаем и, как говорят испанцы, сравним только с ...хамоном. На протяжении многих веков он является непревзойдённым гастрономическим шедевром Испании.

Знание традиций национальной кухни является проявлением уважения к стране и её народу, а пренебрежение ими может послужить поводом для непонимания или даже обиды. В своём замечательном романе «Смена курса», повествующем о событиях гражданской войны в Испании, его автор И. Идальго Сиснерос, генерал-республиканец, командовавший испанской авиацией, приводит любопытный пример, подтверждающий эту мысль. Рассказывая о желании от души поблагодарить русских лётчиков за их помощь и поддержку, автор описывает, как он решил угостить их самым вкусным, на его взгляд, баскским блюдом — кальмарами и мальками угря (*angulas*), раздобыть которые в тяжелейшие военные дни было делом совсем непростым. Но один лишь вид мальков, которые напомнили русским червяков, привёл гостей в замешательство, которое оказалось невозможным скрыть: они так и не решились попробовать эту еду: “... *les invité a cenar, pensando en la comida típicamente española que podía ofrecerles, gracias a las angulas y calamares, verdadero tesoro en aquellas circunstancias. Nunca olvidaré su cara de asombro y repugnancia cuando vieron aquellos bichos nadando en una salsa negra y, al parecer, poco apetitosa para los no iniciados. Miraban al plato y me miraban a mí, sin saber qué hacer y sin decidirse a meterles el diente. Tratamos de explicarles que era una especialidad vasca muy apreciada, pero todo fue inútil, no pudimos conseguir que los probasen... Cuando les pusieron delante las cazuelitas y vieron aquellos bichitos blancos con ojos negros, los miraban alarmados, convencidos de que eran gusanos, y, sin esperar nuestras explicaciones, ellos mismos, con una sonrisa bastante forzada, devolvieron las cazuelas a la mujer que servía. Total, que sufrí el fracaso culinario más grande de mi vida*” [5, p. 200]. Желая загладить свою ошибку, Сиснерос достал бутылку коньяка, которую ему когда-то подарил Хемингуэй и которую он берёт как священную реликвию для особого случая, и предложил выпить по рюмочке. Однако теперь пришлось удивляться ему: вместо того, чтобы смаковать драгоценный коньяк, наслаждаясь каждым глотком, каждой капелькой, русские сразу налили себе по целому стакану и выпили весь коньяк залпом, «как если бы это было горькое лекарство»: “*Para tratar de atenuar la mala impresión que les había producido mi comida, mandé traer una botella de un coñac francés maravilloso que me había regalado Hemingway y que*

conservaba como una joya. Hicimos varios brindis, agotamos la botella, y la cena terminó bastante animada, a pesar de su comienzo y de mi desesperación al ver que los soviéticos, en vez de saborear aquel exquisito coñac, se bebían las copas de un trago, como si fuese un medicamento desagradable de esos que hay que tomar de golpe para no notar su sabor” [5, p. 201].

Таким образом, испанская национальная кухня уже не один век составляет часть культурного, исторического, общественного наследия Испании, оказавшего влияние на формирование образа жизни её народов на протяжении всей их истории. Представляется важным отметить, что в ноябре 2010 г. по предложению испанского правительства «средиземноморская» диета, составляющая основу испанской гастрономии, была включена в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО [6], в который входят уникальные нематериальные достояния человечества.

Литература / References

1. Астахова Е. В. Праздник в национально-культурном мировидении Испании // Вестник МГИМО-Университета. — М.: изд-во МГИМО-Университет. — 2014. — С. 285–298.
2. Астахова Е. В. Испания как метафора. — М.: изд-во МГИМО-Университет, 2017.
3. Сервантес Мигель де Сааведра. «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» / Пер. Н. М. Любимова. — М., 1954 г.
4. Испанская кухня. — М., Эксмо, 2012.
5. *Hidalgo de Cisneros, I.* Cambio de rumbo (Memorias), 2 vols., Colección Ebro, Bucarest, 1964.
6. La dieta mediterránea, patrimonio de la humanidad Disponible en: URL: <https://www.muyinteresante.es/salud/articulo/la-dieta-mediterranea-patrimonio-de-la-humanidad> Fecha de consulta 23 enero de 2018.

Ларикова Ю. А.

Эмотивные коннотации концепта «большой город» в языке аргентинцев

Юлия Анатольевна Ларикова,
ст. преподаватель Кафедры иностранных языков № 2
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
julia.larikova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается эмотивно-модальное содержание концепта «большой город» (Буэнос-Айрес) в культурной картине мира аргентинцев. На материале стихотворных текстов поэтов – современников Хорхе Луиса Борхеса (1899-1986) и Оливеро Хирондо (1891-1967) изучается эмотивная семантика аргентинизмов и других испанских слов, актуализированная в поэтическом высказывании.

Ключевые слова: культурная картина мира, аргентинский вариант испанского языка, концепт «большой город», литература Аргентины, поэтический текст, лингвистическая модальность, эмотивная семантика.

Emotive connotations of the “big city” concept in the language of the Argentinians

Abstract. In the focus of the present study is the emotive-modal content of the “big city” (Buenos Aires) concept within the cultural worldview of the Argentinians. On the basis of texts of two contemporary poets, Jorge Luis Borges (1899-1986) and Oliverio Girondo (1891-1967), the emotive semantics of words belonging to the Argentinian variety of Spanish, specifically actualized in poetic speech acts is analyzed.

Keywords: cultural worldview, Argentinian variety of Spanish language, “big city” concept, Argentine literature, poetic text, linguistic modality, emotive semantics.

«Большой город» (Буэнос-Айрес) – один из центральных концептов, формирующих культурно-языковое мировидение жителей Аргентины. Исторически этот крупный портовый город был средоточием материальных и человеческих ресурсов, непрерывно прибывающих сюда со всех уголков страны и из-за рубежа. Неслучайно одна из опорных дихотомий в картине мира аргентинцев – это мегаполис Буэнос-Айрес и “el interior”, провинция.

При анализе концепта «большой город» встаёт задача выяснить отношение аргентинской языковой личности к сложной городской реальности. Одним из таких звеньев, связывающих языковую личность субъекта с предметом высказывания, является категория модальности.

В определении Ю. Н. Караулова языковая личность представляет собой «совокупность способностей и речевых характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, отличающихся уровнем сложности, глубиной и точностью отражения действительности и целевой направленностью» [1, с. 5]. Из определения следует, что языковая личность – это не столько частный субъект, автор и реципиент высказываний, сколько своеобразная модель речевого поведения, причём, как персонифицированная, так и сколь угодно обобщённая. Языковая личность, таким образом, может быть как индивидуальной, так и коллективной, вплоть до национальной.

Художественные произведения, в частности поэтические, дают неисчерпаемый материал для рассмотрения национальной языковой личности. Аргентинская культурная идентичность

во многом основана на региональных особенностях испанского языка региона Ла-Платы и национальной специфике аргентинского варианта испанского языка. В свою очередь, в структуре аргентинской языковой личности можно выделить так называемую «базовую личность», общую для всех членов аргентинского языкового сообщества, переменные составляющие, свойственные различным социальным группам, а также сугубо индивидуальные элементы.

В художественном тексте индивидуальная иерархия ценностей языковой личности наглядно выражается в модальности. В данном исследовании делается акцент на изучении эмотивной модальности концепта «город», поскольку непосредственное, эмоциональное отношение к городу («родной», «любимый», «чуждый» и т. п.) лежит в основе последующих субъективных оценок городской реальности.

Впервые термин модальность в значении индивидуальной оценки излагаемых фактов был предложен швейцарским лингвистом Шарлем Балли [2]. В работах русских филологов, в том числе Н. Ю. Шведовой [3] и Н. Д. Арутюновой [4], подробно рассмотрены грамматические и лексические способы выражения модальности в пределах предложения-высказывания (фразовая модальность). Вместе с тем представляется, что в целях данного исследования уместно привести более широкое толкование модальности, с одной стороны, как текстообразующей категории, вынесенной из предложения в речевую ситуацию и в контекст, а с другой — взять за отправную точку изучение модальной, в данном случае, эмотивной семантики минимальной единицы высказывания — слова.

Такой подход определяется тем, что вопрос об эмотивной семантике вариантной лексики, в частности лексики аргентинского варианта испанского языка, до сих пор оставался вне поля зрения отечественных лингвистов, несмотря на частое обращение к следующему отрывку из программной статьи Хорхе Луиса Борхеса “El idioma de los argentinos” («Язык аргентинцев»):

«Я имею в виду особое свойство нашего слова, которому мы сообщаем оттенки иронии и нежности, его неровную температуру. Мы не изменили сущностного смысла слов, мы изменили их коннотацию. Это расхождение, отсутствующее в доказательной, равно как и в дидактической прозе, значительно в том, что касается эмоций... Главные слова нашей поэзии “arrabal” и “rampa” не почувствует ни один испанец» [5, р. 60] (*Здесь и далее перевод мой — Ю.Л.*).

В данной статье Борхес подчёркивает эмотивную окрашенность аргентинизмов, а также особые эмотивные коннотации испанских слов в устах аргентинской языковой личности. С этой точки зрения значительная часть национально-окрашенной лексики потенциально несёт в себе богатство эмотивно-модальных оттенков. При этом необязательно, чтобы модальная семантика изначально была заложена в слове (как, например, в слове “lindo”, «славный», «положительный», «изящный» и т. д. — многозначном и едва ли не наиболее частотном эпитете в речи аргентинцев), — ее можно проецировать, «навести» контекстом, супraseгментными фонемами, отсылкой к прецедентным именам и текстам.

О возможности «наведения» эмотивной семантики слова пишет и лингвист В. И. Шаховский: «Эмоциональная коммуникация реализует эмотивные компоненты лексического значения в виде эмотивного значения, коннотации или эмотивного потенциала. При этом эмотивный потенциал слова может быть двух видов — внутренний и наведённый. Как коммуникативная сущность, эмотивность слова может быть либо актуализирована, либо эксплицирована, либо наведена. Процесс реализации всех видов эмотивной семантики слова при эмоциональной коммуникации довольно многообразен. В суммативном виде можно назвать, например, следующие его моменты: при переходе от личностных эмоциональных смыслов к языковым формам выражения эмоций коммуниканты либо подгоняют эмотивы под переживаемую ими в данный момент эмоцию, либо наделяют эмотивными смыслами нейтральные «упаковки» [6].

Данное наблюдение особенно ценно при изучении национально-окрашенной лексики, формирующей тот или иной концепт языкового сознания личности. Так, приводимые Борхесом в качестве примеров слова “rampa” («степь») и “arrabal” («предмestье»), не будучи ни лексическими, ни семантическими аргентинизмами, тем не менее несут в себе национальный эмотивный смысл, то есть целый комплекс эмоциональных ассоциаций, впитанных аргентинской языковой личностью с детства и обусловленных культурными реалиями жизни аргентинца, его исторической памятью.

Взяв за точку отсчёта анализ эмотивно-модального содержания национально-окрашенных слов, формирующих аргентинский культурный концепт «большой город», в этой статье мы движемся к лингвокультурологическому анализу художественных текстов, в которых актуализируется эмотивная семантика этих слов. Актуализация в тексте происходит как на уровне

синтагматического окружения ключевых слов (сравнения, метафоры, образы), так и в структуре текста (в его образной и композиционной системах). И. Р. Гальперин пишет о различных уровнях выражения авторской модальности в тексте: «Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяемых особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [7, с. 115].

Категория модальности тесно связана с понятием «образа автора», научно разработанным В. В. Виноградовым [8], поскольку в основе образа автора художественного произведения лежат «эстетические и идеологические предпосылки» его идиостиля. Из определения В. В. Виноградова следует, что лингвистическая категория модальности, будучи выражением индивидуального отношения автора к предмету, является вместе с тем исторически и социально обусловленной. Последнее обстоятельство особенно важно для лингвокультурологического исследования, в центре которого оказывается структурно сложный, динамический по своей сути концепт «большой город».

На основании исследованных авторских текстов о Буэнос-Айресе можно и делать выводы о трансформации концепта «город» по диахронической оси, и изучать составляющие концепта в синхронном срезе. Для иллюстрации метода синхронного анализа модально-эмотивного содержания концепта «Буэнос-Айрес» предлагается сопоставить две полярные авторские модальности, представленные в поэтических циклах аргентинских поэтов-современников: “*Veinte poemas para ser leídos en el tranvía*” («Двадцать стихотворений для чтения в трамвае») Оливерию Хирондо (1922 г.) [9] и “*Cuaderno San Martín*” («Сан-Мартинская тетрадь») Хорхе Луиса Борхеса (1929 г.) [10].

Период конца XIX — начала XX вв. в истории Буэнос-Айреса был отмечен интенсивными экономическими процессами в целом по стране, вливанием иностранных инвестиций (главным образом британских), притоком в основном европейской иммиграции и стремительной модернизацией некогда полупровинциальной столицы, описанной в 1885 г. в костумбристском романе Лусио Висенте Лопеса “*La gran aldea*” («Большая деревня») [11].

Менялся облик города: в нем в буквальном смысле не оставалось «пустых мест», то есть тех самых “*baldíos*” («пустырей»), где разворачивались архетипические коллизии аргентинской жизни: там назначали встречу заклятые враги и туда порой забредают случайные жертвы. Были проведены линии метрополитена (арг. “*subte*” — «подземка», сокращенно от “*subterráneo*” — «подземелье»), развивалось наземное сообщение: электричка, автобусы, а с 1914 г. по городу стал ходить первый электрический трамвай. Трамвай (“*tranvía*”, а первоначально: “*tránguay*” — фонетическая калька с английского “*tramway*”), ставший со временем одним из традиционных символов Буэнос-Айреса, способствовал складыванию рабочих кварталов на окраинах города, откуда рабочие добирались до заводских центров Буэнос-Айреса.

Другим историческим символом Буэнос-Айреса стал, так называемый, «конвентильо» (арг. “*conventillo*”) — старинное здание с несколькими патио, площадь которого делили рабочие семьи, как правило, из среды новых иммигрантов. Конвентильо — бывшие особняки — располагались в южной части города, откуда в 1871 г. гонимые эпидемией желтой лихорадки (исп. “*fiebre amarilla*”) зажиточные семьи, хозяева особняков, спешно перебирались на север Буэнос-Айреса. Трагическим памятником того эпизода в южной части города стало новое кладбище — Чакарита (ам. “*chacarita*”, диминутивная форма от слова в языке индейцев кечуа “*chacra*” — «небольшое угодье», «излюбленное место»), где совершались массовые захоронения жертв эпидемии. Город был условно разделен на зоны: южную, где проживали бедняки, и северную с ее фешенебельным Баррио Норте (“*Barrio Norte*” — буквально — «северный квартал»). Средний класс обосновался в кварталах, принадлежащих топографическому центру города: Конгресо, Онсе, Альмагро, Кабаллито и Флорес.

Яркие топографические и социальные контрасты помещают Буэнос-Айрес в центр аргентинской литературы — в 1920–1930-х гг. городскую тему подхватывает течение авангарда (Гонсалес Лануса, Леопольдо Маречаль, Рикардо Гуиральдес, Хорхе Луис Борхес, Оливерию Хирондо и др.). Аргентинский критик Беатрис Сарло так характеризует эту литературу: «В тогдашней художественной идеологии царил дух новизны, определявший эстетическую повестку авангарда» [12, р. 95].

Дух «новизны» значительно затронул как содержательную сторону литературы, так и формальную, однако две эти тенденции не обязательно шли рука об руку, на что также указывает в

своём исследовании Сарло. Радикальный тезис авангардистов об «автономии искусства» подразумевал, в частности, что в своем стремлении к «новому» писатель вполне мог ограничиться использованием художественных приёмов для создания нужного эстетического ракурса. Тексты Оливерิโอ Хирондо и раннего Борхеса наглядно иллюстрируют это положение.

Борхес, родившийся в 1899 г., и Хирондо — в 1891 г., принадлежат к одному поколению, и в обоих поэтических циклах — «Двадцать стихотворений для чтения в трамвае» Хирондо и в «Сан-Мартинской тетради» Борхеса — запечатлен современный авторам город. Однако если Хирондо чутко регистрирует приметы трансформации города, то взгляд Борхеса, напротив, тщательно фиксирует следы традиционного Буэнос-Айреса. Традиционному содержанию концепта «город» у Борхеса соответствует интимный тон его поэтической речи. В речевом субъекте угадываются черты креола (исп. “criollo”) — потомка переселенцев, родившегося на этой земле, а кроме того, коренного жителя столицы, “porteño” («портеньо»), которому знакома и дорога каждая подробность городского быта.

Субъект речи у Хирондо — «человек толпы», особенности которого рассмотрены в теориях психоаналитика З. Фрейда [13], социолога Г. Лебона [14] и культуролога Ортеги-и-Гассета [15]. Субъект обезличен, растворен в разнородности массового города, где перемешиваются расы и стираются границы социальных слоев, и вместе с тем ему присуще обостренное эмоциональное восприятие действительности. Тема современного города выражена у Хирондо через кажущееся отсутствие модальности, которое играет здесь роль «минус-приема» в терминологии Ю. М. Лотмана [16]. Было бы, однако, ошибкой утверждать, что современный Буэнос-Айрес лишен в его поэзии исторического измерения. Хирондо, чей род происходит от старинной баскской знати, не меньший «портеньо», чем Борхес, и потому в своем поэтическом дискурсе он отталкивается от тех же традиционных составляющих Буэнос-Айреса как концепта (жизнь кварталов, танго и т. д.), но идет дальше, преломляя их в аффективном восприятии «человека толпы».

Стихотворные циклы Борхеса и Хирондо, столь различные на первый взгляд, диалогичны между собой. Первое, что обращает на себя внимание, это значение пространственно-временных рамок в произведениях обоих авторов. Причём если Буэнос-Айрес Борхеса последовательно «вписан» в контекст времени, то Буэнос-Айрес Хирондо — в контекст пространства.

Первые строки «Сан-Мартинской тетради» Борхеса рисуют историю основания Буэнос-Айреса, уходящую в глубь веков, где стирается грань между реальностью и мифом:

Y fue por este río de sueñera y de barro
que las proas vinieron a fundarme la patria?
<...>
Lo cierto es que mil hombres y otros mil arribaron
por un mar que tenía cinco lunas de anchura
y aun estaba poblado de sirenas y endriagos
y de piedras imanes que enloquecen la brújula.
“Fundación mítica de Buenos Aires” [10, с. 81]
Разве эти дремотные, мутные воды речные
принесли сюда шхуны отцов-основателей наших?
<...>
Вернее, тысяча мужчин приплыли
по морю шириной в пять лун: под килем
кишели в бездне водяные и русалки,
а стрелка компаса близ валунов плясала¹.
«Миф об основании Буэнос-Айреса»

Буэнос-Айрес Хирондо показан в ряде городов обоих полушарий Земли: Брест, Рио-де-Жанейро, Венеция, Дакар, Севилья, Биарриц, Париж, Палланца, Верона. Прихотливость авторского выбора, очевидно, объясняется тем, что именно в этих городах он побывал в юные годы, когда ему довелось попутешествовать по свету. В объёме цикла аргентинской столице отведено

¹ Автор статьи знакома с переводами Борхеса Б. А. Дубина, ставшими классикой русскоязычной литературы. Тем не менее в интересах данного лингвокультурологического исследования автор предлагает собственный перевод стихотворений, максимально приближенный к оригиналу. Некоторые поэтические тексты Борхеса и Хирондо в настоящей статье впервые представлены на русском языке.

скромное место, однако в структуре произведения оно — центральное.

Буэнос-Айрес оказывается на пересечении культурных влияний всего мира. Интересно, что пространственная парадигма задается Хирондо в первом же стихотворении — через описание знаменитого произведения живописи, созданного во французском городке Дуарнене, а именно «Бретонского пейзажа» Поля Гогена.

Douarnenez,
 en un golpe de cubilete,
 empantana
 entre sus casas como dados,
 un pedazo de mar,
 con un olor a sexo que desmaya.
“Paisaje Bretón” [9, p. 78]
 Дуарнене
 опрокинул стакан
 и пролил на сукно,
 промеж кубиков-хижин,
 лоскут синего моря,
 умопомрачительно пахнущий сексом.
«Бретонский пейзаж»

Неслучайно и у Борхеса, и у Хирондо мы встречаем образ залива или реки-моря (широкой, как море, реки Ла-Платы) — центральную мифологему аргентинской культуры [17, с. 174].

Для пространственно-временной картины мира Борхеса характерны непрерывность, слитность, единство.

Fue una manzana entera y en mi barrio: en Palermo.
 Una manzana entera pero en mitá del campo,
 expuesta a las auroras y lluvias y suestadas.
“Fundación mítica de Buenos Aires” [10, p. 81]

Так и мой зародился квартал, и был назван Палермо:
 вначале лишь горстка домов среди чистого поля,
 открытая зорям, и ливням, и юго-восточному ветру.
«Миф об основании Буэнос-Айреса»

Очень точно замечание переводчика Бориса Дубина о том, что за домами борхесовского Буэнос-Айреса всегда видно небо. Поэт запечатлел родной квартал Палермо, который вплоть до наших дней сохраняет архитектурный облик конца XIX — начала XX вв. с его одноэтажными зданиями. По словам жителей Буэнос-Айреса, на здания начала прошлого века так и следует смотреть: снизу вверх, скользя взглядом по карнизу, где сохранилась старинная лепнина, а чуть выше — видно небо.

Характерная для Борхеса этого периода фонетическая транскрипция аргентинской речи в первую очередь передаёт эмотивное содержание поэтического высказывания. За образом открытого поля стоит основополагающий для аргентинской культуры концепт “campo” (исп. «поле», «сельская местность») — как антитезы “ciudad” («город»). Эта антиномия разрешается в описании прибрежного городского района Палермо, выросшего посреди поля на берегу реки (исп. “en las orillas”). Ещё один способ выражения эмоциональной связи с родным кварталом — персонификация Палермо путём использования в обращении к нему местоимения “vos” («ты» в аргентинском варианте испанского языка).

Palermo del principio, vos tenías
 unas cuantas milongas para hacerte valiente...
“Elegía de los Portones” [10, p. 82]

Палермо, помнишь, на милонгах
Бравировал ты дерзостью танцора...
«Элегия о городских воротах»

Борхес любит укромные места города, например, площадки, где проходили танцевальные вечера — милонги. А Хирондо, напротив, — площади, где бурлит современная жизнь. Пространственной картине Хирондо свойственна типично модернистская фрагментарность.

“En el fondo de la calle, un edificio público aspira el mal olor de la ciudad.
Las sombras se quiebran el espinazo en los umbrales, se acuestan
para fornicar en la vereda.
Con un brazo prendido a la pared, un farol apagado tiene la visión
convexa de la gente que pasa en automóvil.
Las miradas de los transéuntens ensucian las cosas que se exhiben
en los escaparates, adelgazan las piernas que cuelgan bajo
las capotas de las victorias.
Junto al cordón de la vereda un quiosco acaba de tragarse una mujer.
Pasa: una inglesa idéntica a un farol. Un tranvía que es un colegio
sobre ruedas. Un perro fracasado, con ojos de prostituta
que nos da vergüenza mirarlo y dejarlo pasar.
De repente: el vigilante de la esquina detiene de un golpe de batuta
todos los estremecimientos de la ciudad, para que se oiga un solo susurro,
el susurro de todos los senos al rozarse”.
“*Pedestre*” [9, p. 80–81]

«Общественное здание в конце улицы вбирает в себя зловоние
со всего города.
Тени преломляют хребты о пороги, сплетаются в объятиях на тротуаре.
Опершись одной рукой о стену, выключенный фонарь
проводит выпуклым взглядом проезжих автомобилистов.
Взгляды пешеходов пачкают вещи, выставленные напоказ
в витринах, ласкают ножки, украдкой выглядывающие из экипажей.
Киоск на краю тротуара только что заглотнул женщину целиком.
Мимо нас: англичанка, вылитая водонапорная башня.
Трамвай, он же школоты на колёсах. Отщепенец пёс
с глазами проститутки, стыдно смотреть и совестно мимо пройти.
Внезапно: регулировщик на углу одним взмахом дирижёрской палочки
усмиряет дрожь города, и шёпот повисает в тишине:
это шуршание тесной одежды при всеобщем трении тел».
«*Пешеход*»

В приведённом отрывке город хаотически отражается в осколках взглядов автомобилистов, случайных прохожих, собаки, регулировщика уличного движения, бесконечно множится в витринах магазинов и в фонарном стекле. Соответственно, образы городских персонажей и узнаваемые приметы Буэнос-Айреса, обозначенные словами “vereda” («тротуар»), “tranvía” («трамвай»), “farol” («фонарь») и др., содержащими национальные эмотивные коннотации, находят взаимное метонимическое отражение.

Перспектива Борхеса, напротив, линейна, естественна. Это взгляд «поверх карнизов», принадлежащий жителю Палермо: взгляд движется от предмета к предмету, как, например, в стихотворении “Curso de recuerdos” [10, с. 84–86] («Путь воспоминаний»).

Достаточно привести первую строку строф этого текста:

Recuerdo mío del jardín de casa...
Вспоминается сад во дворе нашего дома...

Palmera la más alta de aquel cielo...
Пальма, выше которой было только небо...

Y conventillo de gorriones...
И конвентильо, воробыная обитель...

Molino colorado...
Красная мельница...

El almacén, padrino del malevo...
Кабак, где крестили головореза...

В этих строках запечатлён исконный колорит Буэнос-Айреса: общежитие “conventillo” (арг.); “almacén” (арг.) — не поддающийся точному переводу концепт, заведение начала XX в., совмещавшее в себе лавку, где торговали всем необходимым, и кабак, вокруг которого вращалась жизнь квартала; “padrino” — крестный отец мафии; головорез “malevo” (арг.) — гроза квартала. Среди эмоционально окрашенных аргентинизмов выделяется в этом стихотворном цикле слово “parecita” — уменьшительная форма от слова “pared” («стена»), распространённая в странах бассейна Ла-Плата.

Esa higuera que asoma sobre una parecita
se lleva bien con mi alma...
“Elegía de los portones” [10, с. 82]

Смоковница, что приклонила голову к стене,
она с душой моею неразлучна...
«Элегия о городских воротах»

Наконец, Борхес усиливает эмотивный потенциал образа при помощи приема метонимического сжатия из арсенала ультраистов², к которым поэт в тот период себя причислял.

Un almacén rosado como revés de naipe
brilló y en la trastienda conversaron un truco...
“Fundación mítica de Buenos Aires” [10, p. 81]

Кабачок на углу розовел, словно карты рубашка,
А внутри кумовья совещались в картишки...
«Миф об основании Буэнос-Айреса»

В приведённом фрагменте питейное заведение сравнивается с оборотной стороной игровой карты; его завсегдатаи опять-таки заняты карточной игрой и т. д. Аргентинизмы “almacén” (одновременно кабак и продуктовая лавка) и “truco” (популярная в старой Аргентине испанская карточная игра) взаимно усиливают свое концептуальное значение, переплавляясь в единый образ вечернего города.

Chacarita:
desaguadero de esa patria de Buenos Aires, cuesta final,
barrio que sobrevives a los otros, que sobremueres...
«Muertes de Buenos Aires» [10, p. 90]

Чакарита отечества моего:
водосток Буэнос-Айреса, счет последний к уплате,
квартал, чьи мертвецы переживут собратьев.
«Мертвые Буэнос-Айреса»

² Ультраизм — литературное течение, зародившееся в Испании в начале XX в. и получившее распространение в Латинской Америке, в рамках которого испаноязычная словесность осваивала формальные принципы и приёмы, возникшие в лоне европейского авангардизма.

Здесь опять же использован приём метонимического сжатия. В разгар смертоносной жёлтой лихорадки, в 1871 г. квартал Чакарита дал имя новому кладбищу. В стихотворении это кладбище бедняков — на сегодняшний день крупнейшее в Латинской Америке — так и названо “barrio” («квартал»), где находят последнее пристанище соотечественники Борхеса.

Подобно Борхесу, Хирондо оперирует узловыми в культурной картине мира аргентинцев понятиями “barrio” («квартал», где и по сей день в кругу родственников и соседей протекает большая часть жизни аргентинца), “vereda de enfrente” (“vereda” — в аргентинском варианте испанского обозначает тротуар, то есть буквально выражение означает «противоположный тротуар»), “bandoneón” («аккордеон»), однако намеренно подвергает их контаминации, разрушая устоявшуюся эмотивную связь предметов, составлявших некогда быт города. Так, в стихотворении “Milonga” («Милонга») Хирондо покушается на святая святых — традиционный инструмент исполнителей танго, сравнивая его со «слюнявым червяком».

“Sobre las mesas, botellas decapitadas de «champagne» con corbatas blancas de payaso, baldes de níquel que trasuntan enflaquecidos brazos y espaldas de «cocottes».

El bandoneón canta con esperezos de gusano baboso, contradice el pelo rojo de la alfombra, imanta los pezones, los pubis y la punta de los zapatos”.

“Milonga” [9, p. 89]

«Обезглавленные бутылки «шампанского» в шутовских белых галстуках красуются на столиках в никелированных ведерках, в чьих гладких боках отражаются тощие руки и спины «кокотов».

Акордеон затягивает песню, слюнявым червем выгибаясь против пурпурного ворса ковра, намагничивая груди, лобки и носки туфель».

«Милонга»

Разрушается ли таким образом до основания эмотивная семантика слова “bandoneón” («аккордеон»)? Скорее, пользуясь известным термином В. Б. Шкловского, мы имеем дело с приёмом отстранения [18, с. 17], когда привычные модальные отношения нарушаются, за счёт чего преодолевается «автоматизм» восприятия образа Буэнос-Айреса. Разными стилистическими средствами поэты Борхес и Хирондо решают одну и ту же задачу: актуализировать национальное эмотивное содержание концепта, когда традиционный город уходит в прошлое, отыскать в лексико-семантическом поле «большой город» место понятиям “barrio” («квартал») и “la vereda de enfrente” («другая сторона улицы»).

В заключение следует отметить, что анализ концептов национальной культуры, имеющих историческое измерение, таких как «большой город» в картине мира аргентинцев, неполон без рассмотрения их на всех семантических уровнях: лингвистическом, экстралингвистическом и эмоционально-экспрессивном. А выявление эмоциональных коннотаций иностранных слов и выражений, в свою очередь, углубляет культурную эмпатию русскоязычного исследователя и переводчика.

Литература / References

1. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. С. 3–8.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
3. Грамматика современного русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1970. С. 767.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. С. 896.
5. Borges J. L. El idioma de los argentinos. Ediciones Nepetus. P. 61. — URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/498411/mod_resource/content/1/-El-Idioma-de-Los-Argentinos%2C%201928Ensayo.pdf (дата обращения: 24.02.2018).
6. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. — Волгоград: Волгоградский пед. ин-т, 1990. С. 29–40. — URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml (дата обращения: 24.02.2018).

7. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Либроком, 2009. С. 144.
8. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980.
9. Girondo O. Textos selectos. — Buenos Aires: Corregidor, 2007. P. 128.
10. Borges J. L. Obras completas. — Buenos Aires: Emecé Editores, 1974. P. 1161.
11. López L. V. La gran aldea. — Buenos Aires: Longseller, 2007. P. 320.
12. Sarlo B. Una modernidad periférica: Buenos Aires 1920 y 1930. — Buenos Aires: Ediciones Nueva Visión, 2007. P. 248.
13. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». — М.: Академический проект, 2014. С. 120.
14. Лебон Г. Психология народов и масс. — М.: АСТ, 2000. С. 320.
15. Ortega y Gasset J. La rebelión de las masas y otros ensayos. — Madrid: Alianza, 2014. P. 443.
16. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М.: Гносис, 1995. С. 17–263.
17. Ларикова Ю. А. Концепт «город» в аргентинской литературе: лингвокультурологический аспект // Филологические науки в МГИМО. — 2009. — № 37. — С. 174–183.
18. Шкловский В. Б. Искусство как прием // О теории прозы. — М.: Федерация, 1929. С. 7–23.

Агрба Амина

Ретроспективный анализ становления и развития рекламы как социокультурного феномена в Испании

Амина Алексеевна Агрба,
аспирант, МГИМО МИД России.
comestas@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления и развития рекламы в Испании. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью испанской рекламы как социокультурного феномена, а также необходимостью комплексного культурологического анализа ее особенностей. Полученные данные могут внести вклад в изучение национально-культурного своеобразия испанского мировидения, а также послужат стимулом для дальнейших исследований в этой сфере. Цель исследования – провести ретроспективный анализ рекламной деятельности в Испании с учетом исторических и социокультурных реалий. Достижение поставленной цели требует выполнения задачи осмысления социокультурных истоков возникновения рекламы в Испании и определения этапов её развития. Методологическую базу исследования составляют работы по истории и культуре Испании. Информационной базой для исследования послужила специальная литература по рекламе, истории, культурологии, философии, а также статьи в периодических изданиях и электронных Интернет-источниках. Исследованием рекламы как интегрального феномена культуры, связанного с ценностными ориентациями и традициями народов, занимались многие исследователи, в частности Р. Барн, М. Фуко, У. Эко, П. Бурдье, Б. Малиновский, К. Леви-Строс, Э. Тайлор и др. Разделяя предложенную ими точку зрения, в рамках статьи мы обратимся к ретроспективному анализу становления и развития рекламы как социокультурного феномена в Испании.

Ключевые слова: реклама, Испания, история рекламы, испанский театр, коррида, реклама в печатных изданиях, реклама и кинематограф, современная реклама.

Retrospective analysis of the formation and development of advertising as a socio-cultural phenomenon in Spain

Abstract. the article examines the main stages of formation and development of advertising in Spain. The relevance of the research is determined by the lack of study of Spanish advertising as a socio-cultural phenomenon, as well as the need for a comprehensive cultural analysis of its features. The obtained data can contribute to the study of national and cultural originality of the Spanish worldview, as well as serve as an incentive for further research in this area. The aim of the study is to conduct a retrospective analysis of advertising activities in Spain, taking into account historical and socio-cultural realities. The basic tasks are to understand the socio-cultural origins of advertising in Spain and to determine the stages of its development. The methodological basis of the study consists of works on the history and culture of Spain. The special literature on advertising, history, cultural studies, philosophy, as well as articles in periodicals and electronic Internet sources served as an information base for the study. A study of advertising as an integral

cultural phenomenon associated with the values and traditions of the peoples studied by many researchers, in particular R. Barth, M. Foucault, U. Eco, P. Bourdieu, B. Malinowski, C. Lévi-Strauss, C. Taylor. Sharing their proposed ideas this article refers to the retrospective analysis of formation and development of advertising as a sociocultural phenomenon in Spain.

Keywords: advertising, Spain, history of advertising, Spanish theater, bullfighting, advertising in print media, advertising and cinema, modern advertising.

Реклама и коррида

История рекламы тесно вплетена в развитие человеческого общества, в процессы социализации, а также формирования такого явления, как массовая информация. Часто появление рекламы ассоциируют с зарождением товарно-рыночных отношений, однако история возникновения и развития рекламы в Испании вряд ли связана исключительно с коммерческой деятельностью. Испания — страна праздников, зрелищ, карнавалов, ярмарок, а любые массовые мероприятия требуют широкого информирования, привлечения масс. Поэтому представляется логичным, что появление рекламы в Испании связано с самим менталитетом испанцев, с их экстравертным характером, коллективизмом и особым видением мира как fiestas, а значит, она имеет давнюю историю. Жизнь — это праздник, гласит испанская народная пословица, а каждый день — приглашение к нему.

Становление и широкое развитие рекламы в Испании прежде всего связывают с настоящей страстью испанцев — корридой, чьи арены (*plazas de toros*) стали для народа той площадкой, на которой он почувствовал себя хозяином и законодателем. Коррида (*tauromaquia* / *тавромахия* — искусство боя быков) является неотъемлемой частью испанской культуры, одной из главных ее ценностей. Это целая субкультура, которая нашла отражение в языке, фольклоре, художественной литературе, кино, искусстве и, конечно, в рекламе. Любое слово, связанное с корридой, образ быка, тореро и всех мельчайших элементов, связанных с этим магическим действием, мгновенно на генном уровне рождают в умах испанцев богатейшие ассоциации, поэтому реклама активно эксплуатирует образы корриды.

В частности, изображение быка используется практически во всех видах рекламы в Испании. На фоне цветов национального флага он является главным символом испанских болельщиков на спортивных мероприятиях, образ быка используется как отличительный знак военнослужащими Испании при выполнении воинского долга в интернациональных миссиях, он также является объектом борьбы националистически настроенных групп граждан Испании, так как является предметом идентичности. Как отмечает Е. В. Астахова, «коррида — это страсть, pasión. Танец быка и тореро воспринимается в массовом сознании как противостояние дикой, непокорённой природы и человека. Само понятие «бык» отражает специфические черты менталитета испанского этноса и продолжает оставаться культурно-значимым в национальном мировидении. Для испанца бык — благородное животное, часть традиции, национального праздника» [1, с. 289].

Образ быка, вышедший из первых плакатов, рекламировавших корриду, и растражированный сегодня по всему миру, приобрел дополнительную символическую нагрузку. По мнению Эрнандес Флорес (Hernandez Flores), «речь уже идёт не только о продаже товара, но и формировании новых культурных моделей, социальных или даже идеологических ценностей» [2, р. 119].

Реклама и испанский национальный театр

Говоря о рекламе в Испании нельзя обойти тему театрального искусства этой страны. Связь рекламы с театральной традицией в Испании отмечена национальным своеобразием и имеет глубокие исторические корни. Именно театр стал отдушиной для народа в эпоху развала испанской империи. Испанский театр не только удовлетворил потребность людей в зрелищах, но, учитывая социокультурный контекст той эпохи, стал площадкой для воспитания и просвещения масс [3, р. 382–406]. Эту же мысль разделяет Е. В. Астахова: «Театр отражал и одновременно формировал систему ценностей и модель поведения, видение мира» [1, с. 288].

Богатство театральных традиций в Испании, а также массовое увлечение испанцев театром впоследствии оказало влияние и на рекламную деятельность. В испанской рекламе много театральных элементов. Например, нельзя не заметить влияние на развитие испанской рекламы такого традиционного театрального жанра, как комедийно-бытовая сарсуэла (*zarzuela*). Специалисты отмечают, что интонация в испанской рекламе часто неестественно восторженная, при обилии восклицательных предложений. Помимо этого, фонетические характеристики испанской рекламы включают в себя частое музыкальное сопровождение и шумовые эффекты. Напомним, что сарсуэла — жанр, сочетающий в себе разговорный и музыкальный тип театра, восходящий к комической миниатюре и комедии нравов с элементами национального фольклора и танца. Интересно, что даже при создании социальной рекламы испанские специалисты предпочитают транслировать серьезные проблемы, волнующие общество, прибегая к иронии, перформансам, карнавализации, театрализации, гиперболам, комиксам и иным игровым формам.

Реклама в печатных изданиях

Согласно исследованиям, в XVII в. в Европе появились первые печатные издания рекламного содержания, а также первые афиши. В Испании в 1758 г. стал выходить «El Diario de Madrid» («Мадридский ежедневник»), изначально известный как «Diario Curioso, Erudito y Comercial, Público y Económico». Помимо текстов, стихотворений, освещения актуальных событий, там впервые появились объявления о трудоустройстве и коммерческие предложения [4].

В XIX в. рекламная отрасль претерпела серьезные изменения, так как появились первые иллюстрированные печатные издания. В испанских театрах XIX в. стало обычным явлением увидеть красиво декорированные рекламные афиши коммерческого содержания, привлекавшие внимание и манившие в волшебный мир диковинных товаров. Постепенно газетные издания и цветные репродукции стали более доступными, началось их массовое производство и распространение. Появилась также наружная реклама, представленная ярко оформленными вывесками, украсившими улицы испанских городов.

Возникли также первые рекламные агентства. Первое рекламное бюро было основано Педро Анхелем де Тарасоном (Pedro Ángel de Tarazón) и функционировало как регистратура, где собирались объявления, которые позже публиковались как ежедневник. Мануэль де Санта Анна (Manuel de Santa Ana) стал первым рекламным агентом в Испании, который открыл в 1853 г. агентство «La Correspondencia de España», предоставлявшее материалы в СМИ. В 1857 г. в Барселоне было открыто агентство «Roldós y Cía». Позже в Мадриде в 1891 г. была основана компания «Hijos de Valeriano Pérez». В последующие годы появились «Publicitas» (Мадрид, 1922 г.), «Publicidad Gisbert» (Мадрид, 1925 г.), «Los Tiroleses» (Мадрид, 1931 г.) [5]. Таким образом, рекламная деятельность в Испании в связи с распространением печатного производства быстро набирала обороты.

Одной из наиболее важных фигур, способствовавших профессиональному становлению рекламы в Испании, безусловно, является Педро Прат Габалли (Pedro Prat Gaballí). В 1913 г. он основал журнал «Comercio», который был посвящен вопросам рекламной деятельности. С 1915 по 1916 гг. он читал лекции о печатной рекламе под названием «Научная реклама (новая техника)». В это же время он открыл свое рекламное агентство «Fama», а в 1918 г. выпустил журнал с таким же названием. В 1920-е гг. вокруг Прата Габалли и других деятелей рекламы сформировалось профессиональное объединение, которое в 1928 г. получило название «Ассоциация рекламных исследований». Члены этой ассоциации стали принимать участие в международных мероприятиях. После окончания гражданской войны 1936–1939 гг. ассоциация возобновила свою деятельность и создала специальное отделение «Продвижение декоративного искусства», которое позже стало называться «Рекламный круг».

Реклама и кинематограф

Кинематограф внес глобальные изменения в индустрию рекламы. Он стал логичным шагом для дальнейшего развития рекламы в Испании, так как испанские рекламодатели, а также кинематографисты были заинтересованы в продаже своей продукции широкой аудитории. Новый вектор в развитии рекламы был обусловлен прежде всего широтой охвата аудитории, которую предоставлял кинематограф. Если раньше реклама была локализована, то с распро-

странением кино среди широких масс её география увеличилась: производители поняли, что теперь они могут распространять информацию о своих товарах за многие километры от места производства.

Первые кинопремьеры были развлечением для состоятельной публики, а сами фильмы рисовали жизнь богатых аристократов, и к этому экранному образу красивой жизни стремились многие. Испанские рекламодатели сразу почувствовали коммерческую выгоду от рекламы в кино, ведь кино давало возможность демонстрировать товары огромному количеству людей, желавших красивой жизни. В это же время и кинематографисты увидели в этом источник прибыли. Немало пионеров испанского кино прибегали к рекламе для финансирования своих фильмов. К примеру, известный в то время режиссер Фруктуос Хелаберт (Fructuos Gelabert) снял по заказу владельца молочной фермы фильм под названием «*Los guapos de la vaquería del parquet*» (1905 г.) [6, p. 23].

Р. Бори и И. Гардо, выдающиеся рекламные деятели Испании, еще в 1931 г. говорили о кино как о важнейшем и эффективнейшем средстве распространения рекламы. Они называли первые фильмы, содержавшие информацию рекламного характера, «*filma documental*» (документальный фильм) [7, p. 188]. К примеру, известный испанский режиссер Рамон де Баньос (Ramón de Baños) — пионер кино Каталонии — прибегал к такого рода «меценатству» для финансирования своих «документальных» фильмов. Отметим, что рекламные фильмы разрабатывались как небольшие истории, сделанные специально, чтобы представить какой-либо бренд или продукт. «Фильмы на заказ», сделанные специально для рекламодателя, были продолжительностью, как правило, свыше минуты и иногда включали даже заголовки и специфические титры.

Со временем реклама стала занимать все более заметное место, появились фильмы, сделанные исключительно для рекламы. Бори и Гардо называли такие фильмы «*escenificadas*», то есть инсценированными, постановочными, или «*publicidades colectivas*» (собираательная реклама), так как в фильмах была представлена продукция сразу нескольких производителей [7, p. 621–622].

Некоторые рекламодатели пользовались любой возможностью, которую им давал кинозал, для рекламы своих товаров и услуг. Все пространство театров внутри и вокруг было задействовано под рекламные цели (витрины театра, афишные тумбы и даже занавес). Реклама создавалась как киношоу, и её демонстрировали не только в кинозалах и театрах, но и на коммерческих предприятиях. На этот случай находили экран небольшого размера и зал, где могли разместиться рабочие.

Реклама в XX веке

Гражданская Война в Испании, как и следовало ожидать, серьезно затормозила процесс развития рекламы. После войны, в годы голода, не было средств на создание рекламы, однако она полностью не исчезла. «Некоторые рекламодатели поняли, что необходимо продолжать вкладывать средства в рекламу с тем, чтобы отличаться от конкурентов и демонстрировать свое превосходство над конкурентами, которые в ходе гражданской войны не могли позволить себе создавать рекламу» [8, p. 90].

В XX в. изменилась не только технология создания и подачи рекламы, но с развитием маркетинга появились особые манипулятивные способы воздействия через неё. Реклама стала одним из важнейших компонентов маркетинга. Улучшилась презентация, эстетика, появилось звуковое, музыкальное сопровождение. Изменилось не только качество, но и содержание рекламы.

Во второй половине XX в. происходит настоящий прорыв на рекламном рынке Испании. Этап модернизации экономики Испании в начале 1950-х гг. сыграл исключительно важную роль в развитии рекламного бизнеса. Нормализация отношений Испании и США в 1953 г. привела к распространению американской рекламы и переориентации общества на потребление. Растущая экономика в 1950-е гг. способствовала тому, что киноиндустрия получила новый импульс развития. Не менее важным было и сотрудничество братьев Моро с компанией «Linten». Эти факторы привели к тому, что индустрия рекламы в Испании в тот период развивалась весьма успешно, и на протяжении последующих нескольких десятилетий испанские рекламисты совершили настоящий прорыв в индустрии. Они получали самые престижные в мире премии в области создания рекламы. В частности, за сравнительно короткий период времени производители рекламы из Испании завоевали: в 1989 г. — 24 Каннских льва и Гран-при (рекламное агентство «Contrapunto»); в 1992 г. — 12 Каннских льва и Гран-при (агентство «Casadevall

у Pedreño»); в 1993 г. — 20 Каннских льва — одинаковое количество с США и Англией; в 1997 г. — 18 Каннских льва. Несмотря на ограниченность ресурсов, Испания всегда демонстрировала успехи в рекламном бизнесе, потому что рассматривала рекламный бизнес не только как коммерческую сферу деятельности, но и как искусство [9, р. 21].

Еще одна важная веха для понимания развития рекламной индустрии в Испании — это появление «социальной рекламы». Это тип рекламы, возникший в США в начале XX в., перевернул представление людей о рекламе. Реклама стала обладать новой функцией. Теперь она могла заставить задуматься не только о потребительских интересах, но и об общественно значимых проблемах, помогать решать социальные вопросы, волнующие общество, просвещать и, наконец, привлекать внимание к культурным, моральным, этическим, общечеловеческим ценностям. Реклама стала выполнять коммуникационную, психологическую, социальную, культурно-познавательную функцию. Появился термин «некоммерческий маркетинг», или «социальный маркетинг» [10], который был призван стать эффективным способом изменять поведение людей в целях повышения их благополучия, а также оздоровления общества [10; 11].

Социальная реклама тут же привлекла пристальное внимание испанцев благодаря своей необычности, уникальности, новизне. Испанские рекламисты сразу поняли, что реклама превратилась из рупора торговли в социально значимый механизм формирования гражданского самосознания, правильных ценностных ориентиров и общественно одобряемых поведенческих установок. Они осознали, что социально ориентированная реклама оказывает серьезное влияние на культурное развитие население, популяризирует знания, создает благоприятную комфортную социокультурную среду. Более того, некоммерческие организации и социальные институты стали охотно выделять солидные бюджеты на создание и продвижение социальной рекламы, что, безусловно, позитивно сказалось на развитии всей рекламной отрасли. Так постепенно реклама стала восприниматься как социокультурный феномен.

Реклама в XXI веке

Конец XX в. ознаменовал наступление эры цифровых технологий, которая также существенно повлияла на развитие индустрии рекламы в Испании, породив новые возможности для создания и продвижения рекламы. Одним из наиболее перспективных пространств для рекламы стало цифровое пространство, Интернет. Новые технологии способствовали эволюционному развитию наружной рекламы: на улицах больших городов стали в массовом порядке появляться огромные светодиодные транслирующие экраны, реклама стала восприниматься как арт-объект, рекламные кампании превратились в перформансы, и сегодня уже никто не сомневается в том, что реклама стала частью современного искусства. Особенно ярко эта тенденция отражается на производстве рекламы в Испании, где выделяются солидные бюджеты на развитие рекламной деятельности, усовершенствование технологий (компьютерной графики, мультимедиа), а также подготовку специалистов. Вместе с тем нельзя не признать, что, к сожалению, тяжелейший экономический кризис в Испании 2008–2014 гг., оказал негативное воздействие на рекламный бизнес в стране. В первую очередь это было связано с серьезным урезанием бюджета рекламных компаний, приведшим к значительной потере рабочих мест в этой индустрии.

Одной из особенностей рекламного бизнеса последних 10–15 лет стало создание международной сети рекламных агентств, что привело к интенсивному развитию международных связей, способствуя обмену международным опытом. Если в начале 1980-х гг. доминирующее положение на мировых рынках занимали американские компании, то с середины 1980-х гг. рынок рекламных услуг начал трансформироваться в связи с формированием нового общеевропейского рынка, объединившего более 320 млн покупателей. «Как живой организм, реклама развивается и адаптируется в новых культурных контекстах, в которых разворачивается его действие» [12, р. 102].

Проанализировав историю создания и развития рекламы в Испании, мы пришли к выводу о том, что, несмотря на процессы глобализации и интернационализации отраслей средств массовой информации, делающие рекламу более унифицированной и монолитной, испанской рекламе удаётся сохранять своё лицо, свою уникальность. На протяжении своей истории она отличается особым национальным колоритом, отражает менталитет и этноспецифику своего народа не только при помощи визуальных средств, но и благодаря ценностно-содержательным компонентам. Несмотря на то, что сегодня реклама становится транснациональной сферой де-

тельности, есть надежда, что испанские рекламисты, отличающиеся особым видением цели и творческим потенциалом, сумеют сохранить традиции и уникальность испанской рекламы, делающие её узнаваемой во всём мире.

Литература / References

1. *Астахова Е. В.* Праздник в национально-культурном мировидении Испании // Вестник МГИМО-Университета. — М.: МГИМО, 2014. С. 285–298.
2. *Hernández Flores N.* (2011): Actividades de imagen, identidad de ideología en la publicidad editorial impresa // *Poch D., Alcoba S.* (eds.). Cortesía y publicidad. Barcelona: Ariel Letras. 272 p.
3. *Maravall J. A.* (1991), La función educadora del teatro en el siglo de la Ilustración // Estudios de la historia del pensamiento español (siglo XVIII). Madrid. P. 382–406.
4. Periódicos más antiguos del mundo. — URL: <http://artigoo.com/periodicos-antiguos-mundo> (дата обращения: 25.01.2018).
5. Algo de historia de la publicidad. — URL: <https://www.taikosolutions.com/component/zoo/item/algo-de-historia-de-la-publicidad.html> (дата обращения: 25.01.2018).
6. Cebollada y Rubio (1996): Enciclopedia del cine español, Barcelona, Editorial del Cerbal.
7. *Bori R. y Gardo J.* (1931): Tratado completo de Publicidad y Propaganda, Barcelona, José Montesó Editor.
8. *Sánchez Galán M. B.* (2010): La publicidad y la imagen en movimiento: primeros pasos del cine publicitario en España *Pensar la Publicidad*, vol. IV, nº 1, pp. 79–96.
9. *Moreno Cardenal L.* Historia de la publicidad // Resumen Publicidad en España. — URL: https://alojamientos.uva.es/guia_docente/uploads/2013/458/42847/1/Documento91.pdf (дата обращения: 25.01.2018).
10. *Dibb S. and Carrigan M.* (2013): Social marketing transformed: Kotler, Polonsky and Hastings reflect on social marketing in a period of social change, *European Journal of Marketing*, Vol. 47 No. 9, pp. 1376–1398.
11. *Andreasen, A. R.* (1994): Social marketing: Its definition and domain, *Journal of Public Policy & Marketing*, 13(1), pp. 108–114.
12. *Bermejo Berros, J.* (2013): Nuevas estrategias retóricas en la sociedad de la neopublicidad, *Icono 14*, volumen 11 (1), pp. 99–124.

Mósina Sofía

Ciberdemocracia: un fenómeno nuevo en la política y la sociolingüística de España

Sofía Mósina, Doctoranda,
Universidad MGIMO, Rusia.
sophiemosina@yandex.ru

Resumen. En el artículo se investiga el fenómeno de la ciberdemocracia como nuevo tipo de la política en España, se destacan sus rasgos particulares, se analizan sus definiciones existentes y a base de ellas se propone una exposición propia. El fenómeno de la ciberdemocracia también se estudia desde el punto de vista de la sociolingüística, con el resumen breve de estudios españoles sobre el tema. Además, se presenta una lista de palabras aparecidas en el discurso mediático gracias al nuevo fenómeno, así como se dan ejemplos de manifestaciones de la ciberdemocracia en la vida social de España.

Palabras clave: democracia, ciberdemocracia, sociolingüística, tecnologías de información y comunicación (TICs), neologismos.

Cyberdemocracy: a New Phenomenon in Politics and Sociological Linguistics in Spain

Abstract. The article analyses cyberdemocracy as a new kind of politics in Spain, presents its key features and provides a comprehensive definition of cyberdemocracy on the basis of the existent ones. The phenomenon of cyberdemocracy is also analysed in the context of sociological linguistics, with a brief review of Spanish researches on the respective issue. A list of neologisms that appeared in the Spanish media discourse due to a new phenomenon is given, and a number of examples of cyberdemocracy manifestations in the social life of Spain are provided.

Keywords: democracy, cyberdemocracy, sociological linguistics, Information and Communication Technologies (ICT), neologisms

Introducción

El artículo plantea explorar la ciberdemocracia no sólo como nuevo tipo de la política en España, en particular en su región de Cataluña, sino como fenómeno que atrae la máxima atención de la sociolingüística española.

El **objeto** del estudio son los rasgos particulares de la ciberdemocracia en España. La **meta** del trabajo es escudriñar el fenómeno multifacético de la ciberdemocracia. Las **tareas** del estudio son proporcionar una definición completa de la ciberdemocracia, analizar sus manifestaciones en la vida social de España, analizar el fenómeno desde el punto de vista de la sociolingüística, destacar los rasgos particulares del discurso de los políticos en la época de la ciberdemocracia.

Los **métodos del estudio** son el de comparación (se comparan diferentes definiciones de ciberdemocracia), el análisis sistémico y el método estructural y funcional (el artículo presenta un análisis de la ciberdemocracia como sistema con sus funciones). Entre los **materiales del estudio** se destacan varias tesis doctorales de los investigadores españoles, materiales oficiales de los partidos políticos de España y artículos de los lingüistas y los politólogos españoles.

Ciberdemocracia, sus particularidades y rasgos típicos

El fenómeno de la ciberdemocracia es el fruto del siglo XXI, de la época digital. El mismo término en su sentido más amplio se define en las obras de los investigadores españoles, por ejemplo, de Eloísa Díaz Muñoz, entendido como “sistema político que se forma a través de las nuevas TIC’s” [1, p. 254]. También se nota que entre dichas TIC’s Internet es sólo la más destacada, pero no la única. Pérez Tapias añade a la lista las comunicaciones vía satélite y de telefonía, así como los medios audiovisuales [2].

Otra definición está propuesta por Rubén Galleguillo en su tesis doctoral, donde él concibe el fenómeno como un “proceso poliárquico, multidimensional y prospectivo de la democracia liberal que se desarrolla en el espacio ciber-digital” [2, p. 19]. Al mismo tiempo el investigador subraya que todavía no se puede hablar de la ciberdemocracia como de un fenómeno ya existente, porque ahora existen sólo premisas para que aparezca, pero como tal, la ciberdemocracia hoy en día es un proceso en desarrollo. Entre las fuerzas clave se destacan la comunicación, en particular la interacción dialógica, la ciudadanía política, el desarrollo tecnológico que en su conjunto configuran un “tejido conectivo” en cuya la base se forma la ciber-democracia “aun embrionaria”. [3, p. 534].

Cabe destacar que Galleguillo sostiene que la acción comunicativa influye en la integración social y al mismo tiempo forma identidades personales afectando el saber cultural. [3, p. 187]. Hay que subrayar que Galleguillo no es el primero en notarlo. Tales ideas también expresan los investigadores rusos, por ejemplo, lo destacó Valery Iovenko de la Universidad MGIMO, escribiendo que la lengua genera la psicología y la mentalidad nacional, la visión colectiva, así como la peculiaridad nacional y cultural del pueblo [4, p. 127]. También Marina Larionova, otra investigadora de la Universidad MGIMO, sostiene que el discurso no es sólo una manera de reflejar e interpretar el mundo mediante las practicas verbales y no verbales, sino una manera de formar y crear la realidad [5, c. 27].

Así vemos que en realidad la acción comunicativa que es un elemento clave de la ciberdemocracia, cambia las personalidades y su modo de pensar. En este sentido cabe destacar que Eloísa Díaz Muñoz califica la ciberdemocracia como un proyecto planetario con el fin de introducir transformaciones profundas en la sociedad y dar origen a una nueva cultura o cibercultura que se convertirá en “un hilo conductor de la política y programas en las sociedades avanzadas” [1, p. 255]. A saber, las comunidades virtuales sin límites ni restricciones territoriales comenzarán a jugar un papel clave en los procesos democráticos. Como resultado surgirá un nuevo espacio público.

El concepto de la ciberdemocracia está enérgicamente investigado por Víctor Sampedro Blanco que considera que la ciberdemocracia reúne tales nociones como “cibercampaña”, “ciberperiodismo” y “deliberación digital” [6, p. 658] y está definida como “campañas vehiculadas, seguidas y debatidas en la Red” [6, p. 668]. Vemos que esta definición es más amplia y viene más allá que las arriba mencionadas, ya que especifica qué actividades forman parte de la ciberdemocracia.

El investigador Sampedro Blanco lleva estudiando el fenómeno de la ciberdemocracia más de diez años y presenta en sus artículos una imagen bastante detallada de lo que es la ciberdemocracia. También estableció un recurso digital “*ciberdemocracia.net*” con el apoyo y financiación del Ministerio de Economía y Competitividad de España en el marco del Plan Estatal de Investigación Científica y Técnica y de Innovación 2013–2016, con participación de la Universidad Rey Juan Carlos, la Universidad de Valladolid y la Universidad de Leeds [7]. Tal apoyo representativo muestra un interés grande hacia la ciberdemocracia. Sin embargo, las obras de Sampedro Blanco enfocan campañas electorales más que otras actividades en la vida política, lo que significa que su interés investigador se concentra en el desarrollo de los instrumentos de influencia sobre el electorado y las vías de aumentar la popularidad de los partidos políticos en víspera de las elecciones.

Entre otras definiciones hay que mencionar la de Joan Subirats que presenta la ciberdemocracia como un conjunto de “posibilidades que abren tecnologías de información para la democracia y el funcionamiento del sistema político” [8]. El investigador interpreta la ciberdemocracia como una herramienta para el sistema político, sin presentarla cómo un fenómeno nuevo.

José Luis Dader da una definición de la ciberdemocracia que se puede considerar la más completa e integral: “un marco de actividad política sustentada al uso de las nuevas tecnologías interactivas de la información” [9].

En su tesis doctoral dedicada a la ciberdemocracia Eva María Campos Domínguez subraya que la ciberdemocracia proporciona la incorporación de las TICs a la vida política y ofrece a los ciudadanos de a pie la oportunidad de jugar un papel más activo en las cuestiones públicas, debate político y en la toma de decisiones mediante una mayor cantidad de información y las comunicaciones en una gran plaza pública virtual [10, p. 8].

Resumiendo lo arriba mencionado, se puede definir la ciberdemocracia como *un sistema poliárquico y multidimensional de actividades en la esfera de la política, incluyendo campañas electorales, deliberaciones online y periodismo digital realizados mediante TICs, en primer lugar, Internet, y nuevas tecnologías interactivas de la información*. En la ciberdemocracia el papel clave lo juegan la interacción dialógica, prácticas comunicativas y la ciudadanía política; la ciberdemocracia forma comunidades virtuales sin límites y un nuevo espacio público donde los ciudadanos de a pie obtienen la posibilidad de desempeñar un rol más significativo en el debate político y en la toma de decisiones.

Teniendo en cuenta esta definición cabe destacar las particularidades de la ciberdemocracia:

- transparencia de la información y acceso universal a los instrumentos tecnológicos;
- participación espontánea de los ciudadanos en todas las esferas de la vida social;
- consultas ciudadanas sin censo alguno en cuanto a la edad, años de trabajo, profesión, estado civil, pertenencia étnica, etc.;
- ausencia de la necesidad de estar presente físicamente durante las deliberaciones;
- falta de herramientas para controlar el flujo de información y las deliberaciones.

Hace falta subrayar que tal democracia, sin límites palpables, permite tomar decisiones más rápidamente, sin embargo este hecho puede ser un arma de dos filos: las formalidades y la burocracia propias de la democracia tradicional muy a menudo llevan a la toma de decisiones erróneas y precipitadas. Otro rasgo negativo es que, debido a la ausencia del censo, el sistema político pueda enfrentar la falta del profesionalismo, la oclocracia o un gobierno de la muchedumbre.

Ciberdemocracia con una connotación negativa

El 1 de octubre de 2017 en Cataluña se celebró el referendo ilegal que demostró que la mayoría de los catalanes que acudieron a las urnas, aspiran a crear su propio estado. A raíz de la declaración unilateral de independencia por el Parlamento catalán, sea formal o no, el poder central de España emprendió una serie de pasos que condujeron a la aplicación del artículo 155 de la Constitución Española. Carles Puigdemont, la persona clave y el líder del movimiento independentista, el entonces presidente de la Generalitat de Cataluña, abandonó la Ciudad Condal rumbo a Bruselas. El Fiscal General del Estado, José Manuel Maza Martín, dictó una orden española de detención de Puigdemont por presuntos delitos de rebelión y malversación de caudales públicos, veredicto que tocó también a trece correligionarios de Puigdemont. Eso, no obstante, no desbarató los planes de Puigdemont que intentó organizar una versión modernizada de un gobierno en exilio. Desde entonces empieza una nueva etapa en la vida política de Cataluña caracterizada por el fenómeno de la ciberdemocracia que alcanza nuevos matices. Estos matices tienen poco que ver con los estudios optimistas, ya que resulta que la ciberdemocracia puede ser diferente: la que está bienvenida y la que no lo está. Así, la vicesecretaria de estudios y programas del Partido Popular, Andrea Levy comentó que Cataluña “no va a ser una ciberdemocracia, por mucho que se ponga Puigdemont a hacer videoconferencias”, añadiendo: “No vamos a aceptar que Puigdemont crea que el Parlament es un videojuego, que puede aparecer en una videoconferencia y ser un ciberpolítico que controla la vida de los catalanes” [11]. Estas palabras pronunciadas por una de los miembros del partido gobernante atribuyen a la ciberdemocracia una connotación negativa que no figura en ninguna de las definiciones arriba mencionadas. Está claro que el comentario se refiere directamente al rechazo de la candidatura de Puigdemont al puesto del Presidente de la Generalitat a raíz de las elecciones del 21-D debido a su incapacidad de estar presente físicamente durante la investidura. Es por eso que, desde el punto de vista lingüístico y cognitivo, tal referencia connotativamente negativa merece ser mencionada.

Ciberdemocracia en la sociolingüística española

Aunque el término *ciberdemocracia* fue acuñado en 1994, todavía es un fenómeno nuevo para la sociolingüística española, pero ya se puede encontrar intentos de estudiarlo en algunas obras científicas. En particular, Sampedro Blanco hace notar que la ciberdemocracia está intrínsecamente vinculada con el periodismo digital que es una vía excelente de interactividad y participación ciudadana [6, p. 661]. En este sentido los medios de comunicación sirven de herramientas para proporcionar materiales y contenido a la sociedad formando un idioma público [12, p. 48].

En su tesis doctoral “*Ciberdemocracia: El poder del discurso político-ideológico en Twitter en el contexto de la Comunidad Valenciana*” José Manuel Aparicio Moreno estudia mensajes publicados en Twitter que considera una de las herramientas de la ciberdemocracia. El autor llama el lenguaje de las redes sociales

“un arma democrática”, ya que se caracteriza por la expresión libre sin manipulaciones cuando las palabras circulan rápidamente en la red [13, p. 58, 59]. Desde la perspectiva semiótica, el potencial comunicativo del mensaje ideológico-político en las redes sociales de Internet estableció una forma innovadora de interacción con la ciudadanía. Los mensajes en Twitter con un máximo de 140 caracteres, representan la concisión y brevedad del discurso, así como la máxima expresión, con posibilidad de una respuesta instantánea [13, p. 66]. En el marco de su estudio el autor investiga el fenómeno de las acampadas de la #spanishrevolution de 2011, llamando este movimiento “ejemplo de democracia 2.0. o ciberdemocracia”. Esta “revolución” empezó por bitácoras, comunicación en Internet. Las redes sociales, Twitter y Facebook, formaron parte activa de la revuelta e indignación de los ciudadanos [13, p. 63]. El movimiento surgió como resultado de una fusión de diferentes movimientos, pero la chispa la dio el movimiento de *los indignados*, el 15-M, que fue organizado por Democracia Real Ya (DRY) bajo el lema “no somos mercancía en manos de políticos y banqueros”. Luego, un grupo de manifestantes se reunió en la Puerta del Sol en Madrid organizando una acampada allí, comentando sus acciones con hashtags #acampadasol, y por fin las “acampadas” empezaron a surgir en las plazas de diferentes ciudades por toda España. Así nació la palabra con su sentido nuevo – “acampada” – acuñada gracias a las redes sociales.

También es necesario subrayar que con la rápida penetración de TICs en los textos mediáticos españoles aparecen neologismos con el elemento “ciber-” en calidad de prefijo, todavía no registrados en diccionarios españoles. Los investigadores se valen de tales palabras, como *cibergueto*, *cibercampaña*, *ciberactivistas*, *cibervoluntarios*, *cibermilitantes*, *ciberdeliberaciones*, *ciberperiodismo*, *ciberpartidarios*, *ciberoptimistas* y *ciberpesimistas*, *ciberpolítica*, *ciberpolaridad*, etc. [6; 9; 10; 14]. El uso de dichas palabras sin aclaraciones algunas indica que estas nociones ya son comprensibles y bien conocidas por la práctica. Es decir, la ciberdemocracia, o por lo menos sus elementos, ya forman parte de la vida social de España, lo que está reflejado en el idioma.

Eso comprueba que el fenómeno de la ciberdemocracia está investigado en España también desde el punto de vista sociolingüístico. La ciberdemocracia no sólo introduce cambios en la vida política, sino en la lingüística. Aparecen nuevas palabras y cambia el mismo modo de comunicación: los mensajes en Twitter influyen en la manera de expresar ideas, saturan el discurso mediático con las palabras más llamativas y convincentes.

Conclusiones

Con la rápida penetración de nuevas tecnologías cambia el espacio político moderno. El ejemplo de España muestra que va conquistando posiciones el nuevo fenómeno llamado ciberdemocracia que funciona como sistema de actividades en la esfera de la política, incluida la política digital, realizada mediante TICs y que comprende una involucración amplia de la ciudadanía en el debate político y en la toma de decisiones.

Sin embargo, la ciberdemocracia no es un fenómeno completamente positivo: la ausencia del control en las redes puede llevar a que aparezca un gobierno de la muchedumbre, lo que puede poner bajo peligro el poder tradicional del país. La ciberdemocracia también es un objeto de investigación para los lingüistas y, en especial, para los sociolingüistas españoles, que notan cambios en la manera de expresarse en las redes sociales y páginas web donde existe un límite de caracteres por mensaje. Los mensajes vienen a ser saturadas de palabras más llamativas y convincentes. También se notan cambios en el idioma con la aparición de neologismos con el elemento inicial “ciber-”, vinculados con el nuevo fenómeno. En general, aunque el fenómeno es nuevo y todavía está poco estudiado, en la España de hoy se ven huellas claras que deja la ciberdemocracia en la sociedad, la política y la lengua españolas.

Referencias

1. Díaz Muñoz E. Internet: los retos de la ciberdemocracia // Revista internacional de pensamiento político – I Época – Vol. 5, 2010. P. 249–260.
2. Pérez Tapias J. A. Internautas y naufragos. La búsqueda del sentido en la cultura digital. – Madrid: Trotta, 2003.
3. Galleguillo R. R. Comunicación interactiva y poder ciudadano en la ciber-democracia. Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 2015.
4. Jovenko V. A. Mentalidad nacional y lengua: españoles y castellano // Ибероамериканские тетради. – 2016. – № 2 (12). – P. 125–131.

5. *Ларионова М. В.* Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография / МГИМО МИД России, каф. испанского языка. — М.: МГИМО-Университет, 2015.
6. *Sampedro Blanco V.* Ciberdemocracia y cibercampaña: ¿Un matrimonio difícil? El caso de las Elecciones Generales en España en 2008// ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura Vol. 188—756 julio-agosto (2012). P. 657—672.
7. Grupo de investigación en ciberdemocracia. URL: <http://www.ciberdemocracia.net> (fecha de referencia: 28.01.2018).
8. *Subirats J.* Los dilemas de una relación inevitable. Innovación democrática y tecnologías de la información y de la comunicación. En: Cairo Carou, H. (coord.): Democracia digital: límites y oportunidades. — Madrid: Trotta, 2002. P. 89—114.
9. *Dader J. L.* Comunicación política en la Red: Desde las cibercampañas a la transparencia virtual de la administración”. En: conferencia Autoría y Contenidos en la Red. Universidad Internacional Menéndez Pelayo.Valencia: 27.05.— 29.05.2006.
10. *Campos Domínguez E. M.* El desarrollo de la ciberdemocracia en el Congreso de los Diputados: la comunicación e interacción entre ciudadanos y parlamentarios a través de Internet (2004—2008). — Madrid, 2011.
11. Oficina de información del Partido Popular. URL: http://www.pp.es/sites/default/files/documentos/18.12.13_levy_en_torrijos.pdf (fecha de referencia: 28.01.2018).
12. *Hall S.* The Social Production of News. — Londres, 1978. P. 53— 77.
13. *Aparicio Moreno J. M.* Ciberdemocracia: El poder del discurso políticoideológico en Twitter en el contexto de la Comunidad Valenciana. — Valencia, 2016.
14. *Sampedro V., Sánchez Duarte J. M.* Participación ciudadana en las cibercampañas electorales. Debates teóricos y una aproximación tipológica //La democracia del siglo XXI. Política, medios de comunicación, internet y redes sociales. — Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2014.

Раздел III. Научные обзоры, рецензии

Астахова Е. В.

Путешествие как феномен культуры

Рецензия на монографию К. Р. Буйновой «Русские путешественники
в Латинской Америке в XIX – первой трети XX вв.»

Елена Васильевна Астахова, канд. ист. наук,
доцент Кафедры испанского языка.
МГИМО МИД России. elastakhova@yandex.ru

Elena Astakhova

Travel as a phenomenon of culture

Review of the monograph by Kristina Buynova
«Russian travellers in Latin America in the XIX – first third XX centuries»

*...Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Строчка XIII.

В 2017 г. в издательстве МГИМО-Университет вышла монография доцента Кафедры испанского языка МГИМО МИД России, канд. ист. наук К. Р. Буйновой «Русские путешественники в Латинской Америке в XIX – первой трети XX вв.» (15,5 п. л.) [1]. Автор описывает и обобщает опыт русских путешественников, «открывающих» латиноамериканский континент в тот хронологический период, когда он был практически не известен и не изучен в России.

Путешествие как таковое всегда привлекало людей самых разных специальностей и занятий, но в ту эпоху, когда далёкие земли не были так доступны, как в наши дни, за океан отправлялись истинные подвижники. Это были мореплаватели, учёные, представители творческих профессий, иногда и просто искатели приключений. Реалии Латинской Америки того времени воспринимались путешественниками сквозь призму собственных, субъективных представлений, основанных на российском национально-культурном мировидении.

Интерес к путешествию как феномену культуры сам по себе чрезвычайно интересен. Путешествие – это вызов, познание нового мира и самопознание одновременно. Путешествия позволяют взглянуть иначе на наши понятия о привычном, расширяют представления о мире и «насыщают душу». Изучение этой темы активно развивается в последние годы. Филологи, литературоведы, культурологи, историки исследуют традицию путешествий, представленную в художественной литературе, в путевых заметках, личных письмах, судовых журналах, воен-

ных и научных отчетах, в научных публикациях. А такая научная дисциплина как имагология (впервые этот термин — от лат. *imago* — *изображение, образ* — появился в 1920-е гг. в социологии, широкий интерес имагология приобрела в 1950—1960-е гг.) занимается конструированием национальных образов, стереотипов и ментальных карт на основе концепта «свой» / «чужой».

Литература путешествий (отечественная и переводная) всегда была (и остается) популярной в России, начиная с XVIII в. Но важно уметь отделять сочинения беллетристики, похожие на авантюрные романы, от подлинно научного исследования, которое предполагает не только описание и детализацию, но и выявление смыслов.

Автор монографии ставит целью не просто назвать имена путешественников на «экзотический континент» и проследить их маршруты, а проанализировать их впечатления и умозрения в отношении «другого», познать русскую идентичность в зеркале этих поездок.

В обширной историографии русских путешествий с начала XIX — по начало XX вв. присутствуют основные сюжеты: путешествия конца XVIII в. (как казусы); первые кругосветные мореплавания начала XIX в.; первая российская научная экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа; путешествия середины XIX — начала XX вв. Материалы по этим темам традиционно изучались обособленно, а в данном исследовании они представлены в общем цикле, причем использовались самые разнообразные источники — от мемуаров до политических и информационных статей. При этом следует иметь в виду, что путевые заметки показали себя лучшим «путеводителем» по русским путешествиям в Латинскую Америку. Взглянуть на проблему под другим углом помогают художественные произведения, а иллюстративный материал позволяет получить представление о впечатлениях путешественников на невербальном уровне.

Широкий круг материалов подвёл автора к созданию коллективного портрета русских путешественников на далёкий континент. Этот портрет не может быть универсальным, он выглядит мозаичным (что и признается самим исследователем) в силу целого ряда факторов: принадлежность путешественников к разным социальным слоям, разный уровень их опыта и образования, цели путешествия, субъективное восприятие действительности на основе существующей на тот момент информации, личный взгляд, возраст, сфера контактов и многое другое.

Отправляясь в «экзотические страны», принципиально отличные от привычного образа жизни, западноевропейской и русской культурной и бытовой среды, а также православной традиции, герои «формировали ожидания» о предстоящей поездке и своих представлениях о регионе. Этой теме посвящена первая глава исследования. Мы узнаем личные истории путешественников (их имён больше 100 и многие впервые вводятся в научный оборот), сюжеты их путевых заметок, географию поездок — Центральная Америка, Бразилия, Аргентина, Уругвай, Мексика, Куба, Чили, Перу, Эквадор.

Рассматривается «круг чтения», «библиотека» по Латинской Америке, сформировавшаяся в XIX в., которая превращала континент в предмет мечтаний о приключениях, о новых опасностях, о встречах с экзотической природой, и обещала незабываемые впечатления (что, впрочем, не изменилось в сознании современного путешественника до настоящего времени, несмотря на информационную осведомлённость).

Кроме восприятия географических и климатических особенностей разных стран Латинской Америки — от Мексики до Чили и Аргентины, даются разнообразные оценки городской жизни этих стран, политических реалий, политических институтов, отношения к церкви (Глава II).

Реалии, как обычно и бывает, превзошли ожидания путешественников, как в позитивном, так и в негативном плане. Автор с юмором описывает «открытие» разных пластов действительности: общение с местными жителями (некоторые герои довольно быстро выучились говорить «по-гишпански» и на португальском), «гнетущую жару», стихию природы Центральной Америки и южноамериканскую пампу, напоминавшую знакомые просторы.

«Опомнившись после встречи с природой, путешественники принимались осваивать латиноамериканские города. Самыми показательными кажутся описания аргентинского Буэнос-Айреса, нескольких мексиканских городов и бразильского Рио-де-Жанейро», — пишет автор [1, с. 81]. Причём эти оценки зависят от личного, субъективного восприятия и очень разнятся. Общая тенденция в восприятии латиноамериканского города — конфликт ожидаемого и действительного. Так, современники промышленной революции в России не предполагали обнаружить научно-технический прогресс в ещё недавних колониях. От себя скажем, что на наших людей не могло не произвести впечатление метро в Буэнос-Айресе (существует с 1913 г.) и плановая застройка центра города с высокими зданиями, бульварами, парками, великолепными особняками в «парижском» духе.

Контрастными в глазах русских выступают поведенческие характеристики местных жителей — белых, индейцев, метисов. Путешественники, кстати, без труда отличали потомков колонизаторов от коренного населения и даже не смешивали испанцев с португальцами, находили в них много различий. Зарисовки и оценки, высказанные в путевых заметках о латиноамериканцах, диаметрально противоположны — от поэтизации до разочарования. «Однако больше, чем легендарные индейцы, опасные гаучо и вся богатая палитра цветного населения, русских путешественников в Латинской Америке привлекали женщины. Это немудрено — ведь абсолютное большинство героев записок — мужчины, моряки» [1, с.100]. Это забавное эссе озаглавлено *Инессы, Клеопатры и ведьмы с Лысой горы*, что говорит само за себя. В глобальном смысле через призму Латинской Америки русские путешественники убеждались в том, что человеческая природа везде одинакова.

Одной из интереснейших сторон латиноамериканской жизни для «пришельцев» из Российской империи была политика. «Целый материк республик» привлекал к себе внимание как русских либералов, так и консерваторов. «Мало кому удавалось застать республики в состоянии стабильности. Более того, были желающие нарочно увидеть «революцию», — свидетельствует автор, ссылаясь на конкретные примеры. Интересно наблюдать, как отражалось в отзывах путешественников их отношение к революции, демократии, манифестациям, переворотам, «постоянному брожению общества» на протяжении полутора веков. Удивление сменялось восхищением, а затем неприятием и скепсисом. Некоторые считали, что корнем зла была «живость испанской крови», склонность к «политическим интригам и политиканству, унаследованные ещё от старой Испании» (сделать такой вывод способствовала «чёрная легенда» об Испании, насаждаемая рядом западноевропейских стран и нашедшая отклик в России [2, с. 25–31]), а частые революции были напрямую связаны с «падением нравов». В Перу, Мексике, Боливии, Эквадоре и Венесуэле царит «привычка к непрерывным политическим переворотам и совершенное разложение гражданских и общественных нравов», — отмечали герои заметок, распространяя эту «привычку» на генетический уровень [1, с.112–114]. «Гнусность» нравов некоторые путешественники обнаруживали и в монархической Бразилии, в частности, этим был очень озабочен Лангсдорф. Путешественники, считавшие, что молодые республики вращались в порочном круге нестабильной политической ситуации, видели выход, как правило, во вмешательстве внешней силы. «Созидательным ферментом» они почти всегда считали англосаксонскую расу. Неудача демократических форм правления объяснялась также низкой политической культурой и недостаточной сознательностью населения. Маяковский пишет, что в Мексике слово «революционер» определяет каждого, кто «с оружием в руках свергает власть — какую, безразлично. А так как в Мексике каждый или свергнул, или свергает, или хочет свергнуть власть, то все революционеры» [1, с.115]. Разносторонние впечатления складывались у русских путешественников и о крупнейших политических деятелях Латинской Америки, при этом чаще всего их амбиции признавались заблуждением, а деятельность расценивалась как дешёвый театр.

Помимо особенностей политической жизни, любопытство русского путешественника в Латинской Америке вызывало «безраздельное господство» католической церкви.

Описывая местный религиозный быт, русские вояжеры обычно сосредотачивались на внешнем виде церквей и монастырей, степени набожности населения, праздничных процессиях, изображениях святых, а также на нравах католического духовенства и миссионерах. Характерна неприязнь и предвзятость к католицизму на протяжении всего периода исследуемых путевых заметок с XIX до начала XX вв., при этом их авторы не были так единодушны в отношении к другим вероисповеданиям. К религиозности местного населения относились в целом уважительно, но такие крайности, как фанатизм и лицемерие, тут же подмечались и подробно фиксировались. В целом можно сказать, что русские путешественники как православные люди не принимали католический мир в посещаемых странах.

В Латинской Америке русские все чаще вспоминали о Родине. Они, сравнивая «своё» и «чужое», делали выводы. Проведение аналогий, сознательное или нет, упрощало понимание. Ассоциации, которые выстраивали путешественники в связи с Россией, представлены в Главе III монографии.

Путешествие способствовало осмыслению собственной российской жизни, ее политического устройства («крепостная тема», цензура, политические волнения), особенностей отдельных регионов (Кавказ, южно-русские местечки, поселения на Амуре, казаки). Общие оценки основных аспектов латиноамериканских реалий зависели от культурного и образовательного багажа российского подданного (а впоследствии — советского гражданина), их политической

принадлежности. «В этом смысле “царство антиподов” служило и зеркалом, и лупой» [1, с.181]. Часто нужно было далеко отойти от России, чтобы понять «насколько её любишь». Избегая «квасного патриотизма», герои путешествий признавали: «Как мила [Россия] отсюда, каким сравнительно хорошим кажется все своё — мне хочется повторить в сотый раз в десятке своих далёких поездок. Кому тесно на родине, пошлите его на год—два в далёкие страны, особенно в Америку, — с какой любовью к России он вернётся обратно...» [3].

Высоко оценивая данную монографию в целом, в то же время хотелось бы высказать некоторые замечания. Рекомендуем автору не увлекаться излишней мозаичностью текста и большим количеством цитат. «Многоцветье» слов и красивых оборотов подчас затрудняет аналитическое прочтение высказанного тезиса. На наш взгляд, заслуживает отдельного очерка описание отношения латиноамериканцев к путешественникам из России, что была затронуто в третьей главе несколько пунктирно.

Подчеркнём, что К. Р. Буйнова демонстрирует достойный беллетристический стиль и чувство юмора, о чём свидетельствуют подзаголовки разделов исследования, которые не могут не привлечь внимание читателя, например: Страшное безобразие природы. Дети солнца, брахицефалы и охотники за скальпами. Вожди народа, кокетливые барышни и другие людоеды. Люди всех цветов и нюансов и т. д. Вместе с тем советуем автору не злоупотреблять «журналистским» стилем в подаче научного материала.

В заключении особо следует отметить, что автор опирается на богатую библиографическую базу, которая включает официальные источники, путевые заметки, дневники, воспоминания, письма, литературные произведения и справочные издания за обширный период с начала XIX в. по настоящее время. Заслуживает специальной похвалы работа автора в российских исторических архивах, таких как Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге, Российский государственный архив литературы и искусства в Москве и др. Монография К. Р. Буйновой, безусловно, интересна, насыщена новой и увлекательной информацией и вызовет интерес всех, кто профессионально связан с ибероамериканистикой, а также других читателей.

Литература / References

1. Буйнова К. Р. Русские путешественники в Латинской Америке в XIX — начале XX века: монография / К. Р. Буйнова // МГИМО МИД России, каф. испанского языка. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — 266 с.
2. Астахова Е. В. Испания как метафора: монография / Е. В. Астахова // МГИМО МИД России, каф. испанского языка. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — 276 с.
3. Бальмонт К. Д. В странах солнца. № 4. Письма к частному лицу из кругосветного путешествия. — Изд-во: Salamandra P.V.V. 2014. — 56 с.
4. Buynova K. R. Russkiye puteshestvenniki v Latinskoy Amerike v. XIX — nachale XX veka: monografiya / K. R. Buynova // Mosk. gos. in-t mezhhdunar. otnosheniy (un-t) M-va inostr. del Ros. Federatsii. kaf. ispanskogo yazyka. — Moskva : MGIMO-Universitet. 2017. — 266 s.
5. Astakhova E. V. Ispaniya kak metafora: monografiya / E. V. Astakhova // MGIMO-Universitet MID Rossii. kaf. ispanskogo yazyka. — M.: MGIMO-Universitet. 2017. — 276 s.
6. Balmont K. D. V stranakh solntsa. № 4. Pisma k chastnomu litsu iz krugosvetnogo puteshestviya. Izdatelstvo: Salamandra P.V.V.2014. — 56 s.

Sádikov Alexander

El saber comunicar en la enseñanza del español como lengua extranjera. Reseña del capítulo “Actos de habla en el contexto de la didáctica de ELE: ¿Cómo enseñar a evitar conflictos comunicativos?” de Marina V. Larionova y Galina S. Romanova [1]

Alexander Sádikov, Catedrático,
Doctor en Lingüística Románica
Escuela Superior de Lenguas Extranjeras
Ministerio de Asuntos Exteriores.
Federación de Rusia.
el_moscovita2002@mail.ru

En diciembre del año 2017 la prestigiosa editorial española Síntesis publicó la monografía “Singularidad y Novedad en los Estudios sobre los Actos de Habla”, dirigida por la doctora Aura Luz Duffé Montalván. El libro reúne experiencias y reflexiones de nueve autores que representan diferentes universidades de Alemania, Bélgica, España, Francia, Polonia, Rusia. El estudio colectivo está centrado en los actos de habla y su papel que desempeñan en el proceso de la enseñanza-aprendizaje de una lengua extranjera.

El capítulo «*Actos de habla en el contexto de la didáctica de ELE: ¿Cómo enseñar a evitar conflictos comunicativos?*», presentado por la Dra. Marina Lariónova y la Dra. Galina Románova, ambas enseñantes e investigadoras de la Universidad de Relaciones Internacionales de Moscú (Rusia), se propone esbozar unas pautas para la aplicación de ciertos postulados teóricos a la praxis de enseñanza del español como lengua extranjera a estudiantes rusos, empresa esta que las profesoras ya han ido realizando en sus cursos de español.

Las autoras demuestran un profundo dominio de las concepciones lingüísticas modernas, principalmente las nacidas en el seno de la «teoría de actos de habla» que debe su origen a los estudios de J. Austin [2], continuados en los trabajos de estudiosos rusos de tiempos más recientes.

Al sintetizar los criterios desarrollados por los principales exponentes de la mencionada teoría, las autoras propugnan una visión del lenguaje en cuanto unión de tres dimensiones de su existencia y funcionamiento: *la semántico-verbal*, la *linguocognitiva* y *la pragmático-valorativa*. Esa visión, según ellas, no ha de permanecer y evolucionar tan solo en el dominio de teoría pura, sino plasmarse en la didáctica de lenguas, para lo cual será necesario mover el énfasis tradicionalmente puesto en la primera de las dimensiones mencionadas, que imponía la visión del lenguaje como inventario de nombres de objetos y fenómenos, a la segunda y, sobre todo, a la tercera que supone el manejo de una lengua extranjera como instrumento de comunicación viva entre seres humanos de carne y hueso, dispuestos a desenvolverse en el ambiente social, pero de conformidad con los patrones culturales en que fueron educados. Como correctamente destacan las autoras, los errores cometidos en el ámbito de la primera de las dimensiones mencionadas (fonéticos, gramaticales u otros) son fácilmente perdonados a extranjeros y no generan ningún conflicto interpersonal; no así los consistentes en el uso incorrecto de fórmulas de pedido o de mandato, o las de cortesía (u omisión de estas últimas). Observación esa, añadamos, que se extiende entre otros, al dominio de comportamiento paralingüístico, como también señalan las autoras.

M. Larionova y G. Romanova van más allá de lo expuesto, introduciendo el concepto psicológico de *empatía* con vistas a aplicarlo también a sus tareas de linguodidáctica. Este principio, que podría resumirse como *el saber sentir como el prójimo*, podría, en su expresión verbal, «evitar — escriben ellas —

conflictos comunicativos y salvar las distancias interculturales que, a menudo, ocasionan incomprensión, malentendidos y fallos discursivos. Como puente pueden servir las estrategias empáticas basadas en las leyes universales de la comunicación cooperativa que también merecen una atención adecuada en clase de *ELE*».

Las autoras ilustran sus ideas sobre el posible uso de fórmulas empáticas verbales en clases de español. En estos ejemplos es el profesor de ELE el que hace de sujeto de empatía, siendo el alumno su destinatario. Parecería que tiene sentido, además, enseñar a los estudiantes un conjunto de pautas de cómo podrían (y, a veces, deberían) ser ellos los sujetos de esa clase de conducta, tanto verbal como extraverbal, lo cual constituye parte integrante de nuestro saber comunicar y compenetrarnos con el interlocutor, saber este que nos adecúa a ser miembros de la comunidad de las gentes.

Y, claro está, coincidimos con las autoras del trabajo reseñado en su deseo de contribuir a que las clases de lenguas contemplen, entre otras cosas, la consecución de un «manejo adecuado de los actos de habla que constituyen un recurso lingüopragmático y cultural que todavía está lejos de ocupar un lugar que le corresponde en los currículos y planes de estudios universitarios».

A 19 de febrero de 2018

Referencias

1. *Larionova M., Romanova G.* Actos de habla en el contexto de la didáctica de ELE: ¿Cómo enseñar a evitar conflictos comunicativos? / *M. Larionova, G. Romanova* // Singularidad y novedad en los estudios sobre los actos de habla. Aura Luz Duffé Montalván (coord.) — Editorial Síntesis, S.A. — Madrid, España, 2017. — P. 77–110.
2. *Austin, John. L.* Cómo hacer cosas con palabras. — Barcelona: Paidós, 1962.

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего
профессионального образования
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77–57728 от 18 апреля 2014 г.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 1 (19) 2018

Редактор — *В. И. Шанкина*
Технический редактор — *Е. П. Конюхова*
Дизайн, компьютерная верстка — *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184
Тел./факс: 8(495) 43 42 044
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru

Подписано в печать 2018
Объем — п. л. Тираж 500. Заказ №
Издательство ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва